

КНИГА В РОССИИ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Ордена Трудового Красного Знамени
БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ НАУК СССР

КНИГА
В РОССИИ
В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЛЕНИНГРАД
1988

При оформлении обложки использованы гравюры из „Révolutions de Paris“ (Paris, 1790)

К $\frac{4503000000-37}{042(02)-88}$ 14

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник научных трудов «Книга в России в эпоху Просвещения» посвящен 200-летию Великой французской революции. Издание подобного рода для Библиотеки Академии наук не случайно. Тема русско-французских связей в XVIII в. является одним из основных направлений работы научно-исследовательского отдела истории книги БАН СССР.[1] При разработке проблем истории книги в России XVIII — середины XIX в., которыми преимущественно занимается отдел, невозможно пройти мимо многосторонних русско-французских культурных связей, характерных для этого периода (см. статью *А. С. Мыльникова*).

Статьи и публикации, помещенные в сборнике,[2] охватывают XVIII — начало XIX в. Наиболее ранние материалы — о библиотеках сподвижников Петра I — А. Д. Меншикова и П. П. Шафиров — свидетельствуют о том, насколько богато уже в первой трети XVIII в. французская книга была представлена в библиотеках русских государственных деятелей. На рубеже XVIII и XIX вв. французская книга в русских библиотеках, содержавших иностранные книги, как правило, преобладала. Особенно полно в них была представлена французская «Россика». В сборнике публикуется издательский проспект «Российской истории» П. Ш. Левека, одного из самых популярных французских сочинений по истории России; рассматривается состав библиотеки видного государственного деятеля и историка А. В. Казадаева и публи-

[1] См., напр., коллективную монографию: *П. И. Хотеев, Н. А. Копанев, В. А. Сомов.* Французская книга в России в XVIII в. Очерки истории. Л.: Наука, 1988. 255 с.; *Н. А. Копанев.* Французская книга и русская культура в середине XVIII века (Из истории международной книготорговли). Л.: Наука, 1986. 158 с.

[2] Настоящий сборник является продолжением трудов по истории книги, подготовленных НИОИК БАН СССР. О предыдущих сборниках см.: Книга в России. XVI — середина XIX века: Книгораспространение, библиотеки, читатель. Л., БАН, 1987. С. 3 (прим.).

куется список иностранных, преимущественно французских, книг о России; выявляются французские источники публикации о смерти Павла I, помещенной в «Историческом сборнике» Герцена и Огарева в 1859 г.

Исследования, опубликованные в сборнике, показывают, насколько многообразным и сложным было взаимодействие двух культур. Уже к середине XVIII века контакты становятся прочными и устойчивыми. Примером этого являются связи Петербургской Академии наук с видным парижским издателем и книготорговцем А. К. Бриассоном — одним из инициаторов издания знаменитой «Энциклопедии».

Французская книга, как в оригиналах, так и в переводах, была распространена не только в столице, о чем свидетельствуют материалы «Санктпетербургских ведомостей», но и на окраинах Российской империи. Сочинения французских просветителей, например, проникали в Молдавию и оказывали плодотворное воздействие на мировоззрение деятелей национальной культуры.

События Великой французской революции влияли на общественно-политическую и культурную жизнь России. Так, отражением все усиливающейся реакции, явившейся ответом русского двора на революционные события, стала судьба трагедии «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина, запрещенной и уничтоженной на костре.

В конце XVIII в. заметно возрос интерес русского читателя к историко-политической и философской литературе, отражавшей борьбу мнений и идей вокруг революционных событий. В России в конце XVIII в. уже были хорошо известны труды французских просветителей. Сочинения аббата Мабли продавались, например, в Петербурге и Москве, они распространялись в оригиналах и переводах, с ними были хорошо знакомы представители разных слоев русского общества.

Несмотря на то, что с начала 90-х гг. XVIII в. все ужесточается цензурный контроль за иностранной, особенно французской книгой, издания революционной Франции продолжали поступать в Россию как в этот период, так и позднее. В сборнике дается краткий обзор богатой коллекции литературы революционных лет, хранящейся в БАН СССР. В исследовании, посвященном «Марсельезе», уточняются и дополняются сведения о распространении в России этого революционного гимна, других музыкальных изданий. Получил отклик в русском обществе и вышедший в 1789 г. в Париже аболиционистский роман де Лавалле.

Восприятие Французской революции в русском обществе было неоднозначным. Русский читатель стремился постичь события Французской революции во всей их сложности и многообразии. Именно поэтому в конце века стало актуальным для России сочинение Э. Бёрка, известного английского государственного деятеля, «Размышления о революции во Франции», содержавшее критику «буйных перемен».

Одним из непосредственных свидетелей парижских событий — взятия Бастилии, народных волнений — был П. П. Дубровский. В сборнике уточняются сведения об организации им в разгар революции типографии в Париже. Ценнейшие бумаги из архива Бастилии, собранные П. П. Дубровским, ныне хранятся в Отделе рукописей ГПБ. В сборнике помещена рецензия на аннотированный каталог этих документов (Л., 1988).

Участие в сборнике приняли не только сотрудники БАН СССР, но и специалисты из других учреждений Ленинграда, Москвы, Кишинева: Т. П. Воронова (ГПБ), М. Ш. Файнштейн (ЛО ААН), С. Я. Карп (Институт всеобщей истории), С. Н. Искюль, М. М. Сафонов (ЛОИИ СССР), Л. А. Федоровская (ЛГИТМиК), И. В. Саверкина (Эрмитаж), Д. К. Грама (Институт философии и права АН Молдавской ССР), К. Я. Слуту (ЦНБ АН Молдавской ССР). Этот широкий круг специалистов свидетельствует о том, насколько велик интерес к проблемам русско-французских контактов и изучению их роли в истории отечественной книги.

А. С. Мыльников

О НЕКОТОРЫХ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХ КНИЖНЫХ СВЯЗЕЙ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

В настоящее время нет необходимости доказывать, что история книги является составной частью истории культуры. Это положение, получившее обоснование в книговедческой литературе, общепризнано и бесспорно. Важнее подчеркнуть, что отсюда вытекает необходимость рассмотрения истории международных книжных контактов в более широких рамках общения между различными странами и народами. Это не просто фраза. Включение это влечет за собой некоторые выводы, относящиеся к применению в историко-книговедческих исследованиях определенной культурологической методики. На этой проблематике, не претендуя на ее полное и исчерпывающее освещение, нам и хотелось бы вкратце остановиться.

Прежде всего — о предмете исследования. В реальной действительности, если отвлечься от тенденций интернационализации международной жизни, культура выступает как феномен этнический. Но феномен этот в каждый данный момент находится на определенном уровне, детерминированном, в конечном счете, уровнем общественного производства. Поэтому простое соотнесение или сопоставление сосуществующих этнических культур для понимания логики их внутреннего развития и вытекающих из этого тех или иных особенностей внешних контактов недостаточно.

«Взаимоотношения между различными нациями, — отмечали в свое время К. Маркс и Ф. Энгельс, — зависят от того, насколько каждая из них развила свои производительные силы, разделение труда и внутреннее общение... Но не только

отношение одной нации к другим, но и вся внутренняя структура самой нации зависит от ступени развития ее производства и ее внутреннего и внешнего общения».[1] В интересующем нас случае плодотворным может оказаться обращение к историко-типологическому подходу, в основе которого лежит представление о культурно-историческом типе как целостной, открытой и развивающейся стадиально-формационной системе, в сфере культуры отвечающей определенному уровню материального и духовного производства, взятого в диалектической взаимосвязи и динамике.[2] Основные типы культуры соответствуют зрелым периодам соответствующих общественно-экономических формаций; транзитивные типы культуры отвечают периодам перехода от одной формации к другой, когда происходит борьба между отживающими, уходящими в прошлое и новыми, зарождающимися и развивающимися культурными структурами.

Если с такой точки зрения подойти к культурной ситуации в России и Франции XVIII в., то можно заключить, что в обеих странах господствовал типологически сходный культурно-исторический тип, а именно транзитивный тип культуры периода перехода от феодализма к капитализму. Различие, однако, заключалось в том, что в России этот тип находился еще на стадии развития, а во Франции близился к своему завершению, конечной гранью которого стала Великая буржуазная революция 1789 г. В нашу задачу не может входить выяснение аналогичной конечной грани для русской культуры — ею можно, согласно традиционным представлениям советской историографии, считать буржуазные реформы 1860-х гг. или, что, по-видимому, было бы правильнее, революцию 1905—1907 гг. Вопрос этот выходит за рамки стоящих перед нами задач, хотя сам по себе для историко-культурного исследования он имеет первостепенное значение. Дело отнюдь не сводится к схоластическим спорам о достоинствах той или иной периодизации. Здесь мы видим нечто

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 3. С. 19—20.

[2] Подробнее см.: *Мыльников А. С.* 1) О понятии «культурно-исторический тип»: вопросы историографии // Методологические проблемы исследования истории культуры: Сб. науч. тр. Л., 1982. С. 57—84; 2) О понятии «культурно-исторический тип»: вопросы морфологии // Методология и методы исследования культуры: Сб. науч. тр. Л., 1984. С. 18—27; 3) О советской концепции всеобщей истории книги: К постановке вопроса // Книга: Исследования и материалы. М., 1985. Т. 50. С. 127—135; 4) К построению исторической типологии культуры и искусства // Искусство в системе культуры: Сб. науч. тр. Л., 1987. С. 47—51; 5) Теоретическое наследие В. И. Ленина и задачи изучения истории народной культуры // Ленинизм и проблемы этнографии. Л., 1987. С. 38—66.

гораздо более существенное. Сердцевиной любого культурно-исторического типа является порождаемый уровнем общественного производства тип человеческой личности, которому присущи ценностные характеристики — мироощущение, видение окружающей действительности и адекватная ему оценка, социальная психология, формы общественного сознания. Все это носит также стадиально-формационный характер и накладывает отпечаток на культуру — ее создание, хранение, потребление и трансляцию. Совокупность того и другого имеет прямое касательство к изучению специфики межэтнических контактов, к взаимодействию между собой «передающей» и «принимающей» сторон.

Возникающие при этом ситуации достаточно проницательно отметил, например, чешский путешественник граф Иоахим Штернберг, вместе с Йозефом Добровским совершивший в 1792—1793 гг. путешествие в Россию. В изданных им описаниях поездки И. Штернберг неоднократно размышлял о роли культуры в жизни народа, резко осуждая показной смысл «просвещенного» курса Екатерины II. Он подчеркивал губительность самодержавного режима для экономики и культуры страны, о народе которой неизменно писал с симпатией и сочувствием.[3] Но именно это, кричащее противоречие между огромными возможностями России и природными данными угнетенного народа и давящим произволом деспотизма заставляло И. Штернберга снова и снова обращаться к теме связи культуры с практическими потребностями общества. Обращаясь к читателю-собеседнику, чешский автор, например, писал: «Я найду Вас удивленным и сконфуженным из-за судьбы прекрасной обсерватории в Петербурге, где инструменты с момента их прибытия из Лондона уже 16 лет лежат нетронутыми в ящиках».[4] Резюмируя свои наблюдения, он следующим образом сформулировал свой взгляд: «Князь может основать в своей стране университет, академии и т. д., он может нужду в национальных кадрах ученых и художников восполнить приглашением иностранцев, но чем все это поможет национальному самосознанию?». И далее, что для нашей темы особенно важно, И. Штернберг назвал состояние книжной торговли критерием уровня

[3] Подробнее, с приведением библиографии см.: *Мыльников А. С.* Иоахим Штернберг и чешские параллели к «Путешествию» Радищева // XVIII век: Сб. 12. А. Н. Радищев и литература его времени. Л., 1977. С. 183—198.

[4] *Sternberg I.* Reise von Moskau über Sofia nach Königsberg mit einer kurzen Beschreibung von Moskau nebst meteorologischen und mineralogischen Beobachtungen. Berlin, 1793. S. 32—33.

образованности в любой стране: «Если Вы захотите узнать, насколько просвещен разум нации, насколько она любит приятные и полезные науки, поинтересуйтесь только состоянием книжной торговли. Образованность столь же очевидно и, может быть, еще очевиднее связана с книгой, чем искусство врачевания с аптекой».[5] Мысли, высказанные И. Штернбергом, достаточно показательны: они принадлежали одному из видных представителей движения иллюминатов, имевшему контакты как с русской стороной, так и с рядом представителей западноевропейской, в том числе французской, общественной жизни накануне и в период великой революции.

Таким образом, предметом изучения международных книжных связей эпохи Просвещения должно стать, между прочим, выявление типологического соответствия вступающих в контакт культур, чтобы полнее понять значение этих связей и их непосредственное влияние на духовную жизнь своего времени.

Под этим углом зрения заслуживал бы внимания комплексный анализ как всего репертуара французской книги, так и отдельных ее экземпляров, распространявшихся в России в виде оригинальных изданий, переводов и списков. Такой подход стимулирует создание целостной картины не только двусторонних русско-французских культурных связей XVIII в., но и постепенного накопления своеобразного банка информации о зарубежных народах в целом. В качестве одного из примеров сошлемся на выполненный видным русским дипломатом и литератором Я. И. Булгаковым (1743—1809) перевод обширного труда Ла Порта (1713—1779) «Французский путешественник». Первое издание увидело свет в петербургской типографии Вейтбрехта и Шнора в 1778—1794 гг. Оно состояло из 27 томов и имело название «Всемирный путешествователь».[6]

О содержании труда свидетельствовал длинный подзаголовок, который заслуживает того, чтобы его привести полностью: «Познание Стараго и Новаго света, то есть: описание всех по сие время известных земель в четырех частях света содержащее, каждыя страны краткую историю, положение, города, реки, горы; правление, законы, военную силу, доходы; веру ея жителей, нравы, обычаи, обряды, науки, художествы, рукоделия, торговлю, одежду, обхождение, народныя увеселения, доможитие; произрастения, отменных живот-

---

[5] Ibid.

[6] Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. К—П. М., 1964. Т. 2. С. 120—121 (№ 3462—3464).

ных, зверей, птиц и рыб; древности, знатныя здании, всякие особливости примечания достойныя, и пр.».

«Всемирный путешественник» (надо признать, что заглавие, данное переводчиком, удачнее авторского) можно было бы проанализировать с нескольких точек зрения. Во-первых, с собственно книговедческой. В частности, по степени его популярности. Об этом свидетельствовало то, что не завершив еще первого издания, в той же типографии приступили к выпуску второго (1780—1786). Но вышло только одиннадцать томов — история вопроса нуждается в особом рассмотрении. Зато третье (и последнее) издание, осуществленное в Петербурге в 1800—1816 гг., содержало то же количество томов, что и первое. К каждому тому второго и третьего издания прилагались указатели: «Реестр собственных имян и вещей примечания достойных».

Еще большие возможности открываются при анализе содержания «Всемирного путешественника». Обратим внимание лишь на два возможных аспекта. С одной стороны, это аспект этнографический, поскольку автор значительное место уделил культуре разных стран и народов, в особенности обычаям, народным развлечениям и тому, что, употребляя современную нам терминологию, следовало бы назвать культурой жизнеобеспечения и соционормативной культурой. Иначе говоря, «Всемирный путешественник» можно отнести к работам, подготавливавшим становление этнографии как самостоятельной области знания. И не только ее.

В нескольких томах, посвященных Европе, содержались главы с описанием России, Польши, а также ряда славянских земель, входивших в состав других государств. Конечно, для автора информация такого рода была лишь частью общего плана труда. При изучении истории формирования славистики «Всемирный путешественник» едва ли должен забываться. Но этот труд и другие, подобные ему справочно-практические издания XVIII в. («Новое землеописание» А. Ф. Бюшинга, энциклопедии т. д.), в историографии славянских изучений во внимание обычно не принимаются. Между тем, рассчитанные на широкий круг тогдашней читающей публики, они отражали уровень осведомленности своего времени и были объективным показателем уровня информации о славянских народах, которым в принципе мог располагать образованный человек эпохи Просвещения. Труд французского автора, переведенный на русский язык, вдвойне интересен и важен с указанной точки зрения.

Вообще, надо заметить, что изучение внутреннего состава

книжного репертуара в истории русско-французских книжных связей эпохи Просвещения как своего рода экзегетический подход обладает значительными возможностями, до сих пор в полную меру не использованными. При этом следовало бы обратить внимание на роль третьих стран как посредников в развитии этих контактов. В этом смысле особое значение имело немецкое книжное дело — и чисто технически (использование немецких типографий, книжного рынка и т. п.), и по содержанию (роль немецкой книги как источника сведений о Франции в России и о России во Франции).[7] Эта проблематика будет, несомненно, привлекать к себе все большее внимание в дальнейшем.

Возвращаясь к использованию возможностей культурно-типологического подхода, отметим, что в классово-антагонистическом обществе культура, в силу ее неоднородности, состоит из двух основных социальных срезов. Один из них, «верхний», представляет собой сложный конгломерат культуры господствующих классов и культуры образованных слоев общества (что не одно и то же) — это так называемая ордодоминантная культура. Другой, «низовой» — народная культура, отражающая трудовую деятельность, быт, духовные запросы и чаяния непривилегированных классов и слоев сельского и городского населения. Оба эти социальные среза со всей отчетливостью проступают в эпоху Просвещения, хотя между ними, разумеется, существовали разного рода промежуточные, маргинальные культурные явления.

Для изучения истории книги и, особенно, международных книжных контактов отмеченная черта имеет далеко идущее значение: что знали друг о друге не только образованные люди разных стран, но и «простонародье», насколько глубоко проникала информация о книжном деле, скажем, в России — о французском, а во Франции — о русском? Пока еще со всей определенностью применительно к интересующей нас эпохе ответить на подобные вопросы трудно. И дело не только в том, что как самостоятельная цель исследования они еще по-настоящему не поставлены, но и в том, что при обращении к ним мы сразу же сталкиваемся с недостатком или отсутствием источниковой базы.

Само по себе это и не удивительно, поскольку тяжелое положение социальных низов как в России, так и во Франции накануне революции конца XVIII в., высокий уровень

---

[7] Сошлемся, например, на глухие сведения об издании в Берлине в конце XVIII в. на русском языке французских революционных брошюр. См.: *Мыльников А. С.* Русские нелегальные издания из Берлина? // Книга: Исследования и материалы. М., 1987. Т. 55. С. 204—206.

неграмотности рядового населения — все это не могло создать благоприятные условия для взаимных книжных контактов в сфере народной культуры. И если такие контакты все же имели порой место, то осуществлялись они иными средствами и в иной форме. Одной из них был фольклор, который, хотя и со значительными трудностями, все же просачивался через государственные рубежи. В известной мере этому содействовали народная книга, лубочные издания, в которых использовались разного рода обработки сюжетов, пользовавшихся популярностью в России и в других странах, включая Францию.[8] Они дополнялись газетными сообщениями и разнообразными слухами, для которых границы не составляли непреодолимых препятствий. Тем более, если речь шла о событиях крупных, неординарных.

Под этим углом зрения обследование репертуара не только русской, но и французской книги могло бы составить одну из первоочередных задач изучения истории двусторонних книжных связей. Вот лишь один из примечательных образчиков такого рода. Вскоре после казни 10 января 1775 г. вождя Крестьянской войны в России Е. И. Пугачева (в немецкой прессе сообщение об этом появилось 23 февраля, а во французской — 8 марта) во Франции вышла в свет в двух томах книга «Ложный Петр III или жизнь и приключения бунтовщика Емельяна Пугачева». Автор книги назван не был, но в подзаголовке утверждалось: «С русского оригинала», т. е. книга эта представляла собой якобы перевод с русского издания. Е. И. Пугачев изображался как благородный разбойник, причем его любовным похождениям было уделено едва ли не больше внимания, нежели его ратным подвигам. Этот галантный роман, написанный в типичной для французской авантюрной литературы XVIII в. манере, составлял первый том, тогда как второй содержал перевод официальных документов царского правительства о Пугачевском движении. Немецкий исследователь В. Гюнцеродт, обративший внимание на это любопытное издание, справедливо отвергал мысль о переводном характере романа, со всей определенностью указав, что русского оригинала не существовало, а ссылка на него дана в целях мистификации (как, впрочем, и место издания — Лондон).[9] Однако факт

[8] *Базанов В. Г.* От фольклора к народной книге. Л., 1973.

[9] *Günzerodt W.* Der erste Roman über Emeljan Pugačev // Zeitschrift für Slawistik. 1958. № 5. S. 711—716. Здесь же приведено библиографическое описание романа «Ложный Петр III»: Le faux Pierre III ou La vie et les avantures du rebelle Jemeljan Pugatschew. D'après l'original Russe de F. S. G. W. D. B. Londres, 1775.

выхода этой книги уже в 1775 г. примечателен сам по себе: это было первое художественное произведение о Е. И. Пугачеве в мировой литературе.

В 1776 г. роман был издан в Лейпциге, причем в подзаголовке, частично повторяя слова французского оригинала, значилось: «С русского подлинника господина Ф. С. Г. В. Д. Б. переведено на французский, а с этого языка на немецкий». Этим странствия романа не закончились: в 1809 г. он был опубликован в Москве по-русски под названием «Ложный Петр III или жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева». Уничижительные дефиниции заглавия не помогли. В январе 1811 г. Александру I «благоугодно было высочайше повелеть запретить» указанную книгу. Извещая об этом петербургский цензурный комитет, попечитель столичного учебного округа подчеркнул: «Вследствие чего комитет цензурный по долгу своему имеет строго наблюдать, чтобы с его стороны не было позволения к напечатанию упомянутой книги».[10] Так в России, спустя три с половиной десятилетия после его первого французского издания, завершилось странствование романа о Пугачеве. История «Ложного Петра III», нуждающаяся еще в дополнительном изучении, может быть с полным основанием включена в контекст истории русско-французских не только книжных, но и культурных связей эпохи Просвещения.[11]

Мы остановились лишь на некоторых методологических вопросах этих связей, имеющих отношение прежде всего к их предмету и социальной стратификации. Здесь важна постановка вопроса, поскольку — и это следует специально подчеркнуть — подход с позиций культурно-исторической типологии предполагает рассмотрение культурных явлений сквозь призму адекватного им исторического типа личности. Материалы истории книги и русско-французских (как и любых других) книжных контактов как раз и создают для реализации такого подхода необходимые возможности. Понятно, что указанная проблематика заслуживала бы в ходе ее детального рассмотрения дальнейшего расширения.

Но уже и теперь имеющийся опыт, значительный вклад в обогащение которого вносят книговедческие труды Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде, со всей очевидностью свидетельствует о перспективности именно такого, широкого историко-культурного осмысления книжного дела.

---

[10] ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, № 107, л. 1.

[11] *Сомов В. А.* Французская «россика» эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории. Л., 1986. С. 174—175.

Интеграция книговедческого анализа с методикой других научных дисциплин, занимающихся изучением культурно-исторического процесса, создает качественно новые предпосылки для междисциплинарного исследования книги как важнейшего компонента культуры, по своей сути выступающего действенным средством развития международного общения.

Е. А. Савельева

ИЗДАНИЯ ВРЕМЕНИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СОБРАНИИ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Издания времени Французской революции в России XVIII—XIX вв. были материалом коллекционным и, как правило, в государственные хранилища не поступали. Именно этим может быть объяснено почти полное отсутствие подобных изданий во II-м (иностранном) отделении Библиотеки Академии наук. Крупнейшим частным собранием французских книг, в том числе и опубликованных во время революции во Франции, уже в то время было собрание графов Воронцовых в Петербургском и Алупкинском дворцах. Коллекционировали эти издания и рыбинские дворяне Михалковы в своем имении в селе Петровском. Собирал их, будучи в конце XVIII в. в Париже, и П. П. Дубровский, но его собрание хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Коллекция изданий времени Французской революции, ныне находящаяся в отделе рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР, в какой-то мере сложилась стихийно в начале XX в., когда в библиотеку начали поступать частные собрания. В основе этой коллекции лежат два собрания: часть коллекции графов Воронцовых, поступившая в БАН вместе с библиотекой юрисконсульта А. Я. Пассовера, состоящая из памфлетов, как революционной, так и контрреволюционной тематики. Она была куплена у известного петербургского букиниста А. В. Клочкова. Другая часть Воронцовской коллекции, включающая в себя и архив графов Воронцовых, была приобретена академиком Н. П. Лихачевым и ныне хранится в Архиве Ленинградского отделения

Института истории СССР АН СССР. Часть собрания этих изданий из Алупкинского дворца ныне находится в Институте научной информации по общественным наукам в Москве.

Вторая большая часть коллекции Библиотеки Академии наук СССР является одним из разделов крупного книжного собрания рыбинских дворян Михалковых, которое также поступило в Библиотеку Академии наук в начале XX в.[1] Это собрание было известно как одно из лучших собраний периодических изданий, в числе которых были даже отдельные номера газеты Ж.-П. Марата «Друг народа», оказавшей большое влияние на народные массы Франции осенью 1789 г. своими призывами к походу на Версаль. «Друг народа» была единственной газетой, подвергавшейся непрерывным преследованиям и запретам. Вскоре после выхода первых номеров Марат вынужден был издавать ее подпольно. «Друг народа» — единственное запрещенное издание времени Французской революции.[2]

В целом коллекция Библиотеки Академии наук СССР насчитывает около 3000 томов книг, журналов и брошюр, изданных во время революции во Франции с 1787 по 1805 г. По содержанию коллекция БАН не ограничивается только антиреволюционными и революционными памфлетами и изданиями революционного характера. Она включает в себя весь комплекс публикуемой в то время во Франции литературы независимо от содержания. Подобный отбор позволяет судить о книжной культуре Франции в период революции и показывает, как к концу XVIII — началу XIX в. постепенно вытесняются революционные издания.

Если с 1787 по 1794 г. вся Франция была наводнена изданиями революционного характера и памфлетной литературой (примером могут служить речи Ж.-П. Марата, М. Робеспьера, А. Клотса и др.), то к концу века в большом числе начинают публиковаться книги самого разнообразного содержания, например труды Ж.-Л. Бюффона по естественной истории, заказанные Екатериной II исторические труды о России Н. Г. Леклерка и П. Ш. Левека и многие другие сочинения нереволюционной тематики.

В начале революционного периода особым успехом пользовались сочинения сторонников партии конституционалистов,

---

[1] См.: История Библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964. М.; Л.: Наука, 1964. С. 284.

[2] L'Ami du peuple ou le publiciste parisien, journal politique, libre et impartial, par une Société de patriotes et rédigé par M. Marat, auteur de l'„Offrande à la patrie", du „Moniteur" et du „Plan de constitution", etc. 16 sept. 1789—21 sept. 1792. № 1—685.

DÉCLARATION
DES
DROITS DE L'HOMME
EN SOCIÉTÉ.

Par M. l'Abbé SIEYES.

A VERSAILLES,

Chez BAUDOUIN, Imprimeur de L'ASSEMBLÉE NATIONALE, Avenue de S. Cloud, nº 69.

1789.

Титульный лист «Декларации прав человека в обществе» Э.-Ж. Сийеса

N°. LXXIII.

L'AMI DU PEUPLE
OU
LE PUBLICISTE PARISIEN,
JOURNAL POLITIQUE ET IMPARTIAL,

Par M. MARAT, Auteur de l'OFFRANDE A LA PATRIE, du Moniteur, et du PLAN DE CONSTITUTION, etc.

Vitam impendere vero.

Du lundi 21 décembre 1789.

Décrets sur les articles du comité des finances. — Observations sur le plan d'organisation de l'armée, par M. de la Tour du Pin.

ASSEMBLÉE NATIONALE.

Un membre ayant proposé de décrécrer que les billets fussent reçus dans toutes les caisses publiques et particulières de Paris; et en province dans les caisses publiques. M. l'abbé Maury s'est élevé contre cette dernière proposition. Il a accusé les banquiers d'être les auteurs de l'exportation du numéraire, qu'ils n'étoient parvenus à l'effectuer qu'à l'aide des billets de caisse, et il a demandé que l'article fût restreint à la seule caisse de Paris.

M. du Pont, membre du comité des dix, a

Первая страница газеты Ж.-П. Марата «Друг народа»

LIVRE ROUGE.

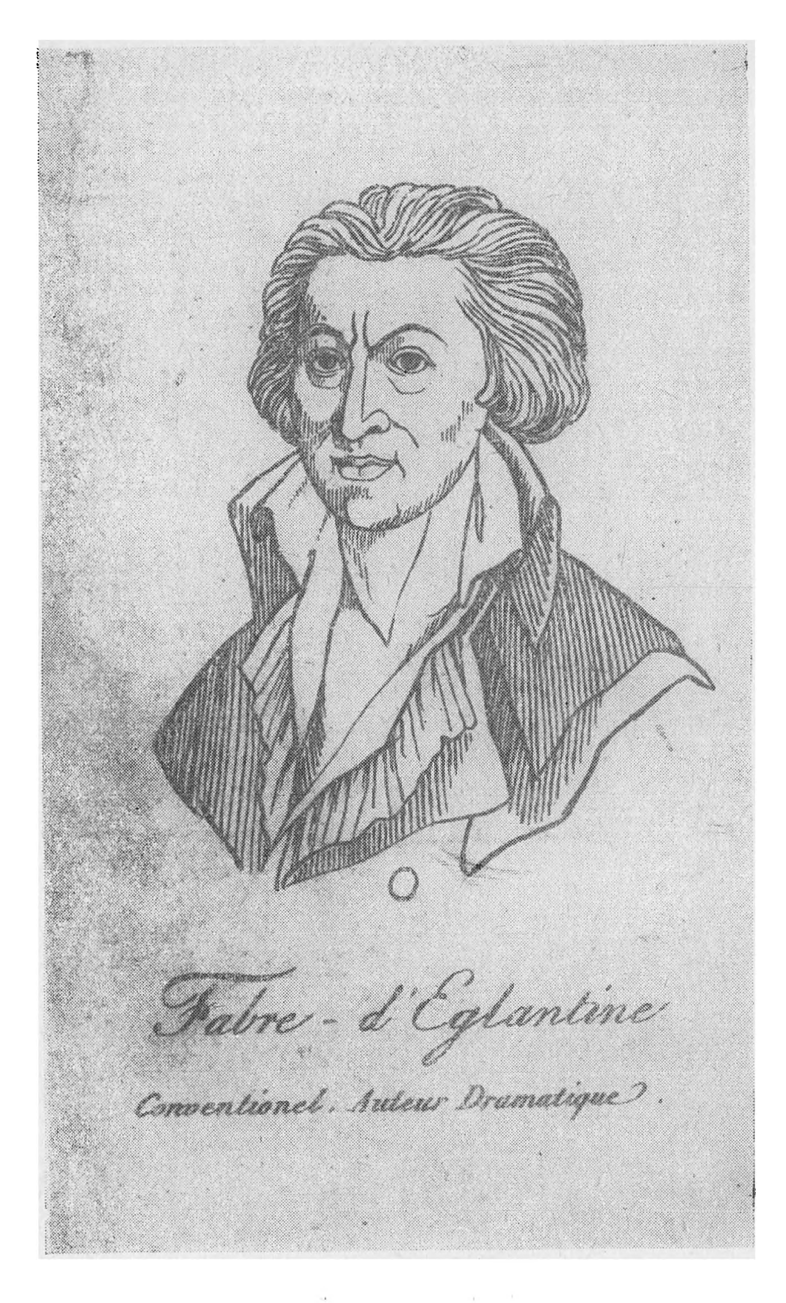

A PARIS,

Chez BAUDOUIN, Imprimeur de l'Assemblée Nationale, rue du Foin Saint-Jacques, nº. 31.

1790.

Титульный лист «Красной книги»

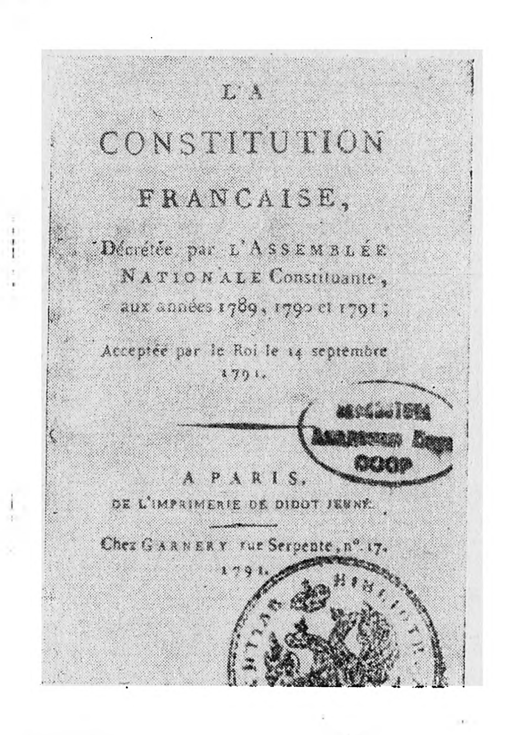

Ф.-Ф.-Н. Фабр д'Эглантин
(фронтиспис книги «Наставники»)

Фронтиспис второго тома журнала «Шабаш якобитов»

или крупной буржуазии, среди которых наибольшую популярность имела статья аббата Э.-Ж. Сийеса «Декларация прав человека в обществе», изданная в 1789 г., когда готовилась к печати «Декларация прав человека и гражданина»[3]. Эта декларация вошла в первое издание французской конституции, которая впервые в истории человечества провозгласила равенство всех людей перед законом. В то же время

L'A

CONSTITUTION

FRANCAISE,

Décrétée par l'Assemblée Nationale Constituante, aux années 1789, 1790 et 1791;

Acceptée par le Roi le 14 septembre 1791.

A PARIS,

DE L'IMPRIMERIE DE DIDOT JEUNE.

Chez Garnery rue Serpente, n°. 17.

1791.

Титульный лист первого издания французской Конституции (формат оригинала)

в ней говорилось о том, что право собственности является священным. Конституция была подписана королем 14 сентября 1791 г. и утверждена Национальным собранием.[4]

[3] *Sieyès E.-J.* Declaration des droits de l'homme en société. Versaille, 1789.

[4] La Constitution française, décretée par l'Assemblée Nationale constituante aux années 1789, 1790, et 1791, acceptée par le roi le 14 septembre 1791. Paris, 1791.

За год до публикации конституции была издана так называемая «Красная книга», то есть книга доходов и расходов французского королевства в целом и королевской семьи в частности. Свое название она получила от переплетенного в красный марокен рукописного оригинала.[5]

Шарлотта Корде в книге А. Вицмана, изданной в Санкт-Петербурге в 1800 г.

В большом числе во время Французской революции публиковались пьесы революционного содержания и комедии, среди них шедшие в «Comédie Française» комедии Ш. Фавара и Ф.-Ф.-Н. Фабра д'Эглантина, одна из них — «Наставники» — была издана в 1800 г.[6]

[5] Livre Rouge. Paris, 1790.

[6] *Fabre d'Eglantine Ph.-F.-N.* Les précepteurs. Comedie en cinq actes et en vers, ouvrage posthume de P. F. N. Fabre d'Églantine, représentée pour la prémière fois sur le Théâtre François de la République le 1er jour complem-re de l'an VII. Paris, An. VIII (1800).

Во время революции во Франции большой популярностью пользовалась памфлетная литература, выпускавшаяся часто с вымышленными выходными данными. В 1789 г. был издан памфлет о третьем сословии аббата Ла Рейни под заглавием «Страдание, смерть и воскресенье народа»,[7] местом издания которого был поставлен Иерусалим. В ответ на него появился другой памфлет, приписываемый барону де Мену, напечатанный в 1790 г. под разными заглавиями: «Воскресение Людовика, короля евреев и французов»[8] и «Страдание и смерть Людовика XVI, короля евреев и христиан».[9] Местом издания на обоих вариантах указан Иерусалим. Второй вариант сопровождался гравюрой, на которой изображен Людовик XVI на кресте между двух разбойников с подписью: «Распнут его между двух разбойников». Эта гравюра появилась за четыре года до казни Людовика XVI.

Среди сочинений, полемизирующих с революционными, большой популярностью пользовались книги, посвященные жизнеописанию Людовика XVI и Марии-Антуанетты, например «История процесса Людовика XVI» Ж. Кордье, «Мария Антуанетта, эрцгерцогиня австрийская»[10] и др. Особенно яростными были нападки на Клуб кордельеров, или якобинцев. Против них было направлено периодическое издание «Шабаш якобитов», выходившее в 1791—1792 гг. Фронтиспис ко второму тому изображает драку между якобинцами и носит название: «Последнее заседание Клуба Кордельеров».[11]

В 1800 г. в Петербурге содержатель пансиона Август Вицман издал брошюру под заглавием: «Новогодний подарок бездельникам, содержащий 41 глупость или шараду, способную усыпить стоя, сопровождаемую маленькой сказкой, чтобы снова пробудить от сна». В качестве фронтисписа он приложил к этой брошюре портрет убийцы Ж.-П. Марата Шарлотты Корде без всяких комментариев. Видимо, в то время ее имя в комментариях не нуждалось.[12]

---

[7] *La Reynie.* La Passion, la mort et la résurrection du peuple. Jerusalem, 1789.

[8] Résurrection de Louis, roi des juifs et des françois. Jerusalem, mai 1790.

[9] La passion et la mort de Louis XVI, roi des juifs et des chrétiens. A. Jerusalem, 1790.

[10] *Cordier J.* Histoire de processe de Louis XVI. Paris, 1793; *Maier G.* Marie Antoinette, erz-duchesse d'Autiche. Paris, 1794.

[11] Les sabbats jacobites. [Rédigé par F. Marchant]. Au Palais-Royal, ou l'on suscrit pour un volume composé de 25 numéros et une gravure à la tête de chaque volume. Paris, 1791—1792. 3 vols.

[12] *Witzmann A.* Etrennes dédiées aux oisifs, contenant quarante et une

Большая часть коллекции изданий времени Французской революции, а именно памфлетная литература, периодика и театральные пьесы, отражена в составленном Р. М. Тонковой сводном каталоге «Печатные издания эпохи Французской буржуазной революции конца XVIII в. в книгохранилищах СССР. 1787—1794» (т. 1—5). Этот каталог был составлен в 30—40-х годах и до настоящего времени хранится в рукописи (машинописный экземпляр находится в ЛО Института истории СССР). В нем были описаны фонды 26 книжных собраний. Каталог готовился к печати, но Великая Отечественная война помешала его изданию. В настоящее время произошло перераспределение фондов, и указания на библиотеки, где хранились книги, в большей своей части уже не соответствуют действительности. Именно поэтому в настоящее время его не целесообразно печатать в том виде, в каком он был составлен. Однако в части, относящейся к собраниям Библиотеки Академии наук и ЛО Института истории СССР, он не потерял своего значения и может быть использован в работе.

---

follies ou charades propres à faire dormir debout, suivies d'un petit conte pour se reveiller de nouveau. St. Pbg., 1800.

Л. А. Федоровская

«Марсельеза» в России в XVIII в.

«Марсельеза», боевой гимн Французской революции, родилась в Страсбурге, по преданию, в ночь с 25 на 26 апреля 1792 г.[1] Накануне в этот пограничный город пришла тревожная весть об объявлении Францией войны Австрии и Пруссии. Взрывом патриотических чувств ответили страсбуржцы на призыв Национального собрания — «Отечество в опасности!» В ту же ночь капитан инженерных войск Руже де Лиль для батальона волонтеров сочинил походную песню на текст, взятый им из прокламаций якобинского клуба.

Под заглавием «Chant de guerre pour l'armee du Rhin»[2] песня тогда же была напечатана в Страсбурге: один раз — в виде листовки с нотной строкой и текстом, второй раз тот же текст был напечатан с аккомпанементом, но оба раза — без имени автора. Текст песни, перепечатанный многими парижскими и провинциальными газетами, содействовал ее стремительному распространению. Свое название — «Marche des Marseillaise», или просто «Marseillaise», она получила от имени марсельского батальона, принесшего песню в Париж.[3] В скором времени появилось большое количество изданий текста песни и ее аранжировок, а также множество подтекстовок — новых текстов, сочиненных на эту полюбившуюся мелодию.[4]

---

[1] *Tiersot J.* Rouget de Lisle, son oeuvre, sa vie. Paris. 1892; *Кюи Ц.* Марсельеза и ее автор // Книжки недели. 1892. Окт. С. 125—142; *Рабинович А. С.* Руже де Лиль и его «Марсельеза» // Тьерсо Ж. Песни и празднества французской революции. М., 1933. С. 81—83.

[2] Chant de guerre pour l'armee du Rhin, dedie du marechal Lukner. A Strasbourg, de imprimerie du Ph. J. Dannbach.

[3] *Wendel H.* Die Marseillaise. Biographie einer Hymne. Zürich, 1936. S. 35.

[4] Подробнее о вариантах: *Constant P.* „Marseillaise“, comparaison de diverses. 1887.

Почти одновременно началось проникновение «Марсельезы» в соседние европейские государства.[5]

В Россию текст «Марсельезы» принесли французские газеты, поначалу свободно продававшиеся в книжных лавках.[6] Об этом свидетельствует перевод, сделанный воспитанником Петербургского кадетского корпуса С. Н. Глинкой.[7] Газету с текстом «Марсельезы», а также сведения о событиях Французской революции получены переводчиком от учителя французского языка Сухопутного шляхетного корпуса. Перевод (утрачен) можно датировать 1794—1795 гг., так как С. Глинка, выпущенный из корпуса в 1795 г., называет себя учеником старших классов.

К более раннему времени, примерно к концу 1792 — началу 1793 г., относится его сообщение об оркестровом исполнении «Марша марсельцев» в Эрмитажном театре по приказанию Екатерины II, желавшей лично убедиться в правдивости рассказов о магической силе революционного марша, обеспечившей победу повстанческому войску в сражении при Жемаппе (ноябрь 1792 г.).[8]

В названное время существовали два оркестровых переложения «Марсельезы», сделанных во Франции: одно через три дня после сочинения исполнил в Страсбурге оркестр национальной гвардии, вторая оркестровка была сделана известным французским композитором Ф. Госсеком для представления в театре 30 сентября 1792 г. спектакля «L'Offrande à la libertè». Партитура и оркестровка марша, звучавшего в Эрмитажном театре, либо привезены в Россию, либо выполнены в Петербурге, где при русском дворе служили такие выдающиеся композиторы, как Д. Сарти, Д. Чимароза, О. Козловский и др. Заметим, что А. С. Рабинович в гармонизации обнаруженного им рукописного варианта «Марсельезы» усматривал русские корни, назвав анонимного аранжировщика «русским собратом Госсека».[9]

Постепенное ужесточение в России цензуры с начала

---

[5] *Роллан Р.* Марсельеза в Германии. Гете и Бетховен // Роллан Р. Собр. соч. в XV т. Л., 1932. Т. 15. С. 147—151.

[6] Подробнее об этом: *Штранге М. М.* Русское общество и Французская революция. 1789—1794. М., 1956. С. 45 и след.; *Сиповский В. В.* Из прошлого русской цензуры // Русская старина. СПб., 1899. Т. 98, апр. С. 163—164.

[7] *Глинка С. Н.* Записки. СПб., 1895. С. 60.

[8] Там же. С. 115—116.

[9] *Рабинович А. С.* Неизвестный вариант «Марсельезы» в русском нотном альбоме // Очерки по истории и теории музыки. Л., 1940. Т. 2. С. 335.

1790-х гг. поначалу не коснулось нотных изданий.[10] В петербургском магазине Лисснера в 1796 г. открыто объявлялось о продаже фортепианных вариаций на тему «Марша марсельцев».[11] В каталоге книжной торговли на 1795 г. И. Д. Герстенберга предлагались два музыкальных сочинения, тематика которых непосредственно связана с событиями французской революции, а именно: «1) Schmidts am Grabe Marie Antoinette fürs Klavier gesetzt.. Leipzig; 2) Trinklied in optima forma als Parodie des Marseiller Marcheser».[12]

«Застольная песня в лучшей форме как Пародия на марш марсельцев» в отечественной литературе расценена как первая публикация «Марсельезы» в России с пропагандистскими целями. «Довольно вероятным автором текста произведений Шмидта» назван Ф. В. Каржавин.[13]

Как удалось установить, первое из объявленных к продаже произведений с полным названием — «Песня на гроб несчастной королевы Франции Марии Антуанетты»[14] — издано Лейпцигской нотоиздательской фирмой Брейткопфа и Гертеля.[15] Композитор Зигфрид Шмидт, корректор этого издательства,[16] сочинил его на стихи поэта Ульриха Шлиппенбаха, в то время (1793) студента Лейпцигского университета.[17] Надо полагать, Герстенбергу были лично известны авторы этой музыкальной эпитафии: в том же 1795 г. он издал «Шесть сонатин» Шмидта,[18] У. Шлиппенбах в эти годы (1794—1796) находился в Петербурге, служа в гвардии.[19]

---

[10] *Сиповский В. В.* Указ. соч. С. 164.

[11] См.: *Ливанова Т.* Русская музыкальная культура XVIII в. в ее связях с литературой, театром и бытом. М., 1953. Т. 2. С. 241.

[12] Повестка к Магазину для распространения общеполезных знаний и изобретений... СПб., 1795. Т. Н. Ливановой (указ. соч. Т. 1. С. 345) ошибочно приняты за три произведения.

[13] *Рабинович В.* Впервые в России // Советская музыка. 1969. № 11. С. 83; *его же.* Вслед Радищеву... М., 1986. С. 166; *Рапацкая Л. А.* Значение искусства Великой французской революции для русской музыкальной культуры XVIII в. // Традиции русской музыкальной культуры XVIII в. М., 1975. С. 62. (Труды ГМПИ им. Гнесиных; Вып. 21).

[14] Gesänge am Grabe der unglücklich Königin von Frankreich, Marie Antoinette, fürs Klavier, gedichtet von frhrn. von Schlippenbach... // Allgemeine Verzeichniß der Bücher des 1794 Jahres. Leipzig. 1794. S. 166.

[15] Verzeichniß Musikalienverlag. Alphabetischer Theile. Breitkopf u. Härtel in Leipzig. T. 1. S. 583.

[16] Musik in Geschichte und Gegenwart (MGG). Basel. 1963. T. 11. S. 1866.

[17] *Diederichs.* U. v. Schlippenbach // Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 31. Leipzig. 1890. S. 522.

[18] *Gerber E. L.* Neues historisch-biographisches Lexikon der Tonkünstler. Leipzig, 1812—1814. T. 4. S. 92.

[19] *Diederichs.* Op. cit. S. 523.

Его пребывание могло быть связано с фактом распространения этого сочинения в русской столице. Упоминание в стихотворных посланиях о круге его петербургских друзей, среди которых В. Долгорукий, Раупах, Энгельгардт, Аделунг, Хованский, делает подобное предположение вполне допустимым.

Указания на авторов второго произведения в просмотренных источниках обнаружить пока что не удалось. Во «Всеобщем книжном указателе» на 1795 г. помещена З. Шмидта «Застольная песня в лучшей форме Es lebe Freund Bacchus».[20] Однако установить, какой напев положен в ее основу, невозможно, так как издание считается утраченным.[21] Данное сведение, а также весьма характерный для поэтического стиля У. Шлиппенбаха тип стихотворений-подтекстовок популярных мелодий с большой долей вероятности позволяет предполагать их авторство и во втором сочинении. Для прояснения вопроса авторства необходимы дополнительные сведения, но участие Ф. Каржавина вызывает сомнение, так как отсутствуют данные о сочинении им немецких стихов-подтекстовок.

И. Д. Герстенберг, располагавший, по его словам, «полной торговлей немецких изданий»,[22] мог распространять в Петербурге изданные в Оффенбахе у И. Андре в 1795 г. три квартета Д. В. Виотти, бывшего аккомпаниатора Марии Антуанетты.[23] Первая тема третьего квартета обозначена как «Мелодия марсельского гимна».[24]

Явлением русской культуры конца XVIII в. признан Л. А. Рапацкой обнаруженный ею в фондах Государственной публичной исторической библиотеки печатный экземпляр вариаций для клавесина на тему «Марсельезы» некоего Л. Шарпантье.[25]

К запрещенным изданиям «Марсельеза» была причислена в царствование Павла I. Так, в списке рижской цензуры отмечен подлежавший уничтожению сборник «Recueil de romançais française» из-за двух пьес, в их числе «Chanson des Marseillaise», о которой цензор заметил: «№ 3 есть известная бунтовщицкая песня к возбуждению французского народа

---

[20] Allgemeine Verzeichniß der Bücher... des 1795 J. Leipzig, 1795. S. 161.

[21] Verzeichniß Musikalienverlag... S. 584.

[22] ГПБ, ф. 865, № 114, л. 11 об.

[23] MGG. T. 13. S. 1792—1799.

[24] *Роллан Р.* Указ. соч. С. 151.

[25] *Рапацкая Л. А.* Указ. соч. С. 61. Сочинение с приведенным названием не значится в каталогах крупнейших библиотек, в том числе — Национальной библиотеки Франции, а также в книжных указателях немецких издательств конца XVIII в.

противу государей».[26] По причине опубликованных революционных гимнов цензурой были задержаны все выпуски поэтического сборника «Almanach des Muses» (1791—1798 гг.). Среди прочих отмечен также текст «Марсельезы», помещенный в сборнике за 1793 г.[27]

«Альманах муз» был хорошо известен в литературных кругах. «Все здешние стихотворцы... радуются мыслью о русском „Almanach des Muses"» — писал Н. М. Карамзин зимой 1795 г. из Москвы поэту И. И. Дмитриеву, уговаривая его и других петербургских поэтов прислать сочинения для задуманного им сборника.[28] Свою просьбу он просил адресовать также Г. Р. Державину, Н. А. Львову, Ю. А. Нелединскому-Мелецкому, всем видным поэтам, готовым поддержать его идею.

Н. Карамзин определенно знал «Марсельезу» не только как стихотворение Руже де Лиля, имя которого названо в «Альманахе», но и как песню. Являясь одним из старейшин Московской музыкальной академии, историограф был свидетелем расправы, учиненной над иностранцами — участниками собраний, которым при допросе ставился вопрос также о французских якобинских песнях.[29] Именно как песня «Марсельеза» была известна в кругу людей, близких Н. Карамзину по духу и родству: об этом свидетельствует сделанная В. А. Жуковским на рукописи его пьесы запись первого куплета и припева «марсельского марша»,[30] а также введение напева песни в оперную партитуру композитором-любителем А. А. Плещеевым, свойственником Н. Карамзина.[31]

Весьма примечателен обнаруженный С. Р. Долговой список текста «Марсельезы» в сборнике, принадлежавшем Ф. В. Каржавину,[32] давший основание приписать ему авторство немецкой подтекстовки, о чем шла речь выше. Текст из шести куплетов помещен под нотной строкой под названием «Air: Du Second choeur la Caravane». Указание на «вто-

---

[26] *Сомов В. А.* Цензура иностранных изданий в Риге в конце XVIII в. // 400 лет книжного дела в Латвии. Рига, 1988. С. 59—62.

[27] ЦГИА СССР, ф. 1146, оп. 1, ед. хр. 163, л. 224 об.

[28] *Карамзин Н. М.* Письма к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 62.

[29] Дело о французской песне // *Ливанова Т.* Указ. соч. Т. 2. С. 239—241.

[30] *Гозенпуд А.* Театральные интересы В. А. Жуковского и его опера «Богатырь Алеша Попович» // Театр и драматургия. Л., 1967. С. 171.

[31] *Глумов А. Н., Доброхотов Б. В.* А. А. Плещеев. Рукопись. С. 30. Цит.: *Рапацкая Л. А.* Указ. соч. С. 66.

[32] Упоминание: *Рабинович В.* Впервые в России. С. 80—83; описание: *Долгова С. Р.* Первая «Марсельеза» в России // Традиции русской музыкальной культуры XVIII в. М., 1975. С. 181—186.

рой хор из Каравана», то есть на хор из оперы французского композитора А. Гретри «Каирский караван», позволяет уточнить оригинал списка.

Как сообщалось, первые парижские и провинциальные газеты публиковали текст песни без имени автора. Позже, спохватившись, они стали подбирать песне подходящего сочинителя, называя имена известных композиторов. «Не следует удивляться странности этих указаний, — пишет французский историк музыки Ж. Тьерсо, собравший обширный материал о бытовании песни во Франции, — газеты, указывая популярные арии, поступали так, как было принято, когда песни, чтобы стать широко известными, пелись на мотивы всем знакомых арий. Сочиняя музыку к своей „Военной песне“, Руже де Лиль серьезно нарушал этот обычай. И вот для того, чтобы удовлетворить своих читателей, газеты называли, иногда наугад, арии Далейрака и Гретри».[33]

Под названием «Гимн марсельцев, на мотив из Каравана из Каира» летом 1792 г. песня была напечатана в Монтобане и Альби. Близость названий, а также число куплетов, соответствующее первоначальному авторскому варианту, позволяют публикацию песни в одной из этих газет считать возможным оригиналом списка. Однако разночтения в заглавии, а также отмеченные С. Р. Долговой перестановки строф в куплетах указывают на наличие промежуточных списков.

Запись нотной строки с отчетливым инструментальным характером отличается от известных французских вариантов песни,[34] но близка некоторым партиям из оркестровки Госсека, а также варианту «Марсельезы», обнаруженному в русском рукописном альбоме.[35] Этот нотный текст Ф. Каржавин, тесно связанный с издателями И. Герстенбергом и И. Шнором,[36] мог получить от них.

К кругу лиц, которые могли быть знакомы с французской песней, можно причислить постоянных авторов издательства «Герстенберг и тов.»: композиторов Д. Бортнянского, О. Козловского, И. Хандошкина, Ф. Дубянского, а также Н. А. Львова, В. В. Капниста, П. И. Челищева[37] и др.

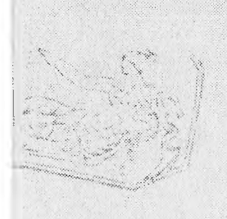
[33] *Tiersot J.* Rouget de Lisle... P. 324.

[34] *Constant P.* Op. cit.; *Корыхалова Н.* Жизнь песни // Поэзия и музыка. Л., 1973. С. 49—52.

[35] *Рабинович А. С.* Указ. соч.

[36] Подробнее: *Долгова С. Р.* Творческий путь Ф. В. Каржавина. М., 1984; *Рабинович В. И.* Вслед Радищеву... С. 176—177; *Градова Б. А.* А. Д. Кантемир — составитель первого русско-французского словаря. // Россия—Франция. Век Просвещения. М., 1987. С. 16—18.

[37] Подробнее в нашей статье: Герстенберг и план его издательской деятельности в России в конце XVIII в. // Книга в России XVII — начала

LA PRISE DE MAYENCE

Air des Marseillois

Chez FRERE Passage du Saumon

74

Chantons, Français, chantons vic-toi-
-re nous soumettons nos enne-mis nos Sol-
-dats se couvrent de gloi-re les tirans sont
annéan-tis, les tirans sont annéan-tis, Custine est
entré dans Mayence il n'a qu'à former un pro-
-jet aus-si-tot dit aussi-tot fait, tout céde
a sa grande vail-lance vi-ve la Li-ber-
-té vi-ve l'é-ga-li-té. Chantons chantons
braves Français, cé-lé-brons nos succes.

Летучий листок «На взятие Майна» на мотив «Марсельезы»
(из собр. М. П. Азанчевского)

Несколько оригиналов парижских изданий революционного периода хранятся в двух фондах в Ленинграде,[38] но они не могут быть включены в список реалий, подтверждающих знакомство русского общества конца XVIII в. с французскими публикациями. Время появления листовок в коллекции Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина нам не известно: в настоящее время фонд закрыт, А. С. Рабинович, знакомившийся с материалами в 1930-х гг., не высказал по этому поводу никакого мнения. Собрание листовок Ленинградской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова к русской культуре XVIII в. отнесено ошибочно.[39] Оно входило в состав коллекции хранителя музыкального отдела библиотеки св. Женевьевы Г. Е. Андерса, приобретенной в Париже после смерти владельца (1866) М. П. Азанчевским, который в 1870 г. подарил всю свою библиотеку Русскому музыкальному обществу, находившемуся тогда в помещении Петербургской консерватории, где она хранится до сих пор.[40]

Дошедшие до нас следы знакомства русского общества с «Марсельезой» не так многочисленны, как, несомненно, было в действительности. Однако отмеченные материалы дополняют страницы биографии французского гимна, а также углубляют представление об интересе просвещенной России конца XVIII в. к событиям в революционной Франции.

XIX в. Проблемы создания и распространения: Сб. науч. трудов. (Готовится к печати БАН СССР).

[38] Впервые указаны: *Рабинович А. С.* Указ. соч.

[39] *Рапацкая Л. А.* Указ. соч. С. 58.

[40] ЦГИА, ф. 408, оп. 1, ед. хр. 145. О пожертвовании библиотеки Азанчевского Русскому музыкальному обществу: Музыкальный Ленинград: Сб. ст. Л., 1958. С. 59; *Пузыревский А. И., Саккетти Л. А.* Очерк деятельности Петербургской консерватории. Пг., 1914.

С. Н. Искюль

МАБЛИ В РОССИИ

Аббат Бризар в примечаниях к «Похвале» («Eloge historique») аббату де Мабли (1709—1785) писал, в частности, что его книга «Droit public de l'Europe...», „написанная для государственных мужей и простых граждан", пользуется громадным успехом „во всех кабинетах Европы от петербургского двора до Луккской республики".[1] Но не только на ниве законодательства и международного права прославился выдающийся просветитель далеко за пределами Франции. В России он был известен своими историческими трудами и неустанной проповедью нравственного усовершенствования общества, основанной на притягательных эгалитарных принципах.

Не случайно одним из первых переводчиков сочинений Мабли на русский язык оказался А. Н. Радищев.[2] Перевод «Размышлений о Греческой истории...», выполненный Радищевым, появился в издании Н. И. Новикова в 1773 г.[3] Перевод этого сочинения Мабли был выпущен анонимно, и первым на авторство Радищева указал в свое время В. С. Сопиков.[4] А. Н. Радищев снабдил свой перевод примечаниями.

---

[1] *Brizard, l'Abbé.* Eloge historique... discours qui a partagé le Prix au jugement de l'Académie Royale de Inscriptions et Belles-Letters en 1787 // Mably, L'Abbé de. Oeuvres complètes. A Lyon, 1792. T. 1 . P. 99.

[2] Размышления о Греческой истории, или о причинах благоденствия и несчастия Греков: сочинение г. аббата де Мабли. Переведено с Французского. Иждивением Общества старающегося о напечатании книг. Продается на луговой Милионной улице, у книгопродавца К. В. Миллера. В Санктпетербурге при Императорской Академии наук, 1773. — 4°.

[3] *Семенников В. П.* Собрание старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768—1783 гг.: Историко-литературное исследование. СПб., 1913. С. 47.

[4] *Сопиков В. С.* Опыт Российской библиографии. СПб., 1816. Ч. 4, № 9293.

Например, передав слово «le despotisme» термином «самодержавство», он пояснил, что «самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние. Мы не токмо не можем дать над собою неограниченной власти, но ниже закон, извет общия воли, не имеет другаго права наказывать преступников, опричь права собственныя сохранности... Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое дает ему закон над преступниками. Государь есть первый гражданин народного общества».[5] По мнению В. И. Семевского, «здесь в сжатом виде Радищев наметил идеи, которые он развил в своих оригинальных произведениях».[6]

Сторонником учения Мабли был и купеческий сын, служивший одно время главным надзирателем и комиссаром по таможенному ведомству, Г. И. Попов, посылавший в начале 1792 г. «представления» в Сенат и Синод с предложением уничтожить в России крепостное право. Аналогичные представления Поповым были посланы А. А. Безбородко и И. И. Бецкому через их секретарей. В своих записках Г. И. Попов ссылался на аббата де Мабли, как на высокий авторитет. Во время следствия Попов сделал признание о том, что написать «представления» побудило его чтение примечаний «Опровержение Маблиева дерзкаго суждения о Петре Великом», помещенных в «Деяниях Петра Великого» И. И. Голикова,[7] где историк резко возражал против характеристики, которую Мабли давал Петру в книге «О изучении истории». Голиков полемизировал с Мабли главным образом по вопросу о «вольности» народа, которую Мабли обосновывал с позиций естественного права: «Грубому народу, ни мало еще к вольности не приуготовленному, вдруг дать вольность было бы не только безрассудно, но и весьма вредно, или лучше сказать пагубно».[8]

---

[5] *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 411—413.

[6] *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 22. См. содержательную статью *Ю. М. Лотмана:* Радищев и Мабли // XVIII век: Сб. 3. М.; Л., 1958. С. 276—308.

[7] *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1789. Т. 9. С. 216—264.

[8] Там же. С. 448. Известно, что Радищев в «Письме к другу, жительствующему в Тобольске» заметил, что «мог бы Петр славнее быть ...утверждая вольность частную...» (*Радищев А. Н.* Письмо к другу, жительствующему в Тобольске. По долгу звания своего. В Санктпетербурге, 1790. С. 13—14). Это дало Семевскому основание для утверждения о том, что Радищев был знаком с сочинением Мабли «Об изучении истории» (*Семевский В. И.* Указ. соч. С. 23—24), так как, добавим, «Письмо»

Записки Г. И. Попова вызвали отрицательную реакцию в придворных кругах и у самой императрицы. За «дерзость» свою автор представления был приговорен к заключению в Спасо-Евфимиевом монастыре под крепкой стражей и с запрещением писать.[9]

В начале XIX в. политические и исторические взгляды Мабли, его гуманизм и нравственная концепция развития общества нашли свое отражение в творчестве последователя Радищева, политического мыслителя В. В. Попугаева, в особенности в его трактате «О благоденствии народных обществ»,[10] в котором он доказывал необходимость республиканского правления, основанного на началах всеобщего равноправия граждан.[11] Интерес Попугаева к выдающемуся мыслителю XVIII в., открыто призывавшему к ликвидации абсолютизма и отразившему в своей утопической теории чаяния наиболее угнетенных слоев третьего сословия, был вызван в значительной мере тем, что в социо-нравственной философии Мабли ему импонировал решительный протест против политических привилегий избранных классов, как несовместимых с принципами естественного права и гражданской морали.

В кругу В. В. Попугаева, в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств, были так же хорошо знакомы с произведениями Мабли. Здесь представлялись и обсуждались переводы «из Мабли» Д. И. Языкова «О любви к Отечеству»[12] и Н. Ф. Остолопова «Беседы Фокионовы».[13]

Известен еще ряд фактов широкого знакомства русского читателя XVIII — начала XIX в. с произведениями Мабли.

В 1785 г. Екатерина II пригласила М. Н. Муравьева преподавать великим князьям Александру и Константину, в частности французскую историю, которую, по разработан-

было написано Радищевым в 1782 г., за шесть лет до издания сочинения И. И. Голикова.

[9] *Сивков К.* Г. И. Попов — представитель передовой общественной мысли в России в конце XVIII в. // Вопросы истории. 1947. № 12. С. 80—87.

[10] *Орлов В. Н.* Русские просветители 1790—1800 гг. М., 1953. С. 323—380.

[11] Русские просветители. (От Радищева до декабристов). М., 1966. Т. 1. С. 327—356.

[12] *Попугаев В. В.* История Общества любителей словесности, наук и художеств // Русские просветители. (От Радищева до декабристов). М., 1966. Т. 1. С. 396.

[13] Там же. С. 408. Перевод Н. Ф. Остолопова неизвестен. Опубликован был другой перевод «Бесед Фокиона». Что касается перевода Д. И. Языкова, то он так же неизвестен, как неизвестно и то, с какого оригинала был сделан перевод.

ной им программе, Муравьев и преподавал по Мабли (судя по всему, основываясь на его «Наблюдениях по истории Франции») и Кондильяку (по всей вероятности, на основании «Курса наук», составленного Кондильяком для дофина Фердинанда, будущего герцога Пармского, в соавторстве с Мабли).[14]

Среди членов Дружеского литературного общества также были почитатели Мабли, во всяком случае определенно это можно сказать об А. И. Тургеневе, который в письме от 16 апреля 1803 г. к Жуковскому писал о том, что читает «теперь Кондильяка, Мабли, Левека», а в начале мая 1803 г. уведомлял Жуковского: «Я, брат, читаю теперь Raynal и Мабли; первый слишком часто завирается, второй вселяет в меня твердость и спокойствие, презрение к глупым обстоятельствам и возвышает несколько душу мою над ними. По крайней мере, я хочу, чтоб он производил надо мной это действие...».[15]

По свидетельству Г. С. Винского, дочь надворного советника Сергея Яковлевича Левашова, уфимского совестного судьи, изучала французский язык за чтением «труднейших авторов, каковы: Гельвеций, Мерсье, Руссо, Мабли».[16]

Н. М. Карамзин вспоминал в «Письмах русского путешественника» об авторах, «которые в густых и темных... аллеях («Люксанбургского сада». — С. И.) обдумывали планы своих творений. Там Мабли часто гулял с Кондильяком...», и о том удовольствии, которое «во мраке Булонского леса» доставляло ему чтение «Маблиевой Истории Французского правления».[17] Позднее, в октябре 1796 г. в письме к А. И. Вяземскому он с иронией, обращенной на самого себя, склонялся к тому, что «лучше читать Юма, Гельвеция, Мабли, нежели в томных элегиях жаловаться на холодность или непостоянство красавиц».[18]

Поэт И. Дмитриев в шутливом «Путешествии N. N. в Париж и Лондон, писанном за три дня до путешествия» (1803 г.) в таких стихах описывал изобилие книг в парижских магазинах:

---

[14] *Жинкин Н.* М. Н. Муравьев (по поводу истекшего столетия со времени его смерти) // Изв. Отд-ния рус. языка и словесности имп. Академии наук. 1913. СПб., 1913. Т. 18, кн. 1. С. 291.

[15] Письма Андрея Тургенева к Жуковскому / Публ. В. Э. Вапуро и М. Н. Виролайнен // Жуковский и русская культура: Сб. трудов. Л., 1987. С. 424, 425—426.

[16] *Винский Г. С.* Мое время. Записки. СПб., 1914. С. 139.

[17] *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. М., 1987. С. 248, 321.

[18] Русский архив. 1872. С. 1325.

...Какой прекрасный выбор книг!
Считайте — я скажу вам вмиг:
Бюффон, Руссо, Мабли, Корнилий,
Гомер, Плутарх, Тацит, Виргилий,
Весь Шакеспир, весь Поп и Гюм...[19]

В черновой редакции XXII строфы VII главы «Евгения Онегина» перечисляются «избранные томы» сельской библиотеки просвещенного героя:

Юм, Робертсон, Руссо, Мабли,
Бар[он] д'Ольбах, Вольтер, Гельвеций,
Лок, Фонтенель, ... Дидрот...[20]

С произведениями Мабли были знакомы декабристы. Определенно это можно сказать о Н. И. Тургеневе, который, вероятно, еще до пребывания в Геттингенском университете в 1808—1811 гг., попутно с чтением Вольтера знакомился и с Мабли.[21] Во всяком случае 27 августа 1807 г. в своем дневнике он с уверенностью приписывает Мабли суждение о возражениях Анахарсиса Солону, каковые у Мабли не могли быть, ибо сочинение «Voyage du jeune Anacharsis en Grèce» аббата Ж.-Ж. Бартелеми вышло в свет уже после смерти Мабли. Но известно, что авторы эпохи Просвещения сами нередко заимствовали те или иные суждения друг у друга без соответствующих ссылок, и ошибка Тургенева сама по себе простительна. Знаком с сочинениями Мабли был и А. Ф. фон-дер Бриген, в имении которого была «ценная библиотека из французских, немецких и латинских книг».[22]

Небезынтересными в этой связи представляются сведения о продаже книг Мабли в обеих столицах России. К сожалению, сведения эти далеко не систематичны, но тем не менее позволяют сделать вывод о том, что на протяжении периода с конца 60-х гг. XVIII в. по первые десятилетия XIX в. интерес к Мабли оставался устойчивым.

Одна из самых читавшихся книг ученого аббата, бывшая, что называется, постоянно в ходу — «Общественное право Европы, основанное на договорах», — продавалась в книж-

---

[19] *Карамзин Н., Дмитриев И.* Избранные стихотворения. Л., 1953. С. 285.

[20] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Л., 1938. Т. 6. С. 438.

[21] *Семевский В. И.* Указ. соч. С. 210; Дневник и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806—1811 года. СПБ., 1911. Т. 1. С. 84.

[22] *Брайловский С.* Из жизни одного декабриста // Русская старина. 1903. № 3. С. 543.

ной лавке Берг-коллегии в 1780 г.[23] «Принципы переговоров», — книга, сделавшая имя Мабли известным в Европе, — продавалась в 1768 г. в Москве у переплетчика Императорского университета Хр. Рюдигера[24] и в 1789 г. — у И.-Хр. Кайзера в Петербурге.[25]

Разные издания книги Мабли «О законодательстве», в которой важное место в преобразовании общества отводилось реформе самой системы законодательства и правильному соотношению законодательной и исполнительной функции власти, продавалась в Петербурге в 1780 и 1783 гг.[26]

Одна из последних, вызвавших самые противоречивые отклики книг Мабли — «О том, как писать историю» — книга, которая, как полагали, была направлена против Вольтера, продавалась в Москве и Петербурге в 1788 и 1789 гг. в магазине братьев Ге и у Хр. Рюдигера.[27]

Четырехтомное собрание «Oeuvres politiques de Mably» значится в каталоге уже упоминавшихся книжных магазинов Берг-коллегии и братьев Ге в 1780 и 1788 гг.[28]

Переводы на русский язык сочинений Мабли также были представлены в столичных книжных лавках. Перевод А. Н. Радищева, «который... считался, подобно „Путешествию из Петербурга в Москву“, книгой одиозной и запретной»,[29] на самом деле постоянно продавался во многих книжных лавках, например, в 1792 г., когда Радищев был уже осужден, в 1795, 1798 гг., вплоть до 1807 г.,[30] возможно, и далее.

---

[23] Catalogue des livres françois, anglais, italiens... etc. qui se trouvent chez Evers, libraire du College Impérial des Mines... demeurant près du pont bleu. St. Petersbourg, 1780. P. 53.

[24] Catalogue de Livres François... en feuilles et reliés, qui se trouvent à Moscou chez Chretien Rudiger... 1768. P. 3.

[25] Catalogue d'une Bibliothèque de Livres François, destinée à l'usage du Publique, par Jean Chrétien Kayser. St. Petersbourg, 1789. P. 87.

[26] Catalogue des livres françois... chez Evers, Libraire du College Imperial des Mines... St.-Petersbourg, 1780. P. 37; Catalogue de differents livres Francois et de Musique, qui se vendent chez le sieur Klostermann... A St. Petersbourg, 1783. P. 23.

[27] Librairie janvier 1788. Supplement (au catalogue des frères Gay). St.-Petersbourg, 1788. P. 11; Catalogue des livres françois... chez Christian Rüdiger, fils et Compagnie dans la librairie de l'Université Imperial à Moscou, 1798. P. 67.

[28] Catalogue des livres françois... chez Evers... St.-Petersbourg, 1780. P. 30; Supplement au catalogue des frères Gai... St.-Petersbourg, 1788. P. 38.

[29] *Орлов В. Н.* Русские просветители 1790—1800-х гг. М., 1953. С. 532.

[30] Роспись российским книгам, которые продаются в Санктпетербурге в гостином дворе.. у книгопродавца Тимофея Полежаева и против зеркальной линии... у книгопродавца Герасима Зотова. А в Москве на Никольской улице... у купца Тимофея Полежаева. 1792. С. 70; Роспись российским книгам... в книжных лавках у купца Ивана Глазунова... В Санкт-

Издавались и распространялись и другие переводы книг Мабли, такие, как «Разговоры Фокионовы о сходности нравоучения с политикой» (1772),[31] «Начальные основания нравоучения» (1803),[32] «О изучении истории» (1812).

Относительно широкое распространение имели в России французские издания произведений Мабли. По-видимому, ввоз французских изданий Мабли не встречал препятствий; известен только один случай, когда проходившее через Цензурный комитет произведение Мабли встретило серьезные возражения и было запрещено к ввозу в Россию. Речь идет «О правах и обязанностях гражданина» («Des droits et des devoirs du citoyen») — произведении, которое было написано Мабли в 1758 г. Показательно, что по цензурным условиям эта книга не могла быть опубликована при жизни автора и вышла в свет во Франции через тридцать лет после написания, только в 1789 г.[33]

Среди «представлений» относительно «запрещения книг», при рапорте цензоров Рижской цензуры генерал-прокурору А. Б. Куракину от 29 мая 1798 г., имеется «Реестр подносимым при рапорте... книгам Рижской цензуре или непозволительными или сумнительными кажущимися». Под номерами 339 и 340 значатся оба тома парижского издания указанного сочинения Мабли, выпущенного в 1793 г. В «Реестре» за подписями трех цензоров — духовного (протоиерей Спиридон Тихомиров), гражданского (коллежский советник Федор Туманский) и ученого (коллежский советник Петр Иноходцев) — были приведены следующие соображения касательно «непозволительности» этого сочинения Мабли:

«**В предисловии** стр. 17 издатель уверяет: что сия книга есть un des ouvrages majeurs, qui a amené la révolution française, что и стр. 20 оправдывает.

В 1м томе. Стр. 4. приписывает испорченному народу созыдание царских чертогов; стр. 19. предоставляет гражданину частному человеку право судить о изрядстве законов и по

петербурге. 1795. С. 100; там же. 1798. С. 117; Роспись российским книгам... продающимся у книгопродавца Ивана Заикина... в Санктпетербурге при Императорской Академии Наук, 1803. С. 47; Роспись российским книгам... продающимся в Санктпетербурге у книгопродавца Ивана Заикина... 1807. С. 145.

[31] Роспись Российским, Латинским, Немецким... книгам, которые в книжной лавке Императорской Академии Наук продаются... СПб., 1784. С. 98; там же. СПб., 1787. С. 21; там же. СПб., 1793, 1794. С. 22.

[32] Роспись российским книгам... продающимся в Санктпетербурге у книгопродавца Ивана Заикина... в доме, принадлежащем Императорской Библиотеке. СПб., 1807. С. 102.

[33] Des Droits et des Devoirs du Citoyen par M. l'abbé de Mably. A Kell, M. DCC. LXXXIX; а также издание Paris—Lausanne того же года.

его мнению найденным неправым противуборствовать. стр. 21. хулит королей; стр. 23. различает законы, освобождая от повиновения находимым неправыми. стр. 28. Государи по крайней мере хороши для приятных прогулок. Стр. 29—32. что законы не быв единообразны с натурою не могут обязывать гражданина и что токмо разум один предписывает нам наши должности. Стр. 33—35. о праве к революциям и на стр. 39 предоставляет каждому право предлагать перемену учреждений к лучшему. Стр. 44, что правление наследственное или хотя посмертное производит тиранию и деспотизм; и на стр. 46 наследство и в Англии почитает злом и проч. и проч.. яко то: 29, 96, 97, 107, 108, 119 и т. д.

во 2м томе: Со стр. 3 советы о устроении правлений в подрыв существующим уже; стр. 15. reprendre ses dons c'est voler. Стр. 16. хулит верность и привязанность к Особе Государя, к чему и стр. 19. На стр. 32 наводит сомнение на учреждения Государей. Со стр. 34 и во всех последующих подает правила к революции до стр. 100. А по том до конца предписывает средства к тому и разделение власти».[34]

Не удивительно, что к этому самому революционному произведению Мабли (написанному в то время, когда его взгляды были последовательно эгалитарными и отличались крайним радикализмом) было привлечено пристальное внимание цензоров, и в эпоху Павла I оно было запрещено к распространению в России. Впоследствии отдельные экземпляры этого произведения попадали в Россию, в том числе и в составе собраний сочинений Мабли.

Существовали ли другие, неопубликованные переводы Мабли? Архивные разыскания позволяют утвердительно ответить на этот вопрос.

В отделе рукописей ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина имеется рукопись перевода сочинения Мабли, которое имело известный общественный резонанс вскоре после выхода в свет, ибо противники Мабли усмотрели в нем попытки развенчать ореол всеобщего преклонения перед гением Вольтера. Речь идет о книге «О том, как писать историю» («De la manière d'écrire l'histoire»).[35] В «Каталоге собрания рукописей П. И. Савваитова», об этой рукописи говорится следующее: «О искусстве писать историю. Из сочинений аббата Мабли. Перевод с французскаго. Скорописью начала XIX века, в лист. 130 листов. Экземпляр, разрешенный к печати

[34] ЦГИА, ф. 1146, оп. 1, № 163, л. 149, 153 об. — 154.

[35] ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. F IV 761. Автор выражает благодарность сотруднику отдела рукописей Б. А. Градовой за указание на рукопись этого перевода Мабли.

16 октября 1808 года цензором С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета И. Ф. Тимковским».[36]

К описанию И. А. Бычкова можно добавить, что на титульном листе рукописи в левом верхнем углу имеется номер (№ 329), в правом верхнем углу помета — «получ. августа 25 дня 1808 года». Название рукописи «О способе (слово «способ» зачеркнуто. — С. И.) искустве писать историю», но поверх заглавия вписано карандашом — «О качествах нужных для историка» (вероятно, эту поправку в заглавие, а также многие другие исправления и уточнения по переводу сделаны были самим Тимковским). Разрешение опубликовать этот перевод снабжено печатью Санктпетербургского цензурного комитета. Рукопись имеет картонный переплет, на корешке тиснение — «О способе писать историю». На одном из листов между первой доской переплета и титульным листом чернилами проставлена фамилия (автограф) — «Макшеев».

Поскольку данная рукопись проходила через Цензурный комитет, необходимо было обратиться к фонду этого учреждения для выяснения личности переводчика.

В «Донесении о разсмотренных Санктпетербургским Цензурным Комитетом рукописях и печатных книгах» за октябрь 1808 г. действительно значится рукопись «О способе писать историю. Из сочинения Аббата Мабли, перевод с французскаго». В донесении указано, что рукопись поступила в комитет 25 августа, цензором ее был Тимковский, а в графе «имя издателя или сочинителя, если они известны» было проставлено «перевел Дмитрий Макшеев». Рукопись была одобрена и выдана переводчику 27 октября 1808 г.[37]

В рукописи не более пяти мест, вызвавших сомнение цензора, и касаются они религиозных вопросов; в целом перевод был одобрен, но тем не менее по неизвестным причинам не напечатан.

Остается добавить, что переводчик Дмитрий Михайлович Макшеев, вологодский дворянин (ум. 1849) издал русский вариант перевода Священного писания де Саси,[38] переводил и переделывал ради собственной надобности и удовольствия «Testament spirituel ou derniers adiex d'un père mourant à ses enfans» (Marceille, 1779). При этом он заимствовал кое-

---

[36] *Бычков И. А.* Каталог собрания рукописей П. И. Савваитова, ныне принадлежащих Императорской Публичной Библиотеке. СПб., 1900. Вып. I. С. 151 (№ 124).

[37] ЦГИА, ф. 733, оп. 118, № 403, л. 537 об. — 538; ф. 777, оп. 1, № 37, л. 53 об. — 54.

[38] *Геннади Г. Н.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях... Берлин, 1876. Т. 1. С. 283.

что из сочинения аббата Флери «Traité du choix et de la methode des études» (Paris, 1784). Этот неоконченный труд Макшеев назвал «Об охранении детей от искушений мира».[39]

Обращение к фонду Цензурного комитета помогло получить указания на то, что через комитет проходила рукопись перевода и другого сочинения Мабли.

В «Деле о разсмотрении в Московском Цензурном комитете сочинений оригинальных и переводных», в донесении от 1 июня 1805 г. имеются данные о рассмотрении в комитете рукописи «О первоначальных причинах переговоров, служащих введением к публичным правам Европы, основанным на трактатах». Это перевод сочинения Мабли «Des principes des Négociations, pour servir d'introduction au Droit Public des l'Europe, fondé sur les Traités». Рукопись заключала в себе 291 «полулистовую» страницу и поступила 24 мая 1805 г. Цензором ее был Г. Грешищев, а переводчиком — Е. Офосимов. Рукопись получила одобрение, выдана обратно автору перевода 31 мая и должна была быть напечатана в Университетской типографии.[40] Однако этот перевод также не был напечатан.

В Петербургском цензурном комитете рассматривалась также рукопись перевода «Похвальной речи с повествованием о Г-не аббате де Мабли соч. Г-на Бризара дуостоенное награждения Королевской Академии надписей и изъящных наук». В рукописи было 40 страниц, поступила она в Комитет 15 ноября, «доставлена г. коллежским советником Мартыновым»[41] и возвращена по одобрении 31 декабря 1804 г.[42] Это перевод той самой «Eloge» аббата де Бризара, которая с 1789 г., когда стали издаваться полные собрания сочинений Мабли, публиковалась всякий раз в первом томе собрания сочинений аббата.[43]

---

[39] *Фортунатов Ф.* Памятные записки вологжанина // Русский архив. 1867. № 12. С. 1646—1650.

[40] ЦГИА, ф. 733, оп. 118, № 420а, л. 67 об. — 68. Сведений о переводчике обнаружить не удалось.

[41] Вероятнее всего, это Мартынов И. И. (1771—1833), директор Департамента народного просвещения, видный переводчик с латинского и французского языков, перевел: Философские уединенные прогулки Ж.-Ж. Руссо... М., 1802; Мысли Ж.-Ж. Руссо, Женевского гражданина. М., 1803 и многие другие сочинения французских, преимущественно XVIII в., авторов (*Геннади Г.* Указ. соч. С. 293—295).

[42] ЦГИА, ф. 733, оп. 118, № 403, л. 5 об. — 6; ф. 777, оп. 1, № 1, л. 226.

[43] *Brizard, L'Abbé.* Eloge historique... discours qui a partagé le Prix au jugement de l'Académie Royale des Inscriptions et Belles-Lettres, en 1787 // Mably, L'Abbé de. Oeuvres complètes. T. 1 . A Lyon, 1792. P. 5—120.

Помимо указанного перевода «Размышлений о Греческой истории» А. Н. Радищева,[44] в России в XVIII и начале XIX в. существовали и другие переводы Мабли.

В 1772 г. анонимно вышел в свет перевод книги Мабли «Разговоры Фокионовы о сходности нравоучений с политикою, собранные греком Никоклесом», подготовленный, как установлено Ю. М. Лотманом, П. П. Курбатовым. Перевод «Разговоров» не свободен от погрешностей тем более, что Курбатов весьма вольно обращался с оригиналом, опуская обширные авторские примечания и добавляя к основному тексту свои. Тем не менее перевод Курбатова важен, и не только с той точки зрения, что познакомил русского читателя с одним из лучших произведений Мабли, но и потому, что несомненно учитывался Радищевым при подготовке им своего перевода «Размышлений».[45]

В 1803 г. в типографии Московского университета, «у Любия, Гария и Попова», вышел в свет перевод Михаила Никитича Цветкова «Начальные основания нравоучения».[46] Это перевод с сочинения Мабли «Principes de Morale». Перевод точен, без изъятий и вполне адекватен оригиналу.

В 1812 г. вышло второе издание этого перевода, так же анонимно, как и первое.[47]

В 1812 г. в Петербурге был издан перевод сочинения Маб-

---

[44] Почти на всех выявленных экземплярах перевода Радищева имеются владельческие пометы. Экземпляры ГПБ: шифр 18.28.5.29 — внизу титульного листа чернилами «Михаила Чоглокова»; шифр 138/1617 — на обороте первой доски переплета помета «[Шл]япников», на шмуцтитуле — «Сочинение, бывшее прежде в большом уважении»; шифр 55/642 — в верхней части титула чернилами «Из книг Николая Бахметева», на шмуцтитуле — хозяйственные записи от 9 мая 1807 г., на с. 126 красным карандашом подчеркнуты высказывания Радищева против «самодержавства». Экземпляр БАН (шифр 1773/42) — в верхней части титульного листа помета «Из книг Александра Неустроева». Экземпляр ЛОИИ (шифр XI—572) — на фронтисписе надпись чернилами: «Г. Сидонскому Греч. Езыка Лектор Студент Вершинский 1821-го июля 16 дня».

[45] См. о переводе П. П. Курбатова: *Ю. М. Лотман.* Указ. соч. С. 286—289.

[46] Начальные основания нравоучения. Сочинение Г-на Мабли. Перевод с французского. В трех частях. М., 1803. — 4°. В экземпляре ГПБ (шифр 138/778) на титуле помета чернилами «Антония Архиепископа Ярославского и Ростовского. 1806 г. Сент. 24 д. Ярославль». В экземпляре Научной библиотеки ЛГУ (шифр В П 6615), на странице, прилегающей к первой доске переплета, помета: «Сия книга принадлежит Егору Анофриеву. Куплена им в Москве 1818 дека».

[47] Начальные основания нравоучения... М., в Типографии Пономарева, 1812. — 4°. В экземпляре библиотеки ЛОИИ (шифр XI—3025) на первой доске кожаного переплета золотом вытиснена надпись «За прилежание № 13», судя по всему — дарственный экземпляр.

ли «О изучении истории» («De l'étude de l'histoire).[48] Не первый раз привлекало к себе внимание переводчиков это произведение. В 1803 г. один из воспитанников Московского благородного пансиона перевел первую главу из первой части этого сочинения Мабли.[49]

В фонде Департамента народного просвещения сохранились сведения о прохождении рукописи «О изучении истории» через Цензурный комитет. Все три части перевода поступили 12 августа 1811 г. Цензором перевода был уже упоминавшийся Тимковский. Рукопись была одобрена и выдана переводчику 14 августа.[50] В «Донесении о разсмотренных Санктпетербургским Цензурным Комитетом рукописях и печатных книгах за ноябрь 1812 год» значится, что все три части рукописи получили одобрение и на каждую из них выдан был билет, т. е. разрешение печатать 18 ноября, 18 декабря 1812 г. и 19 февраля 1813 г.[51]

Переводчиком «De l'étude de l'histoire», как значилось на титуле издания, был Егор Гаврилович Чиляев (1790 — вторая половина 30-х гг. XIX в.), прокурор Верховного грузинского правительства, управляющий Канцелярией Тифлисского военного губернатора, чиновник по особым поручениям в Грузии, Кавказских и Закавказских областях (1821—1833). Таким образом, Чиляев перевел «О изучении истории» в 12-летнем возрасте. В службу он поступил в 1815 г.; тогда же началось его увлечение масонством — он был членом ложи знаменитого А. Ф. Лабзина, начав с ученика и кончив в 1821 г., к моменту упразднения ложи, «надзирателем».

Когда в 1821 г. Чиляев стал членом Комиссии для перевода и пересмотра Грузинского уложения царя Вахтанга, ему, кроме перевода из Мабли, принадлежал перевод сочинения Монтескье «Арзас и Исмения» (СПб., 1810), перевод с французского «Предварительные понятия к познанию натуры» (СПб., 1819), также оригинальные сочинения, в том числе: «Начертание права народного» (СПб., 1812), «Песнь на кончину князя М. Л. Кутузова» (СПб., 1813) и др.[52]

---

[48] О изучении истории. Соч. Г. Мабли. Перевел с французского Егор Чиляев. СПб., в типографии Иос. Ионнесова, 1812. Ч. 1—3. — 12°. В экземпляре ЛОИИ (шифр XI—3022) наклейка: «Из библиотеки для чтения А. Смирдина. № 3295».

[49] Утренняя Заря: Труды воспитанников Университетского благородного пансиона. М., 1803. Кн. 2. С. 147—168.

[50] ЦГИА, ф. 733, оп. 118, № 406, л. 15 об., 129 об. — 130.

[51] Там же, л. 276, 287, 349.

[52] Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. (Чаадаев—Швитков). С. 382.

Перевод Чиляева, при всех его буквализмах и явном стремлении во всем следовать оригиналу даже там, где этого не следует делать, был бы в целом неплох, если бы не досадные пропуски (не по вине цензуры) и многочисленные «погрешности» (по перечню, «погрешностей» в первой части — 41, во второй — 36, в третьей — 11). Издатель счел за нужное «просить почтенную публику извинить его в том, что в его переводе вкралось столько опечаток, ибо он, будучи болен почти во все продолжение печатания сей книги, не мог иметь надлежащего надзора». Но есть в переводе и такие «перемены», которые были сделаны не по его вине, хотя и с его согласия. В предисловии к книге Чиляев писал: «Страшась негодования просвещенных читателей за некоторые весьма малые перемены, введенные мною в сем переводе, я должен признаться, что никогда не дерзнул бы сего сделать, если бы я не был к тому побужден советом и наставлением одного из почтеннейших и просвещеннейших мужей (в сноске: Г. Ст. Сов. и Кав. Ив. Ос. Т. ... — не стоило большого труда выяснить, что это — Иван Осипович Тимковский, цензор и директор гимназий и училищ Петербургской губернии. — С. И.), снискавших обширными познаниями своими непреложное право на совершенное послушание неопытных сочинителей и переводчиков. Впрочем сии перемены почти неприметны, они состоят по большей части в смягчении некоторых выражений, не сообразных с духом нынешнего времени». Эти «перемены» касаются радикальных мыслей Мабли о свободе и естественных правах народов, а также мест, где автор высказывает свое мнение о некоторых событиях из истории России.

Таким образом, по цензурным соображениям в переводе Чиляева было сделано несколько купюр, одна из них занимает 17 страниц оригинального французского текста. Это как раз та самая глава, где идет речь о петровских преобразованиях, толчком к которым послужили якобы беседы Петра I и Лефорта.[53]

К третьей части книги приложен перечень «Имена особ, благоволивших подписаться на сию книгу: Г. Генер. Лейтенант и Кав. Князь Семен Иванович Солагов (1756—1820, сенатор. — С. И.) на 1, Г. Стат. Советник и Кав. Иван Осип. Тимковский — 5, Грузинский царевич Лоарсаб (сказались грузинские связи переводчика. — С. И.) — 1, Господин Мельников — 1, Господин Таврион Милоствов — 1, Господин Анзенович — 1, Господин Петров — 1, Господин Филипов — 1, Гос-

[53] *Голиков И. И.* Указ. соч.

подин Крузе — 1, Господин Леваковский — 1, Его Высокоблагор. Иван Феодорович Львов — 1, Неизвестная особа — 1, С. П. Бург. Купец З. В. Кислов — 1, С. П. Бург. Купец И. И. Каричкин — 2, С. П. Бург. Купец И. И. Заикин — 1, С. П. Бург. Купец М. И. Глазунов — 2 (возможно, владельцы книжных лавок хотели решить для себя, стоит ли брать эту книгу для продажи. — С. И.), Московский купец С. А. Селивановский — 10, Московский мещанин И. Ильин — 5».

Книги старых библиотек дают представление о большой, сложной судьбе книжной духовности в обществе, об усвоении и распространении идей. Просматривая каталоги библиотек, исследователь имеет дело с перечнем книг, находящихся во владении хозяев, но не всегда с достаточным основанием может он судить о том, какие именно из этих книг владелец библиотеки действительно читал и прочел. Правда, если мы находим ту или иную книгу в том или ином собрании, мы, естественно, вправе сделать вывод о вкусах и пристрастиях его обладателя, ибо, разумеется, прежде чем купить книгу, нужно быть определенным образом подготовленным к этому. Достаточно простой случайности, чтобы подтолкнуть владельца библиотеки к очередному приобретению. Если же речь заходит о политике, юристе, человеке гуманистического склада ума, ученом, то здесь в формировании библиотеки участвуют и иные категории, отмеченные неустанной работой мысли, глубоким поиском, которые в отдельных случаях приводят к чему-то вроде «книжного остракизма».

В каталоге библиотеки Мраморного дворца, частью которой была, как известно, библиотека М. В. Ломоносова, имеется указание на книгу Мабли «Le droit public de l'Europe» (Amsterdam, 1761). Это двухтомное издание представлено в библиотеке только одним первым томом.[54]

Разумеется, «нельзя считать..., что все книги из собрания Орлова (владельца библиотеки Мраморного дворца. — С. И.) относятся к библиотеке Ломоносова»,[55] однако весьма заманчиво было бы предположить, что эту книгу Мабли держал в руках Ломоносов, тем более, что, судя по каталогу, в собрании ученого было представлены многие издания по юриспруденции, в том числе и по международному праву.

В библиотеках дипломата и государственного канцлера А. Р. Воронцова, который был дружен с А. Н. Радищевым и, возможно, предоставлял ему в пользование свои книги,

[54] Catalogue des livres de la bibliothèque du palais de Marbre (ci-devant bibliothèque du comte d'Orloff). // Е. С. Кулябко, Е. Б. Бешенковский. Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. Л., 1975. С. 159.
[55] Там же. С. 67.

хранились почти все основные произведения Мабли, причем одно из них, как позволяет судить дошедшее до нас свидетельство, было, вероятно, куплено и переслано из Парижа его корреспондентом, «приятелем молодости». В письме от 3 марта 1783 г. этот корреспондент сообщал Воронцову: «Ничто не произвело столько шума, как сочинение аббата де Мабли о том, как писать историю. Шум этот поднялся главным образом из-за тех вольностей, которые он позволил себе по отношению к памяти Вольтера как историка. Быть может, в сущности он и был прав, но все же кажется, что он ошибся в выборе формы. Единомышленники прославленного покойного нашли его выражения резкими, а явились они следствием великого неистовства философии к сему дряхлому и бесстрастному сочинителю».[56] Эта книга в 1783 г. вышла первым изданием, была новинкой[57] и вскоре оказалась представленной в библиотеке Воронцова.[58]

По каталогу 1766 г. в библиотеке А. Р. Воронцова числились книги «Droit public de l'Europe...» (Genève, 1764. 3 vol. 8°), «Principes des Negociation...» (La Haye, 1757. Vol. 1. 8°).[59]

По дубликату этого каталога в библиотеке значилось еще сочинение «Parallelles des Romains et des Français» (La Haye, 1741. 2 vol. 8°).[60]

По «Catalogue de la Bibliothéque de S. E. Monsieur le Comte de Vorontzov. Vol. III» конца XVIII в. в библиотеке Воронцова имелись уже не только два экземпляра «Parallelles des Romains...» (La Haye, 1741),[61] но и «Observation sur les Romains» (Genève, 1751. 8°), два экземпляра «Observations sur l'histoire de la Grèce» (Zürich, 1764. 8°), «Du Gouvernement et des lois de Pologne» (Londres, 1781. 8°, с пометой — «3 экземпляра»), «Observations sur l'Histoire de France» (Genève, 1765. 8° (3 экземпляра), «Oeuvres posthumes de Mably» (Paris, 1790. 8 vol.), «Le Droit public de l'Europe» (Genève, 1776. 8°), а также «Lettres à Mably sur l'histoire primitive de la Grèce», par Rabault de St. Etienne (Paris, 1787. 8°).[62]

В «Catalogue des Livres de M. Le Comte Woronzov. 1809», возможно, библиотеки С. Р. Воронцова, сочинения Мабли представлены: «Droit public de l'Europe» (Genève, 1767. 3 vol.

[56] Архив князя Воронцова. М., 1884. Кн. 30. С. 34—35.
[57] Ср.: *Лотман Ю. М.* Указ. соч. С. 281.
[58] ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 1011, л. 79 об.
[59] Там же, № 991, л. 67, 162.
[60] Там же, № 992, л. 78 об.
[61] Там же, № 994, л. 89 об., 105.
[62] Там же, л. 46, 49, 57 об., 89 об., 90 об., 105, 214 об., 47.

LE DESTIN

DE

LA FRANCE,

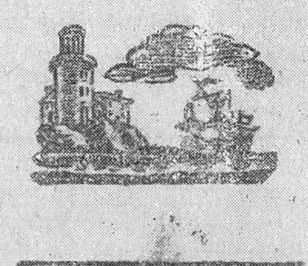
PAR M. L'ABBÉ DE MABLY;

SUIVI

DE LA VIE PRIVÉE DE CET AUTEUR,

PAR M. L'ABBÉ BARTHELEMI.

Les Rois ne doivent point régner pour leur propre gloire, mais pour le bonheur des peuples.

1790.

Титульный лист книги Г.-Б. де Мабли «Будущность Франции» («С приложением жизнеописания сего сочинителя аббата Бартелеми», 1790)

12°), «Principes des Negociations...» (La Haye, 1757. 12°), «Sur le Gouvernement des Etats-Unis de l'Amerique» (Amsterdam. 1784. 12°), «De l'étude de l'Histoire» (Paris, 1778. 12°), «Observations sur l'Histoire de France» (Kell, 1788. 4 tom. 12°).[63]

В «Catalogue raisonné des livres de la Bibliothéque de Son Excellence Le Comte M. Woronzow (М. С. Воронцов. — С. И.) avec une Table Alphabetique. Odessa, 1834», единственном, точно указывающем на местоположение библиотеки, значится, помимо упоминавшейся «Manière d'écrire l'histoire» (Paris, 1783) «Droit public de l'Europe...» (3 ed. Genève, 1764. 12°), «Observations sur l'Histoire de la Grèce...» (Zürich, 1767. 8°).[64]

Таким образом, перед нами обстоятельное и систематическое собрание сочинений Мабли, пополнявшееся Воронцовыми на протяжении многих лет непосредственно в бытность их на дипломатических постах за границей и через корреспондентов в более позднее время. Приобретение сочинений Мабли А. Р. Воронцовым и Воронцовыми вообще вполне соответствовало их интересам, особенно в дипломатическом и государственно-правовом отношениях.

Воронцовы не были библиофилами, они были государственными мужами, полководцами, дипломатами, но их родственные связи были отмечены истинным библиофильством. В библиотеке гр. Д. П. Бутурлина, женатого на троюродной сестре своей, графине Анне Артемьевне Воронцовой, имелись «Entretiens de Phocion... P. Didot» (1783) и «Oeuvres complètes de l'Abbé de Mably» (Londres, 1789. 12 vol.), к которым в 1805 г. прибавилось еще несколько посмертных томов.[65] В той же библиотеке Бутурлина находилась книга, составленная М. Беранже и включавшая в себя «Eloge» П.-Ш. Левека и другие касающиеся Мабли материалы.[66]

Нельзя исключать здесь и определенное влияние «высочайших сфер» на вкусы и пристрастия придворной и околопридворной среды. Конечно, французское просветительство, философские идеи и просветительские идеалы, смелые исторические параллели и острые актуальные сближения — это

[63] Там же, № 995, л. 3, 4, 8, 51, 56.

[64] Там же, № 1011, л. 13 об., 79 об., 80 об.

[65] Catalogue de la Bibliothèque de Mr le Comte D. Boutourline Pr. Partie, contenant les livres imprimés en langue Française... A St. Petersbourg, 1794. P. 37, 95; Catalogue des livres de la Bibliothéque de S. E. le Comte de Boutourline... Paris, An XIII (1805). № 522.

[66] *Berenger M.* Esprit de Mably et de Condillac. Paris, 1789. 2 vol.; Catalogue de la Bibliothèque de Mr le Comte D. Boutourline... P. 38.

то, что импонировало, влекло, тешило ум и сердце. Но была еще и мода, которую вольно и невольно прививала венценосная ее законодательница.

В библиотеке Эрмитажа сохранилось только одно издание, которое могло принадлежать к старому собранию: «Entretiens de Phocion, sur le Rapport de la Morale avec la Politique; Traduit du Grec de Nicoclès; avec des Remarque, par M. l'abbé de Mably (A Paris, chez Cazin, Libraire, M.DCC.XC.II). На корешке кожаного переплета золотом — «Edition Cazin», обрез золотой (шифр. 4.169.4.9). Экслибрис Эрмитажа отсутствует. Однако по собранию ГПБ можно установить и другие издания Мабли из библиотеки Эрмитажа.

В фонде ГПБ имеются «Observations sur les Grecs (Genève, Par la Compagnie des Libraires, M.D.CC.XLIX. 8°; шифр 14.26.3.П); «Observations sur l'Histoire de France. Nouvelle Edition... précédée de l'Eloge Historique de l'Auteur, par M. l'abbé Brizard (Kehll, M.DCC. LXXXVIII. T. I—IV. 8°; (шифр 32.3а.4.34);[67] «Observations sur le Gouvernement et les loix des Etats-Unis d'Amerique... Avec des Rémarques d'un Républicain» (Dublin, M.CC.LXXXV. 8°; шифр 33.Va.5.12) и полное собрание сочинений Мабли без сочинений, обнаруженных после его смерти (Genève, chez G.-J. Manget, Imprimeur-Libraire, 1796. T. I—XII. 8°; шифр 16.57.4.8).

Все указанные издания имеют экслибрис «Императорская Эрмитажная иностранная библиотека».

В библиотеке Вольтера, которая была куплена Екатериной в 1779 г. и размещена в комнатах неподалеку от ее кабинета в Эрмитаже в начале 1780 г., также имеются экземпляры сочинений Мабли. Самое раннее издание в библиотеке Вольтера — «Parallèle des Romains et des Français...» (Paris, chez Didot, 1740. T. 1—2. 4°; шифр 2—169). Здесь во множестве рассеяны мелкие пометы, отчеркивания карандашом на полях. В книге имеются загнутые углы и закладки. Это сочинение, как известно, удостоилось похвалы Вольтера, однако на титульном листе первого тома имеется язвительная помета «parallele des aigles et des moinaux».

Имеется здесь и «Des principes des négociations... (La Haie [Paris], 1757. 14°; шифр 5-25). В «Observations sur l'Histoire de France» (Genève, Par la Compagnie des Libraires, 1765.

[67] Можно предположить, что это издание ранее принадлежало известному историку М. М. Щербатову, библиотека которого была приобретена Екатериной. См. указание на это издание в «Реестре библиотеки покойного князя Михаила Михайловича Щербатова» (ОР ГПБ. Эрмитажное собрание, № 586, л. 28 (№ 357)).

Т. 1—2. 7°) имеются пометы и закладки с пометой «N. M.» (шифр 2-163).

На корешке бумажного переплета «De la Législation, ou Principes des Loix» (Amsterdam, 1776. Т. 1—2) рукою Вольтера помечено «Mably ennui». Это уже относится ко времени неприязненных и даже враждебных отношений между Мабли и Вольтером.[68]

Отметим еще некоторые экземпляры сочинений Мабли, выявленные в основных книгохранилищах Ленинграда.

Безусловный интерес вызывает «Du Governement et des loix de la Pologne» (Londres, M.DCC.LXXXI. 8°) с автографом **«Петр Жуков. 1781. май 31 день. С. Петерб.»** (ЛГУ, шифр Д 1 31). Эта книга из известного собрания П. Ф. Жукова, послужившего основой библиотеки Петербургского университета.[69] По каталогу значится также «Le Droit public...» (Amsterdam, 1761—1766. Т. 1—3. 8°; шифр С 41166), но в настоящее время этот экземпляр утрачен.

Несколько книг Мабли из собрания БАН находились в библиотеке В. С. Михалкова в его имении, с. Петровском, о чем свидетельствуют экслибрисы в «Oeuvres complètes...» (Lyon, chez Ve de J.-B. Delamollière et Falque, 1796; БАН, шифр Inv. 1928/F-5155); «Observations sur l'Histoire de France» (Genève, M.DCC.LXV; шифр Inv. 1928/F-5159; «Entretiens de Phocion» (La Haye, chez Danielle Ailland, MDCC.LXIV. 8°; шифр 10202.0/1275-R.

Экземпляр «De la Legislation...» (Amsterdam, M.DCC. LXXXIX), содержащий помету «1795» (г.?), принадлежал, вероятно, библиотеке Мусиных-Пушкиных. Во всяком случае анализ нечеткого оттиска герба на обороте титула позволяет сделать такой осторожный вывод (БАН, шифр X.147.4.21).[70]

«Collection complète des Oeuvres de l'Abbé de Mably» (Paris, de l'imprimerie de Ch. Desbrière..., 1794—1795. 4°) было в собрании просвещенного Д. А. Голицына (ГПБ, шифр 17.5.2.11).

Экземпляр «De l'étude de l'Histoire (Mastreicht, M.DCC.

---

[68] См.: Библиотека Вольтера: Каталог книг. М.; Л., 1961. С. 580—581. О пометах Вольтера на книгах Мабли см. статью Л. Л. Альбиной «Вольтер — читатель Мабли» (История социалистических учений: Сб. статей. М., 1981. С. 233—239).

[69] Начало университетской библиотеки (1783). Собрание П. Ф. Жукова — памятник русской культуры XVIII века: Каталог // Сост. А. Х. Горфункель, Н. И. Николаев. Л., 1980. С. 53.

[70] Ср. Общий гербовник дворянских родов Российской империи... СПб., 1799. Ч. 4. С. 22—23.

LXXVIII. 8°) находился в библиотеке Первого кадетского корпуса в Петербурге (ГПБ, шифр Рэ ШК/М-112 O_1).

Многие выявленные издания сочинений Мабли XVIII в. — приобретения более поздних времен — также носят пометы и прочие следы деятельной работы мысли, что говорит о серьезном влиянии, которое оказывали произведения Мабли на развитие идейности российского общества.

Таким образом, вышеизложенные материалы позволяют сделать вывод: несмотря на то, что круг почитателей и идейных последователей Габриэля-Бонно де Мабли в России был несравненно у́же, чем круг поклонников Монтескье и Вольтера, среди которых, как это часто бывало в подобных случаях в России, наряду с искренними сторонниками, было немало и таких, которые оказались «волтерьянцами» по недоразумению и вполне сочетали модное вольтерьянство с грубым произволом крепостнической практики, книги Мабли были распространены в России достаточно широко. Вместе с тем следует подчеркнуть, что почитатели аббата де Мабли в России происходили, как правило, из иного круга. Социальные и социо-нравственные идеи Мабли могли найти отклик, по-видимому, только в весьма немногочисленной и наиболее радикально настроенной среде передовых просвещенных людей, проникнутых неприятием существующего строя и желанием его коренного переустройства.

А. А. Зайцева

ИВАН ГЛАЗУНОВ — ИЗДАТЕЛЬ ТРАГЕДИИ «ВАДИМ НОВГОРОДСКИЙ» Я. Б. КНЯЖНИНА

Об издании и дальнейшей судьбе трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» написано немало. Некоторые из статей, посвященные этому вопросу, относятся еще к 60-м гг. XIX века.[1] Об этом событии сохранились свидетельства современников — о нем упоминается в письмах того времени, ему посвящены страницы известных «Записок» Е. Р. Дашковой,[2] о нем говорится в «Секретных мемуарах о России» К. Массона.[3]

Вместе с тем, опубликованные материалы нередко противоречивы, история издания трагедии «Вадим Новгородский» излагается в них недостаточно точно, и многое в ней продолжает оставаться неясным. Фигура издателя — книготорговца Ивана Глазунова, как ни странно, не привлекла внимания исследователей, и вопрос о его роли в издании трагедии не поднимался. Выяснение этого вопроса, однако, позволило бы более определенно и точно установить степень причастности Е. Р. Дашковой к публикации «Вадима Новгородского». Во всех работах, затрагивающих вопрос об издании трагедии, просто констатируется, что И. П. Глазуновым у наследников Я. Б. Княжнина были приобретены оставшиеся после его смерти рукописи, и Глазунов, поскольку он в это время еще не имел собственной типографии, передал

---

[1] О трагедии «Вадим Новгородский» см., например, статьи М. Н. Лонгинова, В. Я. Стоюнина, П. А. Ефремова, В. П. Семенникова, в наше время — Л. Б. Светлова, Л. В. Крестовой, Л. И. Кулаковой.

[2] См.: *Екатерина Дашкова.* Записки. 1743—1810. Л., 1985. С. 172—175.

[3] *Ch.-F.-Ph. Masson.* Mémoires secrets sur la Russie. Londres, 1802. Vol. 2. P. 133—134.

трагедию «Вадим Новгородский» и комедию «Чудаки» в типографию Академии наук, где они и были опубликованы в 1793 г. по распоряжению Е. Р. Дашковой.[4]

Подобное изложение фактов отнюдь не раскрывает сущности происшедших событий. Из розыскного дела о трагедии Княжнина «Вадим» известно, что основными вопросами, интересовавшими следствие, были: «каким образом Глазунов и через кого достал книгу» и «как он ее в печать отдал».[5] В известной степени то, что пытались установить в ходе тайного следствия генерал-прокурор Сената А. Н. Самойлов и московский главнокомандующий А. А. Прозоровский, остается загадкой и для нашего времени. Бесспорным является одно — 5 марта 1793 г. И. П. Глазуновым было приобретено несколько оставшихся ненапечатанными сочинений Я. Б. Княжнина у опекуна его детей П. Я. Чихачева. В их числе были трагедия «Вадим Новгородский» и комедия «Чудаки».[6]

Все остальное неизбежно вызывает вопрос: каким образом Глазунову стало известно о рукописях Княжнина, как и почему могла состояться подобная сделка и, наконец, каким образом в 1793 г. в условиях все обострявшихся отношений с революционной Францией, смогла быть опубликована (да еще в типографии Академии наук!) трагедия, обнародование которой в 1789 г. нашел неуместным сам автор? Напомним также, что давая объяснения по поводу опубликования «Вадима Новгородского» в типографии Академии наук, Дашкова утверждала, что это было случайностью («в одиннадцать лет в первой... проскочило») и что она не читала трагедии. Точно так и Глазунов во время следствия утверждал, что он был незнаком с содержанием трагедии, как, впрочем, и прочих приобретенных им у наследников Княжнина сочинений. Но и трагедия «Вадим», и комедия «Чудаки» были же кем-то отобраны из числа других рукописей Княжнина, попавших к Глазунову!

---

[4] См., например, примечания Л. И. Кулаковой к «Избранным произведениям» Я. Б. Княжнина, где она свела воедино противоречивые материалы об истории издания трагедии «Вадим Новгородский» (*Я. Б. Княжнин.* Избранные произведения. Л., 1961. С. 730).

[5] Русский архив. 1863. № 5—6. С. 467—473.

[6] Помимо этих сочинений Глазуновым были куплены комедии «Траур, или Утешенная вдова», «Жених трех невест», комическая опера «Мужья — женихи своих жен» и «несколько мелочных розных пиес, писанных собственно его рукою» («Объяснение» П. Я. Чихачева генерал-губернатору псковскому и смоленскому Г. М. Осипову от 1 января 1794 г.»). — *Л. И. Кулакова.* Указ. соч. С. 730.

Подобных неясностей в вопросе об издании трагедии возникает немало.

Напомним, трагедия «Вадим Новгородский» была написана в конце 1788 — начале 1789 г. В ней с большой силой были выражены тираноборческие настроения. Она уже была назначена к постановке, даже были распределены роли, но революционные события во Франции сделали невозможной ее постановку. Любимое произведение Княжнина — трагедия «Вадим», по преданию, до самой смерти драматурга лежала на его письменном столе. Известно, что Княжнин читал друзьям свое сочинение и, возможно, оно начало распространяться в списках еще при его жизни. Современники связывали безвременную кончину драматурга (в 48 лет) с получившими известность трагедией «Вадим» и не дошедшим до наших дней публицистическим сочинением «Горе моему отечеству».[7] Ходили упорные слухи о том, что Княжнин был «допрашиваем» в Тайной канцелярии и стал одной из жертв Шешковского, принявшегося, по выражению Потемкина, «кнутобойничать» в эти годы.[8]

К началу 1793 г. относится разрыв дипломатических отношений России с Францией «по случаю произшедшаго в оной возмущения и умерщвления Короля Людовика XVI».[9] В этой обстановке, когда официально были осуждены «правила безбожные и возмутительные» и «похитители правления и власти»,[10] появление трагедии, развенчивавшей самодержавную власть, было неслыханной дерзостью.

«Самодержавие, повсюду бед содетель,
Вредит и самую чистейшу добродетель...»
Самодержавна власть все ныне пожирает...», —

утверждали герои трагедии, а Вадим, обличая утвердившиеся нравы, гневно спрашивал: «Или отечество быть может у рабов?».

---

[7] С. Н. Глинка в «Записках», сообщая о содержании этой статьи, указывал, что Княжнин предлагал осуществить ряд важных государственных реформ и «устроением внутреннего быта» в России предотвратить «слишком крутой перелом... ибо французская революция дала новое направление веку» (*С. Н. Глинка.* Записки. СПб., 1895. С. 97—98). См. также: *Л. И. Кулакова.* Указ. соч. С. 14—15.

[8] Русский вестник. 1860. Т. 25, № 4. С. 633.

[9] Указ «О прекращении сообщения с Франциею...» // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 23. С. 402.

[10] Там же. С. 403.

ВАДИМЪ НОВГОРОДСКІЙ

ТРАГЕДІЯ

въ

стихахъ,

въ

ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

Сочинена

Як. Княжнинымъ.

искласиковъ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

при Императорской Академіи Наукъ,

1793 года.

Титульный лист с пометой, сделанной неумелой рукой, «искласиковъ» («из классиков»)

Существование книги было недолгим. Отдельное издание «Вадима Новгородского» (тиражом 1212 экз.) вышло из типографии Академии наук 14 июля 1793 г., 30 сентября поступила на склады Академии наук и 39-я часть «Российского Феатра» с опубликованной в нем трагедией (с того же набора, но с исправлением опечаток). Но уже в начале ноября трагедия, ставшая известной Екатерине II и вызвавшая ее гнев, была конфискована.[11] Доносчиком явился граф И. П. Салтыков, по ядовитому замечанию негодовавшей Дашковой, «не прочитавший в жизни ни одной книги», который сообщил о крамольном сочинении всесильному временщику Платону Зубову. В ходе тайного следствия были допрошены или вынуждены были дать объяснение все лица, так или иначе причастные к публикации этого сочинения. По решению Сената и секретному именному указу Екатерины II, трагедия, «яко наполненная дерзкими и зловредными противу законной самодержавной власти выражениями, а потому в обществе Российской империи нетерпимая», была «публично» сожжена на Александровской площади в Петербурге (у Александро-Невской лавры).[12] Во все наместнические и губернские правления был разослан секретный указ «об отобрании и уничтожении» трагедии.

Полное издание «Вадима Новгородского» без цензурных купюр (в количестве 325 экз.) вышло лишь спустя более 120 лет, в 1914 году.

Уже простой перечень событий, связанных с историей создания трагедии, показывает насколько неординарной и рис-

[11] В журнале Академии наук от 11 ноября 1793 г. записано: «Из всех напечатанных экземпляров и имеющихся в книжном магазине и лавке 39-й части „Российского Феатра" помещенную в оной трагедию „Вадим Новгородский" вынуть и доставить генерал-прокурору через присланного от него; сколько ж отдано будет записать по оным в расход и рапортовать». — ЛО ААН, Журнал АН, 1793, № 1096.

[12] См.: *Л. И. Кулакова.* Указ. соч. С. 732; *Л. Б. Светлов.* Запрет трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» и дело А. Н. Радищева // История СССР. М., 1960. № 5. С. 142. Известный библиограф и библиофил В. С. Сопиков заметил уже в 20-е гг. XIX в., что трагедия «Вадим Новгородский» — „...очень редка" («Опыт Российской библиографии», № 11867), хотя из книжных лавок и у частных лиц удалось изъять лишь часть тиража этого издания. Гораздо более редкой стала публикация трагедии в «Российском Феатре» (считается, что уцелело всего 2 экз.), поскольку весь тираж был конфискован в книжном «магазине» (книжном складе) Академии наук до его поступления в продажу. Трагедия была выдрана из «Российского Феатра» так, что пострадали и соседние сочинения. Возможно, однако, что не все изъятые экземпляры были уничтожены. В частности, например, Библиотека Академии наук располагает подобным экземпляром, испещренным множеством помет, с владельческой надписью «из книг Н. П. Лихачева».

кованной была попытка опубликовать ее в 1793 г., когда всем были хорошо памятны события, которыми увенчалась деятельность А. Н. Радищева, Н. И. Новикова, да и самого Княжнина.

Факт издания «Вадима Новгородского» в типографии Академии наук Е. Р. Дашкова объясняла случайностью, известным недосмотром с ее стороны. Одновременно она пыталась умалить значение опубликованной трагедии, указывая, что «это произведение гораздо менее опасно для государей, чем некоторые французские трагедии, которые играют в Эрмитаже», и, кроме всего прочего, подчеркивала, что она не являлась ни автором сочинения, ни даже «лицом, заинтересованным в его распространении».[13]

Таким лицом мог быть издатель трагедии — Иван Глазунов.

В этой связи представляет интерес вопрос о степени участия Глазунова в публикации трагедии, то есть был ли он случайным лицом — просто одним из петербургских книгопродавцев, к которому случайно попали рукописи Княжнина и который по неосмотрительности или непониманию опубликовал трагедию, или же он в полной мере понимал риск и все же шел на него, предпринимая подобное издание?

С конца 80-х гг. Глазунов систематически приобретал книги в Академии наук и объем этих закупок все увеличивался, кроме того, до 1793 г. им было издано в типографии Академии наук пять сочинений.

Одной из первых сделок И. Глазунова, положивших начало его многолетним связям с Академией наук, было приобретение им в 1788 г. на льготных условиях, в рассрочку 150 экз. «Собрания сочинений Якова Княжнина в 4-х тт.». Он был хорошо известен в Академии наук, и в частности Е. Р. Дашковой, любившей иногда присутствовать при отпуске книг купцам и беседовать с ними.[14] В 1792 г., когда в связи с процессом над московскими книгопродавцами в тяжелое положение попали и некоторые петербургские купцы, книги которых оказались «запечатанными» в Москве, Е. Р. Дашкова, как известно из ее письма к А. А. Прозоровскому, пыталась помочь Глазунову с «товарищи» и освободить из под ареста академические книги, «наименьшему запрещению и сомнению не подвергающие».[15]

---

[13] *Екатерина Дашкова.* Указ. соч. С. 173—174.

[14] См.: Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за 100 лет. СПб., 1883. С. 6.

[15] Русский Архив. 1864. № 5—6. С. 580—581.

Разносторонний характер связей Глазунова с Академией наук позволяет предположить, что издание им в 1793 г. двух последних сочинений Я. Б. Княжнина — трагедии «Вадим Новгородский» и комедии «Чудаки» (тиражами 1212 экз.) — не было случайностью. Вместе с тем, мало вероятно, чтобы Глазунов по собственной инициативе приобрел бы рукописи Княжнина и, тем более, стал бы издавать такую трагедию, как «Вадим». Статс-секретарь Екатерины II, сенатор Д. П. Трощинский, сообщая А. Р. Воронцову о разразившемся в Петербурге скандале в связи с выходом трагедии, писал: «Действительно, тут есть такие ужасные монологи, которых нигде бы не потерпели в самодержавном государстве».[16] Глазунов был достаточно осторожным и опытным дельцом для того, чтобы подвергать себя неоправданному риску.

В начале 90-х гг. он уже был заметной фигурой среди книготорговцев Петербурга. Он владел тремя книжными лавками, расположенными в самом центре города — на Невском проспекте в Гостином Дворе и на Садовой улице. О том, что молодой купец быстро завоевывал известность, свидетельствовало и шутливое упоминание о Глазунове в последней комедии Княжнина «Чудаки». В перебранке двух неудачливых рифмоплетов один из них язвительно замечал другому:

«А если б из твоих лишь торг повел стихов,
Давно б от голода скончался Глазунов».[17]

Глазунов отличался энергией, предприимчивостью, деловой хваткой, но в то же время и большой осмотрительностью. При закупке книг он приобретал в больших количествах только уже зарекомендовавшие себя книги, лишь то, что гарантировало выгодную продажу. В условиях жесткой конкурентной борьбы, уже характерной для книготорговли тех лет, Глазунов прежде всего руководствовался вопросами выгоды. Как издатель он был несколько консервативен во вкусах и не менее осторожен, чем в книготорговых делах. Он печатал (причем не только в типографии Академии наук, но и в «вольных» типографиях Петербурга и Москвы) учебные пособия, сборники песен, популярные руководства по сельскому хозяйству и домоводству типа «Старинная русская хозяйка» (1793), «Новой русской садовник» (1793) и т. п.

---

[16] Архив кн. Воронцова. М., 1877. Т. 12. С. 381.
[17] *Я. Б. Княжнин.* Избранные произведения. С. 545.

Историческая и, особенно, художественная литература в изданиях Глазунова этих лет занимала самое скромное место. Тем неожиданнее на этом фоне выглядело издание крамольного «Вадима». Трудно допустить, чтобы Глазунов не понимал, насколько опасной была публикация трагедии. Он был хорошо осведомлен о состоянии дел на книжном рынке и в литературном мире. Прежде чем выпустить какую-либо книгу Глазунов наводил о ней справки и получал необходимую информацию, умело использовал услуги писателей из числа разночинной интеллигенции. И «Вадим Новгородский», несомненно, не был исключением в этом ряду. Материалы розыскного дела показывают, что арест и допрос Глазунова, который в ноябре 1793 г. находился в Москве и привез туда на продажу в числе других книг и 400 экз. «Вадима Новгородского», немного дал следствию. Сверхосторожные ответы Глазунова и то, что в ряде случаев он заведомо говорил неправду, доказывают, что он в полной мере отдавал себе отчет в грозившей ему опасности. Глазунов утверждал, что он не знаком с содержанием рукописей, которые он приобрел, что он не помнит, сколько и каких сочинений он купил, что он «позабыл» фамилию опекуна детей Княжнина, продавшего ему рукописи, и пр.

Он не мог, например, «позабыть» фамилию опекуна детей Княжнина — П. Д. Чихачева, поскольку его близкий родственник — бригадир Чихачев, ведавший книжным магазином, был тем лицом, с которым И. П. Глазунов постоянно вел дела в Академии наук. Не мог Глазунов не знать и о том, какие сочинения им были приобретены у наследников Княжнина, хотя бы потому, что трагедия «Вадим Новгородский» и комедия «Чудаки» уже были изданы, поступили в продажу и рекламировались в книгопродавческих объявлениях в «Санкт-петербургских ведомостях». Розыскное дело велось в тайне, Глазунову удалось убедить следователей в своей невиновности, и, во избежание излишней огласки, он был отпущен.

О том, что издание «Вадима Новгородского» было незаурядным событием в жизни Глазунова, свидетельствует и семейная хроника дома Глазуновых, где это событие оказалось запечетлено и указывается, что у Глазунова было много неприятностей в связи с выпуском этой трагедии. Помимо всего прочего Глазунов в этот период должен был быть особенно осторожным, поскольку, как уже упоминалось выше, он был замешан в процессе книгопродавцев, попавших под арест в 1792 г. за распространение запрещенных изданий Н. И. Новикова, и следствие по этому вопросу еще не было завершено.

С другой стороны, представляет интерес и вопрос, что могло побудить Глазунова приобрести рукописи Княжнина, насколько выгодной могла быть для него подобная сделка?

Купленные им в 1788 г. 150 экз. «Собрания сочинений Я. Б. Княжнина» расходились медленно и, как это видно из книготорговых объявлений Глазунова, в это время падали в цене. Покупая рукописи, Глазунов не мог быть уверен, что ему удастся реализовать эти материалы, и, следовательно, он не мог рассчитывать на получение прибыли. Вместе с тем он заплатил большую сумму за бумаги, по словам опекуна Чихачева, «проданные без всякого разбора как макулатура».

По воспоминаниям родственников Княжнина, Глазунов аккуратно ощупал лежавшую на столе стопку бумаги и предложил за них, не торгуясь, 200 рублей (напомним, что за 150 экз. уже изданного 4-томного «Собрания сочинений» Княжнина (т. е. 600 томов) он уплатил в рассрочку, по частям 400 руб. (т. е. стоимость 1 тома составила около 70 коп.)).

Как показывает деловая и личная переписка Глазуновых, в частности, например, письмо матери братьев Глазуновых, жившей в Петербурге у сына Ивана и обращавшейся с просьбой о помощи к сыну Матвею,[18] купцы не любили бросать деньги на ветер.

Рассмотрение обстоятельств, связанных с приобретением рукописей Княжнина и их изданием, позволяет усомниться в том, что Глазунов был их «заинтересованным» издателем.

Вопрос о том, каким образом рукописи Княжнина попали к Глазунову — как он о них узнал, почему он их приобрел и как затем, да еще и в обход цензуры, трагедия «Вадим» была напечатана в типографии Академии наук, практически так и остается невыясненым. Напомним, что это были основные вопросы, занимавшие следствие («каким образом и через кого достал он сию книгу» и «как он ее в печать отдал»?). Как сам собой разумеющийся факт из работы в работу переходит утверждение о том, что Глазунов приобрел

[18] РО ГПБ, ф. 188 Глазуновых, № 12, л. 1. Посылая родительское благословение, Матрена Ивановна Глазунова писала сыну: «...ты меня Матвей Петрович совсем позабыл и будто бы у тебя матери нет уже я опять восемь лет ничего не получала а уэтова сына нахожусь слава богу жива и здорова и впредь уповаю на волю божию и всем я для (его) довольна и всио у меня есть чего непопрошу всио купит или дает, а ты мне несын, что ты меня позабыл и совсем не присылаешь ничего... остаюсь мать ваша Матрена Ивановна нижайше всем кланяюсь и как можна прошу прислать денег сколка нибуть» (Письмо от декабря 1802 г.).

рукописи, а затем по его просьбе два произведения Княжнина были опубликованы в типографии Академии наук. Причиной этого отчасти была сама Дашкова, изложившая подобным образом события в письме к брату — А. Р. Воронцову.[19] Однако позднее в «Записках» Дашкова указывала, что опубликовать трагедию ее попросила вдова Княжнина через советника канцелярии О. С. Козодавлева, а о Глазунове вообще не упоминается. Какая же из версий соответствовала действительности? Исследователями уже давно было отмечено, что Дашкова в «Записках», излагая историю публикации «Вадима», «группировала факты по своему усмотрению». Л. Б. Светловым были, например, сопоставлены «Записки», относящиеся к началу XIX в., с письмом Дашковой к брату, писавшемуся непосредственно в ходе разразившегося скандала в ноябре 1793 г., и указаны расхождения, имеющиеся между этими источниками, в результате чего исследователь пришел к выводу о том, что «наиболее любопытные и достоверные сведения об истории с трагедией „Вадим Новгородский“ содержатся не в „Записках“ Дашковой», а в ее письме.[20] Вместе с тем, в письме Е. Р. Дашковой подробно и обстоятельно описаны все перепетии события, все вопросы, обращенные к ней и ее ответы, все опасные ситуации, возникавшие в ходе выяснения обстоятельств опубликования трагедии в типографии Академии наук. В то же время, в нем лишь мимоходом и бегло, причем с существенными неточностями, упоминается о причинах и самом факте напечатания трагедии. Это позволяет предположить, во-первых, о том, что адресату все упоминаемые обстоятельства и так были хорошо известны, а во-вторых, что письмо не только преследовало цель информировать о происшедшем, но и содержало указание на то, как следует освещать данное событие.[21] Это относится и

---

[19] Е. Р. Дашкова писала: «В прошедшем июне книжный торговец Глазунов обратился ко мне с просьбою о дозволении напечатать в академической типографии трагедию Княжнина, которую он только что купил у наследников этого писателя и которая носила название «Вадим Новгородский». Я дала приказание отпечатать ее, но позабыла велеть, чтоб ее предварительно рассмотрели; впрочем, я никак не могла думать, чтоб с понятием о трагедии могло соединиться понятие о чем-либо предосудительном». — Русский Архив. М., 1884. № 2. С. 266. См. также: Архив Воронцова. М., 1872. Кн. 5. С. 216.

[20] *Л. Б. Светлов.* Запрет трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» и дело А. Н. Радищева // История СССР. 1960. № 5. С. 143.

[21] Письмо Дашковой, возможно, получило известность и распространение в обществе. В «Секретных мемуарах о России» К. Массона, опубликованных в начале XIX в. еще до написания «Записок» Дашковой,

к той части письма, где Дашкова предостерегает брата о вновь всплывших подозрениях у Екатерины II «об участии в „сочинении“ Радищева „Путешествия из Петербурга в Москву“» Е. Р. Дашковой и А. Р. Воронцова. Таким образом, полностью полагаться на свидетельства Е. Р. Дашковой, разумеется, нельзя. Безусловно однако, что родственники Княжнина с просьбой о приобретении его рукописей и их издании, обратились бы к Дашковой, а не Ивану Глазунову. Вполне возможно, однако, что инициатива опубликования трагедии «Вадим Новгородский» всецело принадлежала самой Дашковой или же Дашковой и ее ближайшему окружению. Несмотря на то, что Дашкова отрицала свою причастность к публикации трагедии и даже утверждала, что она не читала ее, именно она являлась подлинным «заинтересованным» лицом. То, что Глазуновым были куплены рукописи Княжнина, вовсе не означало, что он приобрел их для себя или по собственной инициативе. Получить рукописи непосредственно от наследников Княжнина, особенно в случае, если Дашкова предполагала опубликовать «Вадима Новгородского», с ее стороны было бы неосторожным, и Глазунов выполнил роль своеобразного подставного лица. Очевидно, что по собственной инициативе он никогда бы не предпринял подобного издания. (Возможно, доверенными лицами Дашковой были О. С. Козодавлев и Н. М. Чихачев). Только в этом случае получает объяснение ряд мнимых «несообразностей»: как Глазунову стало известно о рукописях, почему он так дорого за них заплатил, каким образом «Вадим Новгородский» был опубликован без цензуры в типографии Академии наук (это могло быть осуществлено только по личному распоряжению Дашковой), а комедия «Чудаки», прошедшая цензуру, также отличавшаяся большой остротой, была опубликована без указания имени автора.

То обстоятельство, что трагедия «Вадим Новгородский» вышла не только отдельным изданием, но имелось и распоряжение «по наборе каждого листа оной пиесы отпечатывать и в Российский Феатр, для избежания вторичного набора»,[22] полностью исключает «случайность» ее публикации.

почти дословно передаются фразы из ее разговора с императрицей, о котором она подробно сообщала в письме — «Что я вам сделала, что вы напечатали книгу такую оскорбительную и опасную?» и «Если это такое большое преступление царствовать, не вы ли помогли мне его совершить?» — пишет Массон, в целом довольно произвольно излагая историю публикации «Вадима Новгородского».

[22] Резолюция Канцелярии Академии наук от 4 июня 1793 г. Характерно, что в ЛО ААН за большую часть 1793 г. отсутствуют ведомости

Предположение о роли Глазунова подкрепляют и материалы семейной хроники Глазуновых, где упоминается о том, что Дашкова поручила Глазунову приобрести для нее рукописи Княжнина.

Е. Р. Дашкова покровительствовала Княжнину, следила за творчеством, по ее собственной характеристике, «одного из наших знаменитых драматических авторов», члена Российской Академии с начала ее основания. Она не могла не знать (хотя бы от находившихся при ней О. С. Козодавлева и Н. М. Чихачева) о бедственном положении, в каком оказался в последние годы жизни все более попадавший в опалу Княжнин. Покупка Дашковой в 1788 г. его «Собрания сочинений» была ничем иным, как стремлением поддержать нуждавшегося драматурга. Я. Б. Княжнин писал 20 октября 1788 г. О. С. Козодавлеву, посылая свои сочинения в Канцелярию Академии наук: «Ея сиятельство княгиня Екатерина Романовна изволила мне сделать милость и третьего дни обещала приказать купить у меня сто пятьдесят экземпляров моих сочинений по 2 рубли с полтиною за каждый экземпляр, и что б я их прислал в вашу канцелярию...».[23] Есть все основания считать, что приобретение рукописного наследия Княжнина было таким же актом «милости», желанием помочь семье драматурга со стороны Дашковой. Несомненно также, что Дашкову интересовало рукописное наследие Княжнина, особенно, если она еще не была знакома с его последними сочинениями. Публикуя произведения Княжнина, Дашкова преследовала сразу несколько целей, в том числе — сделать известными для русского читателя наиболее зрелые и острые произведения драматурга, в чем-то созвучные взглядам самой Дашковой, воздать должное памяти Княжнина. В какой-то мере, по-видимому, присутствовало и желание досадить Екатерине II и ее окружению последних лет, к части которого Екатерина «малая» относилась достаточно отрицательно.[24]

Нередко встречающееся утверждение о том, что Дашкова, получив рукописи, «немедленно» отдала их в печать,

---

и отчеты по «книжному магазину», хотя, как правило, материалы о поступлении книг из типографии и дальнейшем их использовании тщательно фиксировались.

[23] ЛО ААН. ф. 3, оп. 1, д. 369, л. 144.

[24] Следует отметить, как не соответствующую действительности и оскорбительную для Дашковой, приводимую К. Массоном причину публикации трагедии, увидевшем в поступке Дашковой лишь «желание заработать несколько рублей». — *Ch.-F.-Ph. Masson...* P. 133.

не соответствует действительности. По-видимому, она колебалась — прошло три месяца, прежде чем она решилась на публикацию «Вадима Новгородского», но предугадать в полной мере последствия разразившейся бури она не смогла. Дальнейшее развитие событий Великой французской революции — все более радикальные требования преобразования общества, выдвигавшиеся во Франции, потоки проливаемой крови, казнь Марии-Антуанетты в октябре 1793 года — усиливали опасения Екатерины II за свою жизнь и трон (не случайно одним из заданных ею вопросов Дашковой был — «уж не хотят ли и здесь затеять такие же ужасы, какие мы видим во Франции?»).[25] Все это усугубило восприятие трагедии, однозначно сопоставленной Екатериной II с «Путешествием из Петербурга в Москву» Радищева.

Публикация «Вадима Новгородского», фактически положившая конец блистательной деятельности Дашковой «во главе двух Академий», дополняет представления о ее общественной позиции и взглядах. Во всяком случае, она позволяет предположить, что собственное отношение Дашковой к событиям во Франции выходило за рамки того «благонамеренного ужаса», который, по замечанию Ю. М. Лотмана, «уже с 1790 г. официально считался в России единственно дозволенной реакцией».[26]

---

[25] Цит. по: Русский Архив. М., 1884. Т. 2. С. 270—271.

[26] Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1965. С. 29. (Труды по русской и славянской филологии; VIII).

Т. П. Воронова

К ВОПРОСУ О РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ В ПАРИЖЕ В 1790-х гг.

В 1858 г. в «Библиографических записках» появилась небольшая заметка М. А. Оболенского: «Русская типография в Париже в 1790-х годах».[1] Основанием для этого названия послужило публикуемое автором письмо П. П. Дубровского (1754—1816), секретаря-переводчика русского посольства во Франции, от 11/22 октября 1790 г. к кн. Г. А. Потемкину. П. П. Дубровский просит всесильного екатерининского вельможу «подать ему руку помощи» для завершения начатого дела по созданию в Париже «российских слов типографии», на которую он уже истратил «около двух тысяч рублей», но находится «только на половине дороги». Вряд ли Дубровский получил какой-либо ответ, или, как он пишет, «отзывку»: 5 октября 1790 г. Потемкин внезапно скончался в Яссах. Поставленный Оболенским вопрос, какая же судьба постигла заведенную Дубровским в Париже типографию, остался до сих пор нерешенным. В указанном письме Дубровский сообщал, что заведение русской типографии он задумал, прежде всего, для напечатания своих двух произведений, над которыми работал несколько лет: «Российский Плютарх, или Жизнь славных мужей России, с 9-го столетия до нынешних времен» и другого, содержащего описание его «путешествия в Испании, Португалии и полуденных провинциях Франции, с приложением разных видов, планов, изображением редких растений, животных, с описанием древних развалин, достопамятных медалей, рукописцев, картин и проч.». Однако никаких следов этих произведений не сохранилось: они не были

---

[1] *Оболенский М. А.* Русская типография в Париже в 1790-х годах // Библиографические записки. 1858. Кн. 5. С. 155—156.

напечатаны. Не сохранились также и рукописные тексты или какие-либо материалы к ним. Архив Дубровского, по его свидетельству[2] и свидетельству С. А. Колычева,[3] пропал во время революционных событий. Вместе с ним могли погибнуть и русские шрифты («поаньсоны и таблицы»), если предположить, что они существовали.

Следующее упоминание о русской типографии, якобы заведенной Дубровским в Париже, появилось в печати в 1920 г., спустя более чем 60 лет после публикации письма Дубровского Оболенским, а именно в предисловии В. М. Андерсена к указателю «Вольная русская печать в Российской Публичной библиотеке»: «...в разгар начала Великой французской революции, завел в Париже русскую типографию секретарь-переводчик русского посольства Петр Дубровский. Сначала он задумал было вполне «благонамеренное» издание «Русского Плютарха», на что, как явствует из одного его письма к Потемкину «около двух тысяч рублей издержал на резание поаньсонов и таблиц», но потом судьба свела его с юным «вольтерьянцем» Павлом Строгановым, проходившим в это время «курс якобинства» под руководством своего гувернера швейцарца Ромма и «красавицы парижских рынков» — Теруань-де-Мерикур. Дипломат из канцелярии Симолина воспламенился, и в революционном «Монитере» появилось сообщение, что «для просвещения северных варваров» будет переевдена на «язык гипербореев» и отпечатана „вольнолюбивая Декларация прав“».[4] Если первая часть цитаты базируется, бесспорно, на публикации Оболенского, то, к сожалению, вторая никак не подтверждается источниками. Сообщение в революционном «Мониторе» («Gazette Nationale ou

[2] В послужном списке, составленном Дубровским при поступлении на службу в Имп. библиотеку в 1805 г., он писал, что, спасая «секретные бумаги и шифры» при отъезде русского посольства из революционной Франции в Брюссель в мае 1792 г., оставил «все свое имение в Париже, коего... знатная часть была разграблена, остальное же и теперь там пропадает за невозможностью вывезти ее морем». — ГПБ. Архив. 1805, дело № 40, док. № 20.

[3] При оставлении в 1795 г. русской миссией Голландии Дубровский снова потерял часть своего имущества, о чем свидетельствует чрезвычайный и полномочный министр С. А. Колычев: «...возложено было мною на него Дубровского препоручение спасти архив, кой, несмотря на опасности, когда уже французские войска со всех сторон запирали путь, вывез архив во всей целости в Гамбург, и должен был немало в таком пути пожертвовать своим иждивением и для спасения той архивы пренебречь собственные свои вещи.» — Архив ЛОИИ, картон 238, оп. 2, 251/2, л. 1 об.

[4] Вольная русская печать в Российской Публичной библиотеке / Под ред. В. М. Андерсена. Петербург, 1920. С. VIII.

Moniteur Universel»), на которое ссылается Андерсен (кстати, без указания года и числа), вряд ли исходило от Дубровского: он не мог считать, что „декларация переводится с целью «просвещения северных варваров».

К версии о русской типографии в Париже вернулся в 1949 г., а затем в 1952 г., известный исследователь-литературовед В. Н. Орлов в книге «Радищев и русская литература». Называя имя Дубровского среди «русских вольнодумцев к. XVIII века», «бескорыстных просветителей, пламенных поборников идей равенства и свободы», он писал: Дубровский «хотел, между прочим, напечатать пеервод „Декларации прав человека и гражданина“». При этом дается ссылка на приведенную выше цитату из предисловия Андерсена.[5]

В 1960 г. в статье «Из истории русских рукописных собраний» М. П. Алексеев, характеризуя собирательскую деятельность Дубровского, вновь обратился к версии о намерении коллекционера опубликовать «Декларацию», ссылаясь на ту же страницу из предисловия Андерсена.[6] Тем не менее, эта гипотеза ничем не подкрепляется, скорее наоборот. Перевод «Декларации прав человека и гражданина» на русский язык в 1789 г. был осуществлен и опубликован 14 и 18 сентября этого года в «Санктпетербургских ведомостях»,[7] то есть спустя менее трех недель после ее принятия Учредительным Собранием Франции 26 августа. Вопрос о том, кому принадлежал этот перевод, по-видимому, не поднимался в научной литературе. Не был ли его автором французский консул в Кронштадте Жан-Батист Лессепс? Это предположение имеет под собою некоторое основание, ибо в Архиве внешних сношений Франции сохранилась рукопись перевода Лессепса. На титульном листе этого перевода, воспроизведенного в каталоге выставки, посвященной русско-французским культурным связям в 18 столетии, недавно экспонированной в Эрмитаже, указано, что он сделан «Лессепсом-сыном, генеральным консулом Французской республики в России».[8] Республика во Франции была провозглашена

---

[5] *Орлов В. Н.* Радищев и русская литература. Л., 1952. С. 55.

[6] *Алексеев М. П.* Из истории русских рукописных собраний // Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков / Под ред. акад. М. П. Алексеева. М.; Л., 1960. С. 39. См. также о П. П. Дубровском статью *Т. П. Вороновой:* П. П. Дубровский — первый хранитель «Депо манускриптов» Публичной библиотеки // АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 123—130.

[7] С.-Петербургские ведомости. Часть V. 1789. № 74, 14 сент. С. 1168—1169; № 75, 18 сент. С. 1181—1183.

[8] См. описание № 188 в каталоге: Россия—Франция. Век Просвещения: Каталог выставки. Л., 1987. С. 77—78.

21 сентября 1792 г. Встает вопрос, зачем Лессепсу понадобилось по прошествии трех лет переводить «Декларацию», тем более уже переведенную ранее? Но, может быть, титульный лист написан позднее?

В связи с этим необходимо сказать несколько слов об авторе перевода. Жан-Батист Лессепс (1766—1834) происходил из семьи потомственных дипломатов. Его отец — Мартин Лессепс — с 1774 по август 1787 г. был генеральным консулом в Петербурге. Свою дипломатическую карьеру Лессепс-сын начал рано, в 17 лет (с 1783 г.) он — французский вице-консул в Кронштадте. В 1784 г. по поручению графа Сегюра, французского посла в России, Лессепс привез депеши в Версаль в момент подготовки экспедиции Лаперуза. Прекрасное знание молодым человеком русского языка побудило Людовика XVI назначить его переводчиком в экспедицию. 26 месяцев он плавал вместе с экспедицией. Затем Лаперуз отправил его из Петропавловска на Камчатке с депешами обратно во Францию. 17 октября 1787 г. Лессепс прибыл в Париж, проделав сухопутный путь через всю Азию и Европу. Его записки об этом уникальном путешествии были опубликованы в 1790 г.[9] Любопытно отметить, что первый их перевод на русский язык был осуществлен А. Н. Радищевым.[10] Нам, к сожалению, не известно точно, когда Лессепс из Франции вернулся в Россию в качестве уже не вице-консула, а консула Кронштадта, — в 1788 или в 1789 г. Генеральным консулом Петербурга он был назначен 7 января 1793 г. и пробыл им до 1794 года.[11] Чтобы решить вопрос, не его ли перевод «Декларации» был напечатан в «С.-Петербургских ведомостях», необходимо текстуальное сравнение, что в настоящее время мы не в состоянии осуществить.

Что касается «заведения» Дубровским русской типографии, то, кроме вышеприводимой цитаты из его письма к Потемкину, никаких подтверждающих свидетельств этому факту в литературе не сохранилось. Известно другое. В 1790 г. была издана «Диссертация» Рива, посвященная принадлежащей П. П. Дубровскому рукописи начала XIV века с поэтическими сочинениями Готье де Куэнси. Об этой «Дис-

---

[9] Journal historique du voyage de M. de Lesseps, consul de France, employé dans l'expédition de M. le comte de la Pérouse, en qualité d'interprète du Roi. Part. 1—2. Paris, 1790.

[10] Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири / Пер. с фр. (А. Н. Радищева). Ч. 1—3. М., 1801—1802.

[11] *Lesseps Ferdinand de*. Jean-Baptiste de Lesseps // Voyage de M. de Lesseps du Kamtschatka en France. Paris, 1881. P. V—XX.

сертации» впервые упомянул известный петербургский ученый Ф. П. Аделунг в обзорной статье о коллекции Дубровского, основываясь на полученных от коллекционера сведениях.[12] Сам Дубровский в сдаточной описи коллекции, представленной главному директору императорских библиотек графу А. С. Строганову в декабре 1804 г., перед передачей ее в Публичную библиотеку, также неоднократно ссылается на аббата Рива.[13]

М. П. Алексеев в упомянутой статье, исследуя вопрос о знакомстве Дубровского с аббатом Жан-Жозефом Ривом (1730—1791), книговедом и библиофилом, ставшим одним из активных участников революции, писал, что его поиски этой «Диссертации» в библиотеках Советского Союза, Парижа и Лондона не дали положительных результатов, что и в библиографии эта книга также неизвестна.[14] Однако один экземпляр «Диссертации» из коллекции П. П. Дубровского все же удалось обнаружить в фонде Отдела редкой книги Публичной библиотеки. Это брощюра на 13 страницах с владельческой записью на титульном листе: «Ex Musaeo Petri Dubrowsky», в переплете, характерном для многих рукописей коллекционера.[15] Из текста сочинения неопровержимо следует, что автор пользовался именно кодексом Дубровского, ибо он совершенно точно описывает его современный переплет: „Le Volume est relié dépuis peu en velours violet-d'Evêque, doublé de maroquin vert, orné de dentelles d'or: le premier feuillet blanc, ainsi que le dernier, sont doublés de drap d'or».[16] На титуле «Диссертации» нет ни имени Рива, ни места издания. На обороте помещено уведомление («Avis»), что брошюра издана всего в 50 экземплярах, из которых 49 — на веленевой бумаге, а один — на пергамене. Именно этот экземпляр принадлежал Дубровскому! Все цитаты из рукописи напечатаны золотом. Не объясняется ли

---

[12] *Adelung F.* Nachricht von der Dubrowskijschen Manuskripten-Sammlung in St. Petersburg // Russland unter Alexander dem Ersten. St. Petersburg und Leipzig, 1805. Bd. VI. S. 272.

[13] ГПБ. ОР. Фр. F. XVIII. 41, л. 7 об. и 11. См. также: *Воронова Т. П.* Первые описи собрания П. П. Дубровского // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюзной конференции / Под ред. М. В. Кукушкиной и С. О. Шмидта. Л., 1981. С. 167—172.

[14] *Алексеев М. П.* Из истории... С. 48—49.

[15] ГПБ. Шифр: РМ $\frac{\text{18 Фр}}{\text{Д—63}}$; Dissertation sur le manuscript intitulé Oeuvres poetiques de l'Abbé Gautier de Coinsi, prieur de Vis-sur-Aisne. [Paris], 1790. 13 p.

[16] Ibid. P. 13.

отсутствие сочинения Рива в библиографии, а также в библиотеках Парижа и Лондона тем, что оно было издано на средства Дубровского анонимно и весь тираж принадлежал ему?[17] Можно понять, почему Дубровский не хотел ставить на титуле книги одиозное для русского правительства имя революционера-аббата. Встает вопрос, где мог напечатать Дубровский «Диссертацию» Рива? Не был ли издателем «знаменитый Дидо», которому он предоставлял одну из своих рукописей, написанную замечательным каллиграфом Никола Жарри, для улучшения печатного шрифта, о чем упомянуто в описях его собрания.[18] Не на это ли издание было «издержано... около двух тысяч рублей», о которых он писал Потемкину? Может быть не случайно, что и издание «Диссертации» Рива и письмо Дубровского датируются одним годом — 1790! В то же время, по-видимому, Дубровский имел свой латинский шрифт, подтверждением чему может служить следующий факт. Среди французских рукописей собрания П. П. Дубровского хранится двухтомный молитвенник, который он приобрел в Гамбурге от духовника французской королевской семьи — аббата Мари. Перед началом текста 1-го тома вплетено 4 листа: 2 рукописных и 2 печатных. Рукописные листы содержат пространную аннотацию коллекционера по истории кодекса, принадлежавшего сестре Людовика XVI — Мадам Елизавете (1764—1794). Эта аннотация заканчивается так: «L'Abbé Marie écrivit son Epitaphe (т. е., Елизаветы. — Т. В.), cy-jointe, que j'ai imprimée de ma main à Hambourg».[19] Действительно, на следующих двух листах напечатана эпитафия, сочиненная аббатом Мари. На ее титульном листе указаны название и выходные данные.[20]

Нам известно и другое гамбургское издание, в котором Дубровский принимал деятельное участие как один из издателей. Оно связано с литературным конкурсом на лучшую оду, посвященную Екатерине II. Результаты этого конкурса

---

[17] В одной из трех описей личной библиотеки Дубровского числилось 5 экземпляров «Диссертации» Рива. — ГПБ. ОР, Фр. F. XVIII. 21, л. 7 об., № 40.

[18] „Le celebre Didot a gravé ses poinçons d'après le manuscrit que je lui a prêté dans le tems". — ГПБ. ОР, Фр. F. XVIII. 42, л. 3, № 55; „Ce manuscrit a servi à Didot pour perféctionner ses caractères d'imprimerie". — ГПБ. ОР, Фр. F. XVIII. 41, л. 7 об.

[19] ГПБ. ОР, Фр. Q. 46/1, л. 2.

[20] Invocation à Madame Elizabeth soeur de Louis XVI roi de France. Hamburg, 1794. 4 p.

были опубликованы в 1798 г.[21] В экземпляре публикации, хранящемся в отделе «Россика» Публичной библиотеки, на обороте переплета имеется карандашная помета неустановленного лица: «Tiré à 30 exemplaires. Hambourg. Rédigé par Dubrowsky». Но помимо этого анонимного указания есть неопровержимое доказательство деятельного участия Дубровского в издании: сохранились письма к нему, адресованные авторами од, представленных на конкурс, подписные листы с автографами лиц, жертвующими средства на это предприятие, черновики писем самого Дубровского к Платону Зубову, А. Г. Орлову, имп. Павлу I и т. д. (более 100 документов).[22] Все эти материалы заслуживают отдельного раскрытия и изучения. Но для нашей темы важно одно: шрифт, употребленный Дубровским (особенно в пагинации страниц), идентичен напечатанной им собственноручно эпитафии аббата Мари. Не говорит ли это о том, что у Дубровского был латинский шрифт? Не типография, а именно отдельные «поаньсоны», упомянутые в письме к Помтекину.

Вопрос о русской типографии в Париже в 1790-х гг. кажется нам закрытым: ее не было.

---

[21] Monument littéraire consacré aux manes de l'auguste Catherine II. Imperatrice de toutes les Russies. S. l., 1798. 80 p.

[22] ГПБ. ОР, Собр. П. П. Дубровского. Авт. № 147. 335 л. О литературном конкурсе 1797 г. в Гамбурге см. также заметку *А. Ф. Бычкова* в «Известиях Имп. Русского Археологического общества» (1884. Т. 10, вып. 1. С. 85—87).

М. Ш. Файнштейн

РОМАН Ж. ЛАВАЛЛЕ «НЕГР, ИЛИ ЧЕРНОЙ, КАКИХ МАЛО БЫВАЕТ БЕЛЫХ» И ЕГО СУДЬБА В РОССИИ

Парижские события 14 июля 1789 г. приковали к себе внимание Старого и Нового Света. Их обсуждали, им радовались или возмущались. В столице Франции, тогда кипевшей страстями, мало кто обратил внимание на вышедший в свет роман Ж. Лавалле «Негр, или Черной, каких мало бывает белых». За сентиментальными строками этого произведения скрывались серьезные проблемы: право одних людей владеть другими, взаимоотношения людей с разным цветом кожи. В те дни французы мало интересовались отношениями с жителями своих американских колоний. Однако пройдет всего два года и далекий остров Сан-Доминго прикует к себе всеобщее внимание. В 1791 г. здесь начались события, не уступавшие по накалу страстей происходящему в столице метрополии. Восстали мулаты, затем негры-рабы. И если вначале эти выступления были подавлены, то впоследствии темнокожих невольников объединил и возглавил бывший раб Ф.-Д. Туссен-Лувертюр. Они добились успехов, изгнав с острова рабовладельцев-плантаторов. Упорная борьба темнокожих островитян с метрополией завершилась в январе 1804 г. провозглашением независимости острова. Таким образом мелодраматическая история невольника-африканца получила глубокое социальное звучание и некоторым образом подготовила общественное мнение к одному из важных законодательств революции — отмене якобинским конвентом в феврале 1794 г. рабства.

Автор книги Жозеф Лавалле (1747—1816) ко времени выхода в свет своего романа не был новичком в литературе. Будучи молодым офицером Бретонского полка, он уже тогда

увлекался поэзией, искусством, печатался в журналах и альманахах. В период Великой французской революции Лавалле — автор патриотических воззваний и пьес, интересного описания «Путешествие по департаментам Франции» (1792—1794). В период власти Наполеона I стал одним из видных чиновников его администрации. После «ста дней» уехал в Лондон, где и умер.

«Негритянский» сюжет Лавалле — явление не единичное в тогдашней французской литературе. В той или иной степени тема темнокожего невольника встречалась в таких произведениях, как «Кандид» М.-Ф. Вольтера, «Зимео» Ж.-Ф. Сен-Ламбера, «Мирза» М.-Ж. де Сталь, романах Л.-С. Мерсье. Для этих сочинений типично стремление подчеркнуть в рабе ценность человеческой личности, акцентировать, что по своим душевным качествам негр отнюдь не уступает европейцу. Негр-раб изображался всегда в положительных тонах. Перед читателем обычно представал один из идеалов Ж.-Ж. Руссо — «бесхитростное дитя природы», — противопоставленный извращенным цивилизацией белым.[1]

Таков и главный герой Лавалле — молодой невольник Итаноко. Детство и юность его прошли в Сенегале. Итаноко — сын вождя. Храбрый и благородный юноша любит молодую красавицу Амелию. Отец девушки Бюмон, когда-то потерпевший кораблекрушение и оставшийся жить среди сенегальцев, старается познакомить их с основами христианской религии. Особенно часто можно видеть с ним Итаноко. Юноша с удивлением и интересом слушает рассказы о далекой Франции, ее городах, великолепных соборах, блестящих вельможах. Так проходили дни и месяцы его жизни, и, казалось, никаких изменений в судьбе молодого человека не могло произойти. Но вот однажды во время стычки с воинами враждебного племени Итаноко спасает капитана французского корабля Дюрбана. В благодарность он приглашает сенегальца на свой корабль. Капитан восхищен силой и ловкостью юноши и решает обманом захватить Итаноко. Матросы подпоили африканца, и когда тот очнулся, то был уже в цепях. Корабль на всех парусах шел к берегам Нового Света. Так Итаноко попал на остров Сан-Доминго. Дюрбан оставил юношу у себя дома. Здесь молодой невольник подружился с сыном капитана Жернасом. Итаноко посвящен в его тайну — Жернас любит бедную девушку Гонорину. Но Дюр-

[1] *Мешкова И. В.* Две редакции романа Виктора Гюго «Бюг-Жаргаль» // Вопросы французской литературы и преподавания языка. Саратов, 1971. С. 60.

бан против брака, считая, что его сын достоин лучшей партии. Поэтому он отсылает Жернаса во Францию. А вскоре и спаситель капитана — Итаноко был продан некоему отъезжающему на континент французу. Так темнокожий невольник попадает во Францию и знакомится с ее блеском и нищетой. Здесь он вновь встретится с Жернасом, поможет ему обрести Гонорину, а сын капитана Дюрбана, в свою очередь, поможет Итаноко получить свободу и найти его возлюбленную Амелию.

Перед нами типичное произведение, испытавшее прямое влияние идей Руссо. Этот сюжет позволяет также сделать вывод, что Лавалле был членом одного из филантропических обществ, обсуждавших особенно варварское отношение белых плантаторов к своим невольникам и первым предложившим удобную социальную формулу: белый — «не господин, но отец!» для своих рабов. И все же Лавалле идет дальше многих филантропов. Он прямо предупреждает плантаторов, что дурное отношение к своим невольникам может вызвать ответные действия со стороны рабов, что и подтвердилось через несколько лет. Общая направленность книги — протест против рабства. Уже предисловие ориентирует читателя на это, взывает к его гуманности. Изложенная в трех томах страшная картина истории рабства в Америке ставит под сомнение его как социальное явление вообще, призывает обратить внимание на эту открытую язву человечества: «...Самое громкое, знаменитое и, без сомнения, важное дело, какое только можно производить в суде человечества... есть дело негров...».[2] Доведенные до крайности невольники проклинают европейцев. «...Почему звук молота, исковавшего первое звено тягостной для негров цепи, раздавался так глухо, что никто его не слыхал... Когда зло, причиняемое неграм, доведено до такой степени, что мы принуждены войти в жалкое их состояние и с точностью разобрать все обстоятельства, в коих они находятся, то не величайшее ли будет благодеяние разорвать оковы невинности (невольников. — М. Ф.)...»,[3] — взывал Лавалле. Только постоянным напоминанием о трагедии темнокожих невольников можно «возбудить» общество. В те годы писатель был одним из немногих, кто сумел постичь всю суть величайшей трагедии, сопутствовавшей открытию Америки европейцами: не только уничтожение индейцев и их богатейшего культурного наследия, но и ввоз на континент негров-рабов.

---

[2] Негр, или Черной, каких мало бывает белых. М., 1797. С. 1.
[3] Там же. С. IX—X.

Лавалле подчеркивал, что основная задача романа — убедить французов, что негр также «добродетелен», как и белый. Не случаен и эпиграф к книге — «Скифы, поелику скифы, перестают ли быть людьми?». Так страницы мелодраматической истории доносят до нас голос автора, возмущенного социальными и рассовыми предрассудками. Где же вы, просвещенные и известные своей утонченной галантностью французы, когда перед вами предстает невольник, восклицал Лавалле. В этом случае «самый приятный француз делается подобным тигру», и даже белые женщины «простирают хладные взоры на окрававленные ребра арапа — таковы суть вообще американские французы, таковы суть любимые их половины».[4] Но самым сильным обвинением рабовладельцев являются, без сомнения, примечания, которыми автор снабдил каждый том. Они знакомили читателя с леденящими кровь описаниями наказаний, которым подвергали плантаторы своих невольников. Некоторые из рабов, не в силах вынести издевательств, кончали жизнь самоубийством. Но может ли так долго продолжаться? И Лавалле, обращаясь к Вольтеру, предупреждает своих соотечественников: «Неправда и угнетение производят, наконец, независимость».[5] Читая страстные строки романа, направленные против рабовладельческих порядков в колониях, невольно угадываешь их идейную зависимость от популярного в те годы исследования Г.-Т. Рейналя «Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях» (1770). Лавалле придал некоторые черты великого мыслителя одному из героев романа — проповеднику Брюно.

В России были знакомы с литературной деятельностью Лавалле. В 1790 г. в Петербурге вышла в свет его «Сесилия, дочь Ахмета Третьего, императора турецкого», а в Москве — «Главная исповедь 1785 года». В 1797 г. типографии при Московском университете напечатали «Негра». Роман перевел Яков Ильич Грешищев (1749—1822), выпускник Московской духовной академии, эконом университета, активный участник литературного кружка М. М. Хераскова. Вероятно, круг интересов херасковского кружка, своеобразие эстетических взглядов, вера в то, что в результате нравственного усовершенствования каждой личности можно достигнуть блага на земле, способствовали выбору Грешищевым этой книги. Переводчика-разночинца могла привлечь книга, идеи которой могли полностью отвечать антикрепостническим

[4] Там же. Ч. 1. С. 188—189.
[5] Там же. Ч. 2. С. 356.

взглядам некоторой части либеральной дворянской и разночинной интеллигенции. Действительно, некоторые страницы романа были прямо созвучны тогдашней российской действительности. Разве поступок французской колонистки, пытавшей огнем за незначительный проступок свою темнокожую служанку, не напоминал изуверства московской помещицы Д. Салтыковой (Салтычихи)? Необходимо также подчеркнуть, что роман Лавалле смог выйти в свет лишь в первый год царствования Павла I, решившего начать свое правление с «добрых дел». Впоследствии об издании подобных книг не могло быть и речи.

Издание 1797 г. — не единственное опубликованное в России. В 1820 г. в Орле вышло второе издание романа Лавалле, однако без «крамольных» примечаний. И этому изданию сопутствовал уже иной эпиграф — «Смельчак Америку открыл, пути ко счастью не открыл». Так история темнокожего невольника с острова Сан-Доминго, вышедшая в славный год революции 1789 г., нашла своего благодарного читателя в России.

С. Я. Карп

«РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ» ЭДМУНДА БЁРКА
(Русские отклики 90-х гг. XVIII в.)

Принадлежность к эпохе Просвещения определяла развитие русской общественной мысли конца XVIII в. Уступая ведущим державам Европы в темпах прогресса, Россия с интересом присматривалась к их успехам. Англия и Франция уже пожинали плоды Просвещения: в Англии разворачивался промышленный переворот, во Франции — социальная революция. Знакомясь с опытом этих стран, русские умы соотносили с ними собственные возможности и потребности, искали свой масштаб перемен. Российское осмысление английской политической литературы в годы Французской революции заслуживает особого внимания. Именно в Англии появился памфлет, а по сути дела — трактат, наиболее страстно и систематически осудивший французскую практику применения высоких идеалов Просвещения.

Речь идет о знаменитой работе Эдмунда Бёрка «Размышления о революции во Франции»,[1] вышедший в ноябре 1790 г. Э. Бёрк (1729—1797) — крупный английский философ, блестящий оратор, один из лидеров парламентской оппозиции (вместе с Ч. Дж. Фоксом) правительству тори. Э. Бёрк последовательно выступал в защиту конституционных норм от посягательств правящей партии и короны, за эмансипацию ирландских католиков, освобождение британских колоний в Америке, осуждал злоупотребления Ост-Индской компании. Не занимая важных административных постов, Бёрк

---

[1] *Burke E.* Reflections on the revolution in France, and on the proceedings in certain societies in London relative to that event. In a letter intended to have been sent to a gentleman in Paris. London, 1790.

пользовался серьезным влиянием в стране благодаря талантливой публицистической деятельности, вершиной которой стал его памфлет против Французской революции.[2]

К середине ноября 1790 г. тираж «Размышлений» достиг 13 000, а к концу 1790 г. — 17 500 экземпляров, цифры по тому времени колоссальной.[3] До конца XVIII в. книга Бёрка вышла кроме Лондона в Дублине, Амстердаме, Париже, Страсбурге, Лионе, Дижоне, Риме, Кельне, Берлине, Вене, Венеции, Калькутте, Нью-Йорке, Филадельфии.[4] Переведенный на основные европейские языки памфлет быстро распространялся в Старом и Новом свете.

В России «Размышления» Бёрка так никогда и не были изданы.[5] Более того, серьезные авторы, затрагивающие в своих исследованиях различные аспекты русско-английских политических и культурных связей конца XVIII в. (В. Н. Александренко, А. М. Станиславская, М. Андерсон, А. В. Западов, Ю. Д. Левин, Д. Гриффитс, Э. Кросс, М. П. Алексеев)[6]

---

[2] Работы об Э. Бёрке — авторе «Размышлений» исчисляются сотнями наименований. См. новейшее исследование: *Lock F. P.* Burke's reflections on the revolution in France. London, 1985. В нем собрана подробнейшая библиография книг и статей о Бёрке. Советская историческая наука посвятила Бёрку две кандидатские диссертации: *Волкова Г. С.* Социально-политические взгляды Э. Бёрка. М., 1973; *Лебедев Ю. Б.* Э. Бёрк и Великая французская революция. Л., 1983.

[3] *Lock F. P.* Ibid. P. 132.

[4] *Todd W. B.* A bibliography of Edmund Burke. London, 1964.

[5] Попытка перевести и опубликовать «Размышления» в России предпринималась (возможно, не одна). См.: *Турцевич И. Г.* Борк и Бокль. Об одном замечательном произведении политической литературы XVIII века. Нежин, 1912. С. 42: «Из „Размышлений" Борка у меня кое-что уже переведено, и я предполагаю дать перевод их — для начала хоть с сокращениями».

[6] *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Варшава, 1897. Т. 2; *Станиславская А. М.* Англо-русские отношения в конце XVIII в. // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. М., 1957. № 12. С. 104—120; *Anderson M. S.* Britain's discovery of Russia. 1553—1815. London, 1958; *Западов А. В.* Английские авторы в изданиях Н. И. Новикова // Русско-европейские литературные связи: Сб. статей к 70-летию со дня рождения М. П. Алексеева. М.; Л., 1966. С. 74—83; *Левин Ю. Д.* Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века // Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 3—109; *Griffits D. M.* Catherine II, George III and the Britisch opposition // Great Britain and Russia in the Eighteenth Centure: Contacts and Comparisons: Proc. of an intern. conf. held at the Univ. of East Anglia, Norwich, England, 11—15 July 1977 ? Ed. by A. G. Cross. Newtonville, Mass., 1979. P. 306—320; *Cross A. G.* „By the banks of the Thames". Russians in the Eighteenth century Britain. Newtonville, Mass., 1980; *Алексеев М. П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982.

не рассматривают российскую судьбу наследия Бёрка.[7] Как бы то ни было, сюжеты «Бёрк в Германии», «Бёрк и Ирландия», «Бёрк в Польше» уже возникали в историографии.[8] Тем очевиднее необходимость приступить к заполнению явной лакуны.[9]

Первой и единственной работой Э. Бёрка, вышедшей на территории Российской империи, стал трактат «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного», изданный рижским книгоиздателем и книготорговцем И. Ф. Гарткнохом в 1773 г.[10] Это сочинение вышло в переводе Х. Гарве на немецкий язык. К публикации Бёрка в Риге имели отношение И. Г. Гердер и Г. Э. Лессинг. Гердер состоял в переписке с Гарткнохом, сообщал ему пожелания Лессинга: оба великих просветителя намеревались переводить и комментировать «Философское исследование»[11]

Бёрк был известен в России и как выдающийся оратор. А. Н. Радищев упоминает о нем в «Слове о Ломоносове» — заключительной главе «Путешествия из Петербурга в Москву»: «Человек, рожденный с нежными чувствами, одаренный сильным воображением, побуждаемый любочестием, исторгается из среды народныя. Восходит на лобное место. Все взоры на него стремятся, все ожидают с нетерпением его произречения. Его же ожидает плескание рук или посмеяние, горшее самыя смерти. Как можно быть ему посредственным? Таков был Демосфен, таков был Цицерон, таков был Пит; таковы ныне Бурк, Фокс, Мирабо и другие. Правила их речи почерпаемы в обстоятельствах, сладость изречения — в их чувствах; сила доводов — в их остроумии».[12]

---

[7] Вопрос восприятия бёрковского наследия в России затронут в статье: *Алексеев М. П.* Эпиграф из Э. Бёрка в «Евгении Онегине» // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 560—571.

[8] *Braune F.* Edmund Burke in Deutschland. Heidelberg, 1917; *Mahoney Th. H. D.* Edmund Burke and Ireland. Cambridge, Mass., 1960; *Libiszowska Z.* Edmund Burke a Polska // Kwart. hist. 1970. № 1. S. 63—76.

[9] Автор пользуется случаем выразить признательность коллегам и друзьям — С. Н. Искюлю, И. Н. Кузнецову, В. А. Сомову, А. В. Чудинову, чьи указания, справки и советы помогли ему при собирании материала.

[10] Burkes philosophisches Untersuchungen über den Ursprung unsrer Begriffe vom Erhabnen und Schönen. Nach der fünften englischen Ausgabe. Riga: bey Johann Friedrich Hartknoch, 1773. Имеется также одна современная публикация: *Бёрк Э.* Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. М., 1979. В это издание (ред., вступ. статья, коммент. Б. В. Мееровского, пер. Е. С. Лагутина) вошли также отрывки из «Записной книжки» Э. Бёрка.

[11] *Гайм Р.* Гердер, его жизнь и сочинения. М., 1888. Т. 1. С. 411.

[12] *Радищев А. Н.* Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952. С. 209. Тираж «Путешествия» был отпечатан

REFLEXIONS

SUR

LA REVOLUTION DE FRANCE,

ET SUR

LES PROCÉDÉS DE CERTAINES SOCIÉTÉS

A LONDRES,

RELATIFS A CET ÉVÉNEMENT.

En forme d'une lettre, qui avoit dû être envoyée d'abord à un jeune homme, à Paris.

Par le Right honourable EDMUND-BURKE.

Traduit de l'anglais, ſur la troiſieme édition, en 364 p.

SECONDE EDITION,

Revue, corrigée & augmentée, d'une table des matieres.

Prix, 4 liv. 16 ſous.

Se trouve à PARIS,

Chez LAURENT fils, Libraire, rue de la Harpe, vis-à-vis la rue Serpente.

Et à LONDRES;

Chez EDWARD, Pall-Mall, nº. 102.

Репутация Бёрка как одного из самых значительных государственных деятелей современности была прочной и общепризнанной. Так, в 1783 г. в Берлине появилась книга К. Ф. Морица (1757—1793) «Путешествия одного немца в Англии в 1782 году».[13] В 1795 г. это сочинение популярного немецкого писателя периода «бури и натиска» вышло в русском анонимном переводе в Москве под названием «Картина нынешнего естественного и политического состояния Англии».[14] Автор «Картины» в разделе «Парламент» после характеристики Ч. Дж. Фокса замечает: «Бурке, рослый человек, собою тонок и кажется уже в летах».[15] Более выразительна сцена речи Бёрка: «...встал Бурке и говорил в весьма хороших выражениях в похвалу умершего маркиза Рокингама.[16] Но видя, что многие его не слушали, и вокруг его шумели и роптали, то сказал он с великим негодованием и с чувством оскорбленного достоинства: это не есть хороший поступок для столь почтенного члена Парламента, каков я; я хочу, чтобы меня слушали! После чего последовало тотчас всеобщее молчание».[17]

Уподобление Бёрка Демосфену и Цицерону также было достаточно распространенным и приходило на ум не только А. Н. Радищеву. Например, С. Р. Воронцов писал в октябре 1817 г. из Лондона Ф. В. Ростопчину, что надеется встретиться с ним в Париже и услышать речи выдающихся французских ораторов — «Цицеронов, Демосфенов, Бёрков и Питтов великой нации».[18]

Выступление «британского Демосфена» против Французской революции не могло остаться без внимания в России. «Санктпетербургские ведомости» в конце ноября 1790 г. поместили сообщения из Лондона от 29 октября. Среди прочих новостей — сведения о предстоящем выходе «Размышлений»: «Известный г. Калон[19] издал описание настоящего и буду-

---

в конце мая — начале июня 1790 г., т. е. до первой публикации «Размышлений» Бёрка.

[13] Reisen eines Deutschen in England im Jahre 1782. In Briefen an Herrn Oberkonsistorialrath Gedike. Von Carl Philip Moriz. Berlin, 1783.

[14] Картина нынешнего естественного и политического состояния Англии. Перевод с немецкого М. М. М., 1795.

[15] Там же. С. 74.

[16] Ч. Рокингем (1730—1782) — видный британский государственный деятель. В 1765—1766 гг. Бёрк служил у него секретарем.

[17] Картина... С. 348—349.

[18] Архив князя Воронцова. М., 1876. Т. 8. С. 533.

[19] Ш. А. Калонн (1734—1802) — бывший генеральный контролер финансов, инициатор собрания нотаблей; в 1787 г. эмигрировал в Англию.

щего состояния Франции...[20] Он представляет последовавшую в Отечестве его перемену в весьма ненавистном виде. Другого подобного сему сочинения ожидаем мы на будущей неделе от г. Бурка».[21] Спустя несколько дней та же газета со ссылкой на известия из Лондона от 5 ноября уведомила читателей: «Сочинение г. Бурка о последовавшей во Франции перемене вступило уже в продажу. Некоторые думают, что он вскоре удалится от общества противников Министерства совершенно».[22] Таким образом, «Санктепербургские ведомости» подчеркнули особую враждебность Бёрка Французской революции и связанную с этим возможность раскола вигской оппозиции.

В ноябре 1790 г. прекрасно информированный «Политический журнал»[23] сообщил о выходе сочинения Бёрка, «понагревшего голову начальникам переворота» во Франции и показавшего «недостатки нынешнего народного французского правительства совершенно методически».[24]

Примерно через 6 месяцев «Санктпетербургские ведомости» публикуют небольшое рекламное объявление: «У Клостермана вступила в продажу следующая новая книга: „Reflexions sur la Révolution de France et sur les Procédés de certains sociétés à Londres relatifs à cet événement par Edmund Bourke, traduit de l'Anglais, grand vol.: in 8. broché 536 pages à 3 roubl".[25]

Г. Клостерман, содержавший магазин на Невском проспекте в доме под № 69, был одним из самых крупных столичных продавцов иностранной книги. Дружеские отношения связывали его с упоминавшимся выше рижским книготорговцем И. Ф. Гарткнохом — издателем «Философского исследования о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного».

М. М. Штранге полагает, что по каналу «Гарткнох—Клостерман» в Россию могли поступать книги и журналы о ре-

---

[20] Речь идет о работе: *Calonn Ch. A.* De l'état de la France présent et à venir. Londres, 1790.

[21] Санктпетербургские ведомости. 22 ноября 1790. № 94. С. 1522.

[22] Санктпетербургские ведомости. 29 ноября 1790. № 96. С. 1557.

[23] Политический журнал с показанием ученых и других вещей, издаваемый в Гамбурге Обществом ученых мужей. Пер. с немецкого. Изд. П. А. Сохацким при Московском университе. М., 1790—1796.

[24] Политический журнал. Ноябрь 1790. Ч. II. С. 1886—1887.

[25] Санктпетербургские ведомости. 23 мая 1791. № 41. С. 759. В каталоге книг, продававшихся у Клостермана в 1794 г., значится парижское издание (1791 г.) книги Бёрка. См.: Catalogue des livres françois, latins, italiens et anglois qui vendent chez Germain Klostermann. St. Petersbourg, 1794. P. 133.

волюции, приносившие партнерам немалую выручку.[26]

Памфлет Бёрка циркулировал по стране на английском, немецком языках, но прежде всего — во французском переводе П. Дюпона. В библиотеках СССР имеются отдельные экземпляры, порой с читательскими пометами, оказавшиеся некогда в Императорской Эрмитажной иностранной библиотеке (ГПБ), собраниях Голициных (ИМЛ, ГПБ), Воронцовых (Библиотека Одесского университета), Шереметевых (ИНИОН) и других местах. Изучение этих помет с учетом особенностей перевода может дать ценный материал о восприятии Бёрка и заслуживает специального исследования.

Существуют свидетельства реакции «августейших» читательниц на «Размышления» Бёрка. У. Фокнер — чрезвычайный и полномочный посол Великобритании, прибывший в Россию со специальной миссией в связи с русско-турецкими переговорами 1791 г., по возвращении на родину писал Бёрку 5 октября того же года: «Императрица неоднократно отзывалась при мне с величайшим восхищением о Вашей работе, посвященной Французской революции; великая княгиня,[27] прощаясь со мной, особо поручила передать Вам, что ей еще не доводилось встречать книги (а она прочла их множество и с изрядным успехом), в которой она почерпнула бы столько удовольствия и наставления, как в Вашей».[28] За четыре месяца до этого письма, еще находясь в Петербурге, У. Фокнер сообщал министру иностранных дел лорду Гренвилю, что, беседуя с ним, императрица «выразила самое восторженное восхищение последней книгой г. Бёрка, а также глубочайшее отвращение к Французской революции... По ее словам, представляется невероятным, чтобы в Англии могли сыскаться защитники Французской революции. С безграничным удивлением она отозвалась о том, что один из них — г. Фокс».[29] С. Р. Воронцов также передал похвалы Екатерины II Бёрку.[30]

Разумеется, контрреволюционный дух памфлета соответствовал политическим принципам империи. Так, еще накануне выхода «Размышлений» С. Р. Воронцов доносил вице-канцлеру И. А. Остерману: «Разврат французских дел сделал весьма осторожными англичан и наивяще привязал их

---

[26] *Штранге М. М.* Русское общество и Французская революция 1789—1794. М., 1956. С. 161—162.

[27] Мария Федоровна (1759—1828) — вторая супруга будущего императора Павла I.

[28] *Burke E.* Correspondence. Cambridge, 1967. V. 6. P. 442, n. 4.

[29] Ibid.

[30] Ibid. P. 442.

к сохранению конституции, мудрость которой они только счастливо целое столетие испытали... К чести аглицкого народа надобно признать, что все новости, коими заразились французы, коими заражаются Нидерланды и некоторая часть Германии, близлежащая к Франции, никакого действия здесь не имеют. Несмотря на множество французских апостолов, кои и здесь, как и везде, теперь проповедуют небывалое нигде в обществах метафизическое равенство людей и кои сии проповеди изустно и в книгах разлагают, — аглицкий народ, презирая сию теорию и видя пагубные действия практики оной, тем крепче стоит в сохранении счастливых своих законов».[31]

Однако есть основания полагать, что книга Бёрка рассматривалась российскими политиками и в совершенно ином контексте. Весной 1791 г. разразился так называемый Очаковский кризис. Правительство У. Питта Младшего направило Екатерине II ультиматум, требуя вернуть туркам Очаков, взятый в конце 1788 г., и начать с ними переговоры о мире на основе довоенного статус кво.[32] Британский флот готовился к отплытию на Балтику. Но тори недооценили влияния оппозиции, ее вождей — Ч. Дж. Фокса, Э. Бёрка, лорда Стормонта и др., — которым искусно воспользовался С. Р. Воронцов. Их совместные усилия заставили Питта воздержаться от идеи столкновения с Россией, крайне непопулярной в деловых кругах. Именно Бёрк, выступая в конце марта 1791 г. в парламенте, назвал Россию «естественным союзником», а в коммерческом отношении — «самым полезным союзником» Англии.[33] Лидер вигов Фокс стал для Екатерины II «героем дня».[34] В августе 1791 г. императрица приобрела за 63 фунта бюст Фокса работы Дж. Ноллекенса,[35] а затем установила его в Эрмитаже между бюстами Демосфена и Цицерона.

Заинтересованность русской дипломатии в эффективности английской оппозиции очевидна. Эта заинтересованность объясняет выпад против Бёрка и даже косвенную критику

---

[31] С. Р. Воронцов И. А. Остерману. Лондон, 22 февраля (5 марта) 1790 г. // *Александренко В. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 247.

[32] *Станиславская А. М.* Англия и Россия в годы второй русско-турецкой войны (1787—1791) // Вопр. истории. М., 1948. № 11. С. 26—49; *Она же.* Англо-русские отношения в конце XVIII в. // Докл. и сообщ. Ин-та истории АН СССР. М., 1957. № 12. С. 104—120; *Griffits D. M.* Ibid; *Cross A. G.* Ibid. P. 15—16.

[33] *Cross A. G.* Ibid. P. 16.

[34] Ibid. P. 15.

[35] АВПР, ф. «Сношения России с Англией», д. 425, л. 7—17.

«Размышлений» в депеше С. Р. Воронцова И. А. Остерману от 29 апреля (10 мая) 1791 г. Российский посланник сообщал: «Господин Бурк всегда чрезвычайный в своих мнениях и не доволен господином Фоксом, который нашел некоторые погрешности в сочинении первого и отзывался о том с ним и общими друзьями с тою чистосердечностью, которая отличает его нрав. За сие г-н Бурк толь на него оскорбился, что самолюбие сочинителя превозмогло над дружбой, между ими двадцать два года продолжавшеюся, вследствие чего в прошлую пятницу атаковал он в нижней каморе г-на Фокса весьма неблагопристойно и несправедливо яко человека, который ищет ввести здесь демократическое правление. Г-н Фокс отвечал ему с чувствительностью, но весьма умеренно, и оправдал себя пред камерою и тем опровергнул намерение Министерства замарать его в нации и сделать сверх того разделение в членах оппозиции. Сие последнее также не удалось Министру, ибо вся оппозиция взяла сторону г-на Фокса. Впрочем, здесь нет ничего нового, и нация продолжает упорствовать видам Министерства, которое никак не в состоянии начать войну противу России за Очаков».[36] Таким образом, «Размышления» Бёрка и полемика вокруг них, грозившая ослабить единство вигов, вызвали недовольство российского посланника. С. Р. Воронцов оказал явное предпочтение оппоненту Бёрка — Фоксу, с прочностью позиций которого он связывал «виды» своего правительства.

Важным средством антивоенной агитации стала публицистика, щедро субсидируемая русскими агентами; многие анонимные брошюры исходили от С. Р. Воронцова и его окружения. Один из памфлетов, защищавших внешнеполитические интересы России, — неподписанное «Рассуждение о приближении войны»,[37] рукопись которого С. Р. Воронцов переслал И. А. Остерману в качестве приложения к депеше от 2(13) апреля 1791 г.[38]

«Рассуждение» ведется от имени англичанина — противника войны с Россией; оно не только порицает правительственный курс, но и по существу полемизирует с «Размышлениями» Бёрка. «В публичных наших изданиях, — замечает неизвестный автор, — говорят нарочито для политического обмана о безначалии во Франции, замешательстве их доходов, бедности и слабости их правления, но это — ложь, а

[36] АВПР, ф. «Сношения России с Англией», д. 422, л. 207—208.
[37] Там же, л. 9—127.
[38] Не исключено, что Воронцов подобным образом отчитывался о собственной деятельности.

в самом деле они поведением, противным нашему, приближаются поспешными шагами ко всему тому, что может дать народу богатство и силу».[39] Самым известным английским «публичным изданием» о «безначалии во Франции» был памфлет Бёрка.

Примечательно, что автор «Рассуждений» одобряет упразднение десятин и захват церковной собственности — меры, до некоторой степени соответствовавшей секуляризации, проводившейся российским просвещенным абсолютизмом, и в то же время, осужденной Бёрком.[40] «Они (французы. — С. К.) сняли все тягостные подати с бедных и трудящихся и положили их на богатых; уничтожили все откупа без исключения и облегчили получаемые от земли доходы и хлебопашество от вредного сбора платимых духовенство десятин. Они взяли назад или захватили, как иные говорят, церковные земли и доходы принцев крови. Они употребляют произведение оных на облегчение тягостей народных, на оплату долгов, в чем они сделали в краткое время после их революции удивительный успех. Присовокупив к сему уничтожение всех бесполезных издержек, строжайшую экономию в государственных издержках, скажите, не должен ли вскоре возвыситься в художествах, торговле и политической важности народ, управляемый такими правилами».[41]

Упомянув об успехах Франции, а затем Испании и Америки, автор продолжает: «Между тем, как сии безпосредственные наши соперники подают нам пример, коему долженствовали б мы последовать, вместо того, чтоб пользоваться сим настроением и остерегаться против опасности, где оная действительно велика, мы тревожимся политическими гидрами и химерами, которые ничего нам не могут сделать. Мы истощаем наши сокровища, когда наши соперники оные оберегают, обременяем наш народ, без того уже стонащий от податей, и делаем неприятелем те народы, с коими мы имеем величайшую коммерческую связь и для ревности коих к нашим соперникам мы должны были бы натурально искать их дружбы и помощи в случае нужды. Вы легко догадаетесь, что я разумею вмешивание наше в войне между Российской императрицею и Германским императором и Турками».[42] Таким образом, политическая практика, логика противодействия курсу Питта во взрывоопасной ситуации

[39] АВПР, ф. «Сношения России с Англией», д. 422, л. 31.

[40] *Burke E.* Reflections on the revolution in France. N. Y., 1955. P. 184—188.

[41] АВПР, ф. «Сношения России с Англией», д. 422, л. 31—32.

[42] Там же.

1791 г. привела русскую дипломатическую службу к осуждению Бёрка и его «чрезвычайных мнений» о Французской революции.

Между тем, осенью 1791 г. сам Бёрк еще возлагал надежды на активное участие России в крестовом походе против «фанатиков, узурпаторов и тиранов».[43] Свидетельство тому — послание Бёрка Екатерине II от 1 ноября 1791 г.,[44] написанное под влиянием новейших внешнеполитических инициатив России. Екатерина II распорядилась о выплате субсидий эмигрантам, радушно встретила их эмиссара В. Эстергази, закрыла доступ ко двору французскому поверенному в делах Э. Жене, признала графа Прованского регентом и назначила Н. П. Румянцева полномочным послом в Кобленце. Все эти шаги скорее демонстративно, чем на деле, ущемляли интересы революционной Франции. Однако рассчитывая на создание могущественной антифранцузской коалиции, Бёрк подготовил упомянутое письмо; непосредственное обращение к императрице он оправдывал ее благосклонным отзывом о «Размышлениях».[45]

Примечательно, что письмо так и не было отправлено. Лояльный Бёрк передал его Дж. Кингу — секретарю министра иностранных дел. Кинг ознакомил с посланием лорда Гренвиля, а тот, в свою очередь, Георга III. В результате Бёрку отказали в санкции, сославшись на последние депеши из Петербурга: судя по ним, сама императрица не собиралась непосредственно действовать против Франции.[46]

Истинные мотивы запрета нам не известны, но доводы Гренвиля, переданные Бёрку Кингом, заслуживают доверия. Статс-секретарь Екатерины II А. В. Храповицкий записал в своем «Дневнике» 14 декабря 1791 г. ее высказывание:

[43] *Burke E.* Correspondence. Cambridge, 1967. Vol. 6. P. 443.

[44] Ibid. P. 441—445.

[45] Ibid. P. 442.

[46] Ibid. P. 446—448. Примечательно и состоявшееся уже в 1793 г. и вне всякой связи с Французской революцией обращение Бёрка к Екатерине II в качестве одного из душеприказчиков своего друга живописца Дж. Рейнолдса. Речь шла о выплате гонорара за полотно Рейнолдса «Младенец Геракл, удушающий змей». Картина была создана в 1786—1788 гг. по заказу Екатерины II на сюжет, предложенный самим художником. Объясняя замысел, Рейнолдс писал: «Я избрал темою сверхъестественную силу Геракла еще в младенчестве, ибо сюжет этот допускает аналогию, по крайней мере отдаленную, с недетской, но столь известной мощью Российской империи» (*Березина В. Н., Лившиц Н. А.* Искусство Западной Европы XII—XX вв. Л., 1963. С. 350). Любопытно, что «младенец Геракл» некоторыми чертами напоминал современникам сына управляющего поместьем Бёрка в Биконсфилде: *Burke E.* Correspondence. Cambridge, 1968. Vol. 7. P. 335—337.

«Я ломаю себе голову, чтобы подвинуть венский и берлинский дворы в дела французские... Я хочу впутать их в дела, чтоб иметь свободные руки. У меня много предприятий неоконченных, и надобно, чтоб они были заняты и мне не мешали».[47]

В 1793 г. казнь Людовика XVI потрясла общественное мнение России,[48] сделав его особенно чутким к идеям Бёрка. Красноречивый пример тому — анонимный памфлет «Мысли беспристрастного гражданина о буйных французских переменах».[49] По сведениям Н. Н. Бантыша-Каменского, автор «Мыслей» — А. В. Нарышкин (1742—1800),[50] тайный советник, сенатор, действительный член Академии наук. Раннюю известность принесли Нарышкину литературные успехи, в том числе переводы из «Энциклопедии» и Мармонтеля.[51] Нарышкин проявил себя и как общественный деятель, с 1767 г. участвуя в работе Комиссии по составлению проекта нового уложения. Его суждения, поданные в Комиссию особой докладной запиской, повлияли на содержание Жалованной грамоты дворянству 1785 г.[52]

При первом же знакомстве с «Мыслями» обращает на себя внимание общий для Бёрка и Нарышкина прием критики: оба судят французов, опираясь на опыт преобразований в собственных странах. Эталон Бёрка — британские конституционные нормы и достижения «славной революции» 1688 г., в основе которых лежат принципы политического компромисса. Нарышкин видит вершину государственной мудрости в реформах Екатерины II, ее «Наказе».

В «Мыслях» есть прямое упоминание о Бёрке: «Чтобы знать происхождение сего слова («конституция»), заведшегося у англичан и что они под словом конституции разумеют,

[47] Дневник А. В. Храповицкого. М., 1901. С. 226. — Цит. по: Штранге М. М. Указ. соч. С. 94.

[48] *Штранге М. М.* Указ. соч. С. 139—150.

[49] Мысли беспристрастного гражданина о буйных французских переменах / Пер. с фр. М. Б. СПб., 1793. Об этом памфлете см. также: *Штранге М. М.* Указ. соч. С. 134, 139, 145—147.

[50] Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725—1800: Дополнения, разыскиваемые издания, уточнения. М., 1975. С. 113.

[51] Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. 11 (Нааке-Накенский — Николай Николаевич Старший). С. 83.

[52] Там же. С. 84; А. В. Нарышкин сопровождал Д. Дидро в поездке из Гааги в Петербург в 1773 г. В доме Нарышкиных в Петербурге Дидро прожил несколько месяцев. Подробнее об этом см. одну из новейших работ: *Райский Б. Г.* Дидро и братья Нарышкины. Страница из истории французско-русских культурных связей // Фр. ежегодник. 1982. М., 1984. С. 240—251.

отсылаю я, не раскрывая никаких книг, читателя моего к господину Бюрке, который изъяснил оное в сочинении своем, касающемся до дел Франции...».[53] Разумеется, эта ссылка не означает, что «Размышления» были непосредственным и тем более единственным источником «Мыслей», однако она позволяет поставить вопрос о возможном влиянии Бёрка на Нарышкина. Не проводя детального сравнения обоих памфлетов, ограничимся констатацией наиболее важных из множества совпадений и различий во взглядах их авторов.

Бёрк видит в достоинствах и пороках современного общества реальный результат труда, усилий многих поколений, ценность которого неоспорима. В сохранении и дальнейшем накоплении общечеловеческого опыта Бёрк усматривает высший смысл, подчеркивая практическое значение норм религии и морали как законов социального бытия. Разрыва между жизнью людей и этими нормами для него не существует. Напротив, последние, по Бёрку, всегда служат руководством к совместной и разумной созидательной деятельности. Попытка опрокинуть общественные устои, традиции, порвать вековые связи и нарушить единство социума в глазах Бёрка — абсурд и кощунство, отрицание всего пути, пройденного человечеством.

Мировоззренческая позиция Бёрка близка Нарышкину: «Я признаюсь, что правило мое во всех случаях моей жизни есть такое: все, что соединяет людей и утверждает их союз, есть добро; все, что их разделяет и разрывает сей союз, есть зло; и я рабски повинуюсь самовластию истины сей».[54] Однако в отличие от Бёрка Нарышкин проводит достаточно четкую границу между человеческими учреждениями и божескими установлениями, хотя и говорит о возможном, опосредованном влиянии веры на благоденствие.[55] Десять заповедей для него — скорее светлые и несбыточные идеалы, чем нормы общежития. В расхождении между Бёрком и Нарышкиным могло сказаться своеобразие российской просвещенной, да и не только просвещенной мысли, воспринимавшей христианские заветы именно как отвлеченные принципы. Государство и религия, по Нарышкину, лишь дополняют друг друга, поддерживая мир и порядок, которым угрожает безначалие.[56]

---

[53] Мысли... С. 60.
[54] Мысли... С. 76.
[55] Там же. С. 75.
[56] Там же. С. 72.

Подобно Бёрку, автор «Мыслей» возлагает прямую ответственность за «буйные перемены» на частные интересы людей, «умеющих с пером обходиться, легко описать модное любомудрие и хорошие изречения мнимоученых».[57] «Последний писатель, — замечает Нарышкин, — думает о себе, что он снабден всеми познаниями во всех родах человеческих упражнений и ... смело отворяет рот и проповедует об учреждении законов всех государств и о великом искусстве управлять народами, не размышляя ни мало, что для управления другими людьми надобно сперва научиться управлять самим собою...».[58] Бёрк также изобличает «проповедников прав человека, настолько занятых просвещением других, что у них не хватает времени самим просветиться...».[59] Он с ненавистью упоминает о писаках-демагогах, агитирующих в пользу любых перемен, нападающих на церковь и высшие классы общества, выставляющих напоказ участие в судьбе низов.[60]

Нарышкин обнаруживает не меньшую, чем у Бёрка, враждебность к революционерам-публицистам: «От корыстолюбия хватаются они за все нынешние обстоятельства и с жадностью пользуются, по неограниченной вольности печатания, своими liberum veto. Уметь делать изречения и растабарывать, не думая, разумно ли то или нет, есть теперь предмет торговли, и один человек продает себя двум сторонам, чтобы философствовать и законодательствовать против обеих... Размноженные города, изнуряющие всегда государство по мере излишней их величины, принуждение, в коем люди там живут, развращение, которое в них зарождается, производят множество праздношатающихся, коих разум, не имея чем заниматься, принужден с жадностью бросаться на все произведения газетчиков и журналистов, философов, политиков, законодателей и проч., так что, по-видимому, иные люди, управляющие государственными делами, занимаются более листами оных, нежели книгами поучительными и относящимися званию людей во всякой науке. Но всегда опаснее и употребительнее есть то, что в шинках и вольных домах люди, сии презреннейше-кочующие бродяги... развращеннейшие тунеядцы единственно сими листами занимаются. И так владычествующие теперь во Франции мысли легко сообщаются ее соседям...».[61] Нетрудно заметить, что

[57] Там же. С. 2.
[58] Мысли... С. 3.
[59] *Burke E.* Reflections... P. 122.
[60] Ibid. P. 128—129.
[61] Мысли... С. 4—5.

А. В. Нарышкин обеспокоен распространением революционных воззрений не только в самой Франции, но и за ее пределами.

Действия газетчиков, по мнению Нарышкина, открыли путь «непремогаемой силе пронырств и крамолы», а также «черни, которая движется только по возбуждению других и никогда не рассуждает».[62]

Кто же подстрекает философствующих газетчиков и «чернь»? Бёрк указывает на представителей так называемого «„денежного интереса“ — „людей богатых, недворян или недавно ставших дворянами“, чья гордость возрастала с ростом их богатства».[63] «Они готовы были на все, лишь бы одержать верх над своими надменными соперниками и обеспечить своему богатству то уважение и влияние, которое они считали справедливым. Они были по дворянству в лице королевской власти и церкви».[64]

Нарышкин вторит Бёрку: «Банкиры, купцы, капиталисты, или, лучше сказать, ростовщики всякого рода, кои по существу своему суть главные в третьей степени (третьем сословии. — С. К.) надуваются уже своею гордостию, млеют с радости и подтверждают легковерной черни всеми средствами ростовщического своего промысла.., что король ничего не значит и что третья степень есть все...».[65]

Как и Бёрк, Нарышкин сосредоточивает внимание на конфликте между дворянством и третьим сословием. Автор «Размышлений» признает, хотя и с горечью, неизбежность повсеместного преобладания денежных интересов: «Век рыцарства миновал. Ему на смену пришел век софистов, экономистов и счетчиков, а слава Европы погасла навсегда».[66]

В отличие от Бёрка, Нарышкин считает традиционную сословную структуру феодального общества неизменной. «Наименование третьего чина в государстве само по себе доказывает, что он не первый и не второй чин в народе и что он не служитель государства, но младший и последний сын не самых нужных потребностей людей».[67] Истинная опора государства, по Нарышкину, — дворянство. «По мере, как люди сделались целыми народами, земледельцы, промышляющие рыбною ловлею и охотою, защитники отечества со-

---

[62] Там же. С. 9.
[63] *Burke E.* Reflections... P. 125.
[64] Ibid.
[65] Мысли... С. 14.
[66] *Burke E.* Reflections... P. 86.
[67] Мысли... С. 81.

ставляли народ и поддерживали его. Защитники отечества для спасения и подкрепления отечества подвергалися всем опасностям; они иногда погибали и часто детям своим оставляли только славу деяния в награду и бедность в наследство. Не взирая на то, дети, исполненные чувствами своего отца, следовали тому же званию; сие иройство в чувствиях, сия храбрость в деяниях, сие пренебрежение себя самого для общей пользы заслужило по справедливости... наименование благородства в чувствиях и действиях, и оттого-то происходят дворяне, имеющие титла благородства по их званию и должностям, кои состоят в службе отечеству и во всегдашнем пренебрежении самого себя для благоденствия своего ближнего».[68] «Гражданского» же чина человек «никогда не забывает себя... везде и во всем находит свою пользу».[69] В надежной гарантии дворянских прав и привилегий видит Нарышкин залог процветания страны.

Незыблемость социальной иерархии представляется Нарышкину одним из важнейших принципов общественной жизни. Свою мысль он подкрепляет авторитетом «Наказа»: «Повреждение всякого правления начинается почти всегда с повреждения начальных своих оснований...».[70] «Если не оказуют почтения государю, правительствам, начальствующим, если не почитают старых, не станут почитать ни отцов, ни матерей, ни господ, и государство нечувствительно низриновенно падет».[71] По мнению Нарышкина, вся внутренняя политика Екатерины II (в том числе губернская и судебная реформа) есть продолжение принципов «Наказа» и постепенное приближение законодательства к совершенству.[72]

Таким образом, «беспристрастный гражданин», вдохновленный Бёрком (и, возможно, не им одним), отразил в своих «Мыслях» о Французской революции опыт российского просвещенного абсолютизма. Революция для Нарышкина — потрясение основ, абсолютное зло, плод непомерных амбиций третьего сословия и продажных газетчиков.

Созвучность идей Бёрка господствующему направлению русской общественной мысли конца XVIII в. очевидна. Она заключается в стремлении упрочить уже существующий миропорядок, признаваемый результатом разумной целенаправленной деятельности, категорическом неприятии революционного способа общественных преобразований. Однако воспри-

[68] Мысли..., С. 90.
[69] Там же. С. 91.
[70] Там же. С. 37.
[71] Там же. С. 38.
[72] Там же. С. 45.

ятие «Размышлений» зависело непосредственно от темпов и масштабов этих преобразований, конкретной политической ситуации. В 1790—1791 гг. Бёрк интересовал русских, прежде всего, как талантливый оратор, лидер оппозиции реальной власти — кабинету тори. Более того, дипломатия Российской империи ради единства вигов косвенно поддержала критиков Бёрка в споре, развернувшемся вокруг его сочинения в 1791 г. Чрезвычайные обстоятельства 1793 г. породили «Мысли» А. В. Нарышкина. Распространение освободительного движения в XIX в. не могло не вызвать новых откликов на памфлет Бёрка, поиск которых еще предстоит.

Примечательно, что один из первых отечественных исследователей творчества Бёрка И. Г. Турцевич видел в «Размышлениях» силу, способную воздействовать на будущее России: «Борк может много дать и правым и левым, и консерваторам и либералам. Хорошо бы, если бы он у нас оказался для тех и других учителем и — примирителем. Под консерваторами я разумею не узких и своекорыстных, а идейных консерваторов, не врагов прогресса, а врагов фанатической беспощадной ломки существующего, врагов насилий... Я знаю, что в действительности, в политической практике несравненно труднее, чем в лекции и вообще в слове, соблюсти меру, отделить хороший пример от дурного, разумный прогресс от фанатического радикализма, но мы, книжники, все-таки должны говорить об этой мере и вообще об идеале в убеждении, что слово не всегда звук пустой».[73]

---

[73] *Турцевич И. Г.* Указ. соч С. 43.

Д. К. Грама, К. Я. Слуту

СОЧИНЕНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ В МОЛДАВИИ

(конец XVIII — первая половина XIX в.)

Идеология эпохи Просвещения[1] не только сыграла прогрессивную роль в судьбах стран Западной Европы, где на протяжении XVII—XVIII вв. усилиями Г. Гроция, Ф. Вольтера, Ш. Монтескье, Ч. Беккариа, Д. Дидро, Ж. Руссо и многих других выдающихся мыслителей оно оформилось в качестве самостоятельного политико-идеологического течения, но также получила со временем значительное распространение в различных уголках земного шара, в том числе и в экономически сравнительно отсталых странах мира.[2] По мере углубления кризиса феодальной системы получает развитие антифеодальная идеология Просвещения. Ее характер в каждой стране, у каждого народа непосредственно определялся уровнем социально-экономического и общественно-политического развития конкретного государства, региона или народа. «Просвещение — необходимая ступень в культурном развитии любой страны, растающейся с феодальным образом жизни».[3]

Вступление Молдавии в стадию разложения феодализма и соответствующая потребность в антифеодальных, буржуаз-

---

[1] Возникнув в условиях разложения феодального общества и появления капиталистических производственных отношений, идеология эпохи Просвещения критикой недостатков феодального строя, его системы сословных привилегий не только расшатывала старый строй, но и прямо ность мыслителей-просветителей, Ф. Энгельс писал: «Великие люди...
ность мыслителей-просветителей. Ф. Энгельс писал: «Великие люди...
просвещали головы для приближавшейся революции» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 16).

[2] *Гаприндашвили М. М.* Грузинское просветительство. Тбилиси, 1977. С. 74.

[3] *Гулыга А. В.* Кант. М., 1981. С. 10.

ных преобразованиях объективно вызвала необходимость развития в ней в последних десятилетиях XVIII — первой половине XIX в. передовой просветительской идеологии. Этому во многом способствовало проникновение и последующее распространение сочинений просветителей из России и других стран Европы. Значительное воздействие на становление молдавского Просвещения оказали и книги французских просветителей, получившие в исследуемый период широкое распространение в княжестве.

Уже во второй половине XVIII в., несмотря на постоянные усилия Османской империи изолировать Молдавию на международной арене,[4] препятствовать ее экономическим, политическим и культурным связям с другими странами Европы, в княжестве наблюдается проникновение французской общественно-политической литературы. В 1766 г. господарь Григорие А. Гика дарит библиотеке Ясской господарской академии[5] комплект книг, среди которых были сочинение Rousset J. «Recherches sur les alliances et intérêts entre la France et la Suède», изданное в Лейпциге и Амстердаме в 1756 г., и его же многотомный сборник документов «Récueil historique d'actes négociations, mémoires et traités», опубликованный в Гааге и Амстердаме в 1728—1755 гг.[6] Со временем в библиотеку академии поступают отдельные сочинения Вольтера, Монтескье, Кондильяка и других французских просветителей.

Распространению сочинений французских просветителей в Молдавии во многом способствовали лица, обучавшиеся в зарубежных учебных заведениях, отдельные купцы, торговавшие с другими странами, а также путешественники. Так, например, Матей Енакие Милло, обучавшийся в 1772 г. в военной школе в Петербурге, при возвращении в княже-

---

[4] Начиная с первой половины XVI в. Молдавское государство находилось в вассальной зависимости от Османской империи. Тяжелое иноземное иго, выразившееся в огромных материальных и финансовых поборах (в конце XVIII в. из всего прибавочного продукта княжества в Турцию уходило до 52,7%), частых грабительских нашествиях турецких и татарских орд на города и села страны, обусловило в значительной степени социально-экономическое и культурное отставание Молдавии относительно уровня, достигнутого независимыми странами Европы. К. Маркс, анализируя положение балканских народов под турецким игом, писал, что «пребывание турок в Европе представляет собой серьезное препятствие для развития всех ресурсов, которыми обладает фракийско-иллирийский полуостров» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 9. С. 6).

[5] Ясская господарская академия являлась высшим учебным заведением Молдавии в XVIII — начале XIX в.

[6] *Bîrsănescu Şt.* Academia domnească din Iaşi 1714—1821. Bucureşti, 1962. P. 157, 160.

ство привез много книг, среди которых были и переведенные на русский язык произведения Дидро и Монтескье.[7] В конце XVIII — первой половине XIX в. усиливается выезд молдаван на учебу в другие страны. Костаке Стурза обучался в Вене, Николай Розновану во Франции и Германии, Георге Богдан в Париже, Георге Асаки во Львове, Вене и Риме, Василе Александри в Париже, Алеку Руссо в Швейцарии, Михаил Когэлничану во Франции и Германии т. д. Большинство из них при возвращении на родину среди других книг привозили и труды французских просветителей.

Важным каналом проникновения просветительской литературы была русская армия в период ее нахождения на территории Молдавии во время русско-турецких войн. Часть высокообразованных и прогрессивно настроенных офицеров оказывала благотворное культурное влияние на население княжества, в том числе и на распространение книг просветителей. Благодаря им, к примеру, «в Молдавии стали известны Энциклопедия Дидро и Д'Аламбера, труды Вольтера».[8] Исследуя развитие молдавской культуры эпохи позднего феодализма, В. П. Коробан отмечал, что в последних десятилетиях XVIII в. основной поток иностранной литературы проникал в Молдавию из России.[9] В те годы в России имели широкое распространение сочинения французских просветителей.[10] Часть из них были переведены и опубликованы на русский язык. В результате Россия, ставшая в последней трети XVIII в. вслед за Францией важным центром просветительской идеологии для народов Восточной и Юго-Восточной Европы, оказала положительное воздействие и на становление молдавского Просвещения.

Активный деятель Великой французской буржуазной революции Жан Луи Карра, служивший в середине 70-х годов XVIII в. секретарем у молдавского господаря Григория А. Гики и наставником его детей, в работе «Histoire de la Moldavie et Valachie», опубликованной в г. Яссах в 1777 г., отмечал, что в Дунайских княжествах (Молдавии и Валахии) господари и многие бояре имели в своих дворцах и поместьях книги на французском языке. «Сочинения **г. Вольтера** имеют некоторые молодые бояре, и вкус французских

[7] *Bezviconi G.* Contribuţii la istoria relaţiilor româno-ruse. Bucureşti, 1962. P. 180.

[8] История философии в СССР. В 5-ти т. М., 1968. Т. 2. С. 501.

[9] История Молдавской ССР. В 2-х т. Кишинев, 1965. Т. 1. С. 369.

[10] См.: *Копанев Н. А.* Распространение французской книги в Москве в середине XVIII в. // Французская книга в России в XVIII в.: Очерки истории. Л., 1986. С. 70, 88, 95—96, 152, 163, 160—170.

писателей был бы ныне предметом коммерции в сих странах, есть ли бы Патриарх **Константинопольский** не угрожал небесным гневом всем тем, кои станут читать римско-католическия книги, а особливо **г. Вольтера»**. [11]

Несмотря, однако, на препятствия Константинопольской патриархии в княжестве продолжается проникновение сочинений французских просветителей. Отдельные государственные деятели и церковники Молдавии не только сами читали книги просветителей, но и способствовали их распространению в стране. Так, например, группа членов Дивана Молдавии во главе с митрополитом Яковом Стамати в анафоре (письменном докладе к господарю), направленной на усовершенствование деятельности Ясской господарской академии, рекомендовала при изучении основ юриспруденции придерживаться принципов Монтескье. В документе также предписывалось, чтобы каждый книготорговец передавал в фонд библиотеки академии по одному экземпляру из всех завезенных в страну новых книг. [12]

Исследователям свойственно стремление отразить более полно изучаемое явление. Однако не всегда для этого имеются объективные возможности. Прошедшие за последние два столетия на территории Молдавии войны, пожары, наводнения, различные грабежи и т. д. привели к исчезновению множества книг из государственных и частных библиотек. Безвозвратно погибали даже целые библиотеки. Классик молдавской литературы Константин Негруци, вспоминания библиотеку своего отца, уничтоженную турецкими полчищами при подавлении восстания гетеристов, с горечью писал: «Бедная библиотека! Забытая... во время бегства 1821 года, она вся пошла янычарам на пыжи!» [13] Профессор Ясской господарской академии, доктор философии Димитрий Гобдела, касаясь судьбы части своей библиотеки, оставленной в княжестве в период вынужденной эмиграции 1821 г., отмечал, что турки не только ограбили и сожгли все его имущество, но также полностью уничтожили все рукописи, оставленные им из предосторожности для хранения в церкви Св. Афанасия г. Ясс. [14]

Анализ архивных материалов и литературных источников все же позволяет частично воссоздать картину распростране-

[11] *Карра Г.* История Молдавии и Валахии с рассуждением о настоящем состоянии сих обоих княжеств / Пер. с фр., с испр. и доп. СПб., 1791. С. 719.

[12] Uricariul. Iasi, 1853. Vol. 3. P. 19, 22.

[13] *Негруци К.* Избранное. Кишинев, 1973. С. 65.

[14] *Левит Е. Д.* Филе векь некуноскуте... Кишинэу. 1981. П. 72—73.

ния сочинений французских просветителей в ряде библиотек Молдавии исследуемого периода. Документы, в частности, свидетельствуют, что просветительская литература наряду с библиотекой господарской академии имелась также в частных библиотеках отдельных молдавских господарей, митрополитов Гавриила Каллимаха, Якова Стамати и некоторых других церковников княжества, Матея Милло, Иордакия Дэрмэнеску, Иона Кантакузина, Алеку Белдимана, Костакия Конаки и многих других деятелей культуры Молдавии.

Изучение каталога книг библиотеки Д. Гобделы, вывезенной им из княжества в 1821 г., показывает, что из имевшихся в ней 2723 книг 547 были на французском языке.[15] Среди них были произведения французских просветителей и их ближайших предшественников: «Основания философския, служащия введением к познаниям разума человеческого» (Амстердам, 1769); «Монтескье в республике» (Париж, 1798); «О природе человека и способах» (Париж, 1800); Монтескье «Персидские письма» (Базель, 1800); «О духе законов» (Мангайм, 1801); Айолы «О свободе и равенстве людей и граждан» (Вена, 1793); Мели «О правах и должностях гражданина» (Париж, 1793); Сан-Ламберта «О нравах всех народов» (Париж, 1798); Сегюра-старшего «Историческая и политическая картина Европы» (Париж, 1801); Ваттеля «Право народное или правило закона естественного» (Лион, 1802); Готлиба Буле «История новейшей философии» (Париж, 1816). Имелись также книги, рассказывающие о революционных событиях во Франции и в других странах Европы. Это «Журнал о случившемся в темнице Ту-дю-Тампль во время заточения в оной Людовика XVI короля французского» (Лондон, 1798); «Поход французов в Италию, или военная, политическая и философская история революции» (Париж, [1798]); Ренодо «Перевороты империй, королевств, республик и прочих важных государств в свете» (Париж, 1769).[16]

В первой половине XIX в. крупные частные библиотеки имелись и у других деятелей культуры Молдавии. В начальный период создания библиотеки Георгия Асаки в 1822 г. в ней насчитывалось 550 книг. Среди них были «Телемак» Фенелона, «Логика» Кондильяка, труды Мармонтеля, «Об общественном договоре» Руссо и др.[17] В те же годы в библиотеке Константина Негруци имелись «Кристин — соперник

[15] *Левит Е. Д.* Указ. соч. С. 76—77.
[16] См.: ЦГА МССР, ф. 88, оп. 1, д. 719, л. 28—35.
[17] *Ursu N. A.* Prefata la: Gheorghe Asachi. Opere. Bucureşti, 1973. Vol. 1. P. XII—XVI.

своего господина» Лесажа, «Мемнон, или человеческий разум» Вольтера, «Венчание Елены» Мармонтеля, «О духе законов» Монтескье.[18] По мере развития творческой деятельности вышеназванных молдавских писателей их библиотеки пополнялись другими сочинениями французских просветителей.

Достаточно богатой была библиотека семьи боярина Розновану. Основанная в конце XVIII в. Иордакием Россети-Рознованом, она была значительно обогащена его сыном Николаем после возвращения последнего в Молдавию в связи с завершением учебы в западноевропейских учебных заведениях. К 1821 г. в библиотеке насчитывалось 1939 томов: беллетристика, книги по философии, праву, истории, политике, географии, искусству, естественным наукам. Сохранившийся фрагмент каталога свидетельствует о наличии в те годы в библиотеке сочинений Вольтера в 70 томах (издания 1785 г.), Д'Аламбера в 18 томах, Монтескье и Руссо (на французском и английском языках), Дидро, Гельвеция, Кондильяка, Мабли. В ней также имелись 4-томное произведение «Картина революции в Европе», книга «Теория революции», общественно-политические трактаты по истории Французской революции и революционному движению в Испании, Англии, Португалии.[19]

Бухарестский мирный договор, заключенный 16 мая 1812 г., завершил русско-турецкую войну 1806—1812 гг. В соответствии с его положениями территория Восточной Молдавии, расположенная между Прутом, Дунаем, Черным морем и Днестром и названная позже Бессарабией, была присоединена к России.[20] Этот исторический акт имел прогрессивное значение для судеб молдавского населения Днестровско-Прутского междуречья. Благодаря ему оно навсегда было вырвано из системы Османской империи и освобождено от многовекового турецкого гнета. «Бессарабия перестала служить ареной военных действий; прекратились разорительные набеги турецких и татарских войск. Устранилось серьезное препятствие для естественного развития производительных сил, освоения природных богатств края, повышения

---

[18] См.: *Грама Д. К.* Политико-правовые воззрения Константина Негруци. Кишинев, 1986. С. 58—59.

[19] *Papacostea Cornelia P.* O bibliotecă din Moldova la începutul secolului al XIX-lea. Bibliotecă la Stînca // Studii şi cercetari de bibliologie. Bucureşti, 1963. P. 215—217.

[20] Молдавское государство в пределах территории, расположенной западнее реки Прут, осталось еще на несколько десятилетий в вассальной зависимости от Османской империи.

уровня жизни населения».[21] В составе России Днестровско-Прутское междуречье получило «возможность развиваться в системе более высокого, чем прежде, уровня производительных сил».[22] Положительно сказалось освобождение края и на развитии его культуры.

На территории Бессарабии после 1812 г. активизируется процесс создания учебных заведений, имевших библиотеки. В 30-е годы XIX в. в Кишиневе открылась публичная библиотека. В боярских усадьбах создавались частные книжные собрания. В пополнении их книжных фондов возросла во многом роль Петербурга, Москвы и других культурных центров России. Через них, в основном, пополнялись библиотеки Бессарабии и сочинениями французских просветителей. Благотворно в этом направлении сказывалось пребывание в крае великого русского поэта А. С. Пушкина, декабристов и других прогрессивных деятелей русской культуры. Другим важным каналом поступления в Бессарабии просветительской литературы являлась Запрутская Молдавия, культурные связи с которой у жителей Днестровско-Прутского междуречья в первой половине XIX в. были достаточно интенсивными.

Из каталога библиотеки 1-го кишиневского уездного училища видно, что в ней в первой половине XIX в. имелись «La Henriade de Voltaire avec le commentaire de Laubaumelle» (Toulouse, 1803), 2 экземпляра «Телемака» Фенелона (СПб., 1839).[23] В Кишиневской публичной библиотеке уже в первые годы ее существования содержались «Переписка Фридриха Великого с Вольтером», «Переписка Екатерины Великой с Вольтером», «Dictionaire universel», «Histoire de la Moldavie et de la Valachie» (Neuchatel, 1787), 7 экземпляров «Histoire de la republique de Venise» (Paris, 1819), 4 экземпляра «Oeuvres de Montesquieu» (Paris, 1819).[24] Отдельные сочинения французских просветителей имелись в частной библиотеке И. П. Липранди.

В 20-е гг. XIX в. Д. Гобдела перевез в Бессарабию после бегства из Запрутской Молдавии в 1821 г. значительное ко-

---

[21] История народного хозяйства Молдавской ССР, 1812—1917. Кишинев, 1977. С. 8.

[22] *Жуков В. И.* Значение присоединения Бессарабии к России для формирования капиталистического уклада в экономике края в дореформенный период // Исторический акт 1812 года и его значение в судьбах молдавского народа: К 170-летию освобождения Бессарабии от османского ига и присоединения ее к России. Кишинев, 1982. С. 64.

[23] ЦГА МССР, ф. 152, оп. 5, д. 3, л. 6 об.-7, 12 об.-13.

[24] Там же, ф. 2, оп. 1, д. 1487, л. 68, 79 об.-80 об.

личество книг французских просветителей. Будучи в тяжелом материальном и финансовом положении, он оставил 1 апреля 1825 г. всю библиотеку в качестве залога бессарабскому боярину Димитрию Карастатию взамен полученных от последнего 335 голландских червонцев. В 1831 г. Гобдела умер в Яссах, так и не сумев вернуть долг. Желая принести «истинную пользу людям, не имеющим способов приобретать книги для чтения», Д. Карастати в 1834 г. передал безвозмездно книги Гобделы библиотеке Кишиневской областной гимназии с условием, «дабы библиотека... была открываема два или три раза в неделю непременно на тот конец, чтобы желающие в определенное время свободно могли приходить для чтения книг».[25]

Из Запрутской Молдавии сочинения просветителей проникали в Бессарабию через книготорговцев, путем их пересылки в адрес деятелей культуры края, привоза книг во время посещений друзей и родственников, проживавших в Днестровско-Прутском междуречии. Так, например, жительница Ясс Елена Стурза 28 июля 1835 г. привезла в Бессарабию 12 книг на иностранных языках. Среди них было и произведение Вольтера «Histoire de Charles XII roi de Suede».[26]

Приведенная нами характеристика отдельных библиотек Бессарабии показывает, что в них поступало довольно мало сочинений просветителей и революционных деятелей Франции. Данное явление было обусловлено во многом тем, что в Российской империи после подавления восстания декабристов 1825 г. на протяжении всей второй четверти XIX в. значительно усилился реакционный курс царского самодержавия. В специальном циркуляре Министерства внутренних дел империи Бессарабскому гражданскому губернатору от 27 апреля 1830 г. требовалось обращать внимание на «неослабное со стороны градских и земских полиций наблюдение, дабы запрещенных Цензурным комитетом книг, о коих от оного дается знать местным полицаям, ни в книжных лавках, ни в библиотеках для чтения и вообще в публике в обращении отнюдь не было, поступая с нарушителями сего по всей строгости законов».[27]

В начале 30-х г. XIX в. власти изымают из обращения книги, прямо или косвенно отражавшие события Французской революции, польского восстания, ряд сочинений фран-

---

[25] ЦГА МССР, ф. 88, оп. 1, д. 719, л. 47 об.

[26] Там же, ф. 2, оп. 1, д. 2259, л. 48—56.

[27] *Ганенко П. Т.* История Кишиневской публичной библиотеки (1830—1917). Кишинев, 1966. С. 15—16.

цузских просветителей и немецких философов. В этот период на таможнях Бессарабии значительно усиливается контроль за литературой, ввозимой из-за границы. Сведения о всех книгах, провозимых пассажирами, первоначально сообщались в Комитет иностранной цензуры. Лишь после получения разрешения Комитета литература могла быть ввезена в Бессарабию. Так, например, при передаче книг Д. Гобделы в фонд библиотеки Кишиневской областной гимназии Одесский цензурный комитет объявил запрещенными 52 названия книг. Среди них многотомное сочинение французского философа-атеиста Ш. Ф. Дюпюи «Происхождение всех культов, или всеобщая религия», в которой развивалась теория происхождения всех религиозных мифов из астральных представлений, отрицалась историчность Христа, подчеркивалась реакционность всякой религии; двухтомный труд Сегюра-старшего «Историческая и политическая картина Европы»: двухтомник Ренодо «Перевороты империй, королевств, республик и прочих важных государств» и др.[28]

Отдельным лицам удавалось иногда провозить из Запрутской Молдавии в Бессарабию запрещенные французские издания. И тогда власти, спохватившись, организовывали их поиск и изъятие. Настоящая погоня, например, была устроена летом 1835 г. за уже упомянутой выше Е. Стурзой в связи с тем, что она среди других книг привезла в Днестровско-Прутское междуречье из Ясс трехтомное произведение Pradz Parés «L'Europe et l'Amerique depuis le congrés d'air-la-Chapell» (Rouen, 1821). Попытки полиции найти сочинение оказались, однако, тщетными, так как Е. Стурза, побывав с книгой поочередно у своих бессарабских родственников и знакомых, выехала обратно в Яссы.[29]

В Запрутской Молдавии цензурный режим был не столь жесток, как в Российской империи второй четверти XIX в., что было явно не по душе царскому правительству. Пользуясь пребыванием русских войск в Дунайских княжествах в 1828—1834 гг., оно всеми силами препятствовало распространению прогрессивной литературы и на территории Запрутской Молдавии. После вывода войск из княжеств в 1834 г. в инструкции консулу России Минчаки прямо указывалось, что одна из его главных задач заключается в том, чтобы «препятствовать господарям давать хотя бы малейшую поблажку развитию ниспровергающих идей».[30] Именно

[28] *Левит Е. Д.* Указ. соч. С. 74—76.
[29] ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, д. 2259, л. 48—56.
[30] Цит. по: *Гроссул В. Я.* Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20—30-е годы XIX века). М., 1966. С. 366.

с деятельностью царских чиновников мы связываем запрещение в 30-е гг. XIX в. постановки в Дунайских княжествах трагедии Вольтера «Брут», представления которой с большим успехом шли здесь в предыдущем десятилетии.[31] Когда царские войска в 1848 г. подавили революционные выступления в Дунайских княжествах и заняли их на некоторое время, то приток прогрессивной общественно-политической литературы через их территорию в Бессарабию резко сократился. Это являлось следствием оккупационного режима, введенного в княжествах русскими властями на основе заключенной с турками в 1849 г. Балта-Лиманской конвенции, предусматривавшей координацию совместной борьбы против всяких проявлений революционного движения. Великий русский писатель А. И. Герцен в связи с этим писал, что царизм установил и за пределами империи свои «цензуры» в Яссах и Бухаресте.[32]

Сочинения французских просветителей пользовались широкой популярностью среди населения Молдавии. Многие из них были переведены на молдавский язык. В 1772 г., например, по заказу Иордакия Дэрмэнеску, исправника Нямецкого уезда, Константин Стэнческу переводит популярный в эпоху Просвещения философско-утопический роман Фенелона «Приключения Телемака», в котором подвергался критике деспотизм правителей и отстаивались принципы просвещенной монархии. Также по заказу И. Дэрмэнеску в 1787 г. архидьякон Герасим переводит «Тайну франкомасонов», содержащую многие передовые по тем временам идеи.[33] Интерес к франкмасонству в Молдавии проявлялся длительный период. Архивные материалы показывают, что осенью 1810 г. молдавский боярин Иордакий Катаржи во время поездки в Париж приобрел и привез в княжество грамоту парижского масонского общества, знак ордена общества, письмо к новопринятому собрату, 5 книжек, содержащих правила общества.[34]

С усилением национально-освободительного движения в Молдавии получили распространение переведенные в 1782 г. (по другим данным около 1770 г.) произведения Вольтера, направленные против турецкого ига на Балканах: «Королев-

---

[31] *Camariano-Cioran A.* Academiile domneşti din Bucureşti şi Iaşi. Bucureşti, 1971. P. 230.

[32] *Герцен А. И.* О развитии революционных идей в России. М., 1958. С. 81.

[33] Catalogul manuscriptelor româneşti. Bucureşti, 1913. Vol. 2. P. 53, 174—175.

[34] ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 1901, л. 17—19.

ские дебаты у правителей Европы», «Перевод поэмы Жана Плокофа, советника Гольштейна по текущим делам». В 1790, 1799, 1800 гг. издается в Молдавии работа Вольтера «История Карла XII».[35]

Одной из первых работ Монтескье, появившейся в Молдавии в 1784 г., является «Арзас и Исмения». Пропаганда на ее страницах идей просвещенной монархии привлекала деятелей культуры княжества. Ион Кантакузен переводит ее на молдавский язык в 1794 г. Правда, к этому времени отдельные идеи Монтескье из его фундаментального труда «О духе законов» уже были известны в Молдавии благодаря изданию в Яссах на молдавском языке в 1773 г. «Наказа» Екатерины II.[36]

В 1794 г. И. Кантакузен излагает на молдавском языке комедию Ж. Ж. Руссо «Нарцисс, или Влюбленный в самого себя». Через два года он переводит написанный в духе высоких нравственно-моральных принципов историко-пасторальный роман Флориана «Нума Помпилий». Этот же роман в 1795 г. также перевел Алеку Белдиман. Через 25 лет Белдиман осуществил издание этого романа на молдавском языке.[37]

Популярность сочинений французских просветителей на территории Молдавии возрастает в первой половине XIX в. А. Белдиман переводит трагедию Вольтера «Орест», которую он и опубликовал в Буде в 1820 г. Это же сочинение Вольтера изложил на молдавском языке Костаке Конаки. Будучи почитателем «патриарха из Ферне», Конаки перевел также отдельные главы из поэмы «Генриада», в которой осуждалась феодальная анархия и пропагандировались идеалы просвещенного абсолютизма, из трагедий Вольтера «Заира» и «Альзира, или Американцы», направленные своим содержанием на защиту естественных прав человеческой личности. Осенью 1823 г. Негруци заканчивает перевод на молдавский язык сочинения Вольтера «Мемнон, или Человеческий разум», главный герой которого выступал против деспотической формы государственного правления, беззаконий и злодеяний тиранов. В первой половине XIX в. в Молдавии

[35] *Булгару М. Д.* Влияние Монтескье на социологические воззрения К. Негруци // Очерки по истории философии. Кишинев, 1980. С. 108; Енчиклопедия Советикэ Молдовеняскэ (в дальнейшем — ЕСМ). Кишинэу, 1971. Вол. 2. П. 78.

[36] См.: *Грама Д. К.* «Наказ» Екатерины II и политико-правовая мысль Молдавии конца XVIII — начала XIX в. // Известия АН МССР. Сер. обществ. наук. 1986. № 1. С. 35—42.

[37] История литературий молдовенешть. Кишинэу, 1986. Вол. 1. П. 372—373.

получила широкое распространение проникнутая тираноборческим, республиканским пафосом трагедия Вольтера «Брут». В 1824 г. она переводится на молдавский язык Даниилом Скавинским, а в 1838 г. В. Попеску-Скрибан сделал новый перевод. Активным переводчиком сочнений Вольтера был Василе Погор. Он осуществил переводы трагедий «Дон Педро», «Заира» в 1837 г., «Генриада» в 1838 г.[38]

Осуществлялись переводы и других произведений французских просветителей. В 1824 г. К. Негруци завершил перевод нравственно-философской повести Мармонтеля «Венчание Елены». Через год Василий Вырнав перевел один из весьма распространенных в различных странах Европы эпохи Просвещения учебников по логике — «Логику» Кондильяка.

В рассматриваемый период в Молдавии получили распространение некоторые сочинения и документы, отражавшие ход Великой французской буржуазной революции. Так, например, программный документ — Декларация прав человека и гражданина, принятая Учредительным собранием 26 августа 1789 г., — стал известен в княжестве через месяц после его провозглашения во Франции.[39] В 1800 г. выходит на молдавском языке французское революционное сочинение «Обращение к народам» 1791 г.[40]

Проведенное нами исследование позволяет прийти к выводу о том, что в Молдавии получили распространение те произведения французских просветителей, которые по своему содержанию отвечали потребностям социально-экономического, общественно-политического и культурного развития княжества конца XVIII — первой половины XIX в. Эти сочинения оказали благотворное влияние на формирование мировоззрения молдавских читателей. Среди них были и те, кто стали со временем видными просветителями Молдавии.

---

[38] История литературий молдовенешть. Вол. I. П. 375, 440; ЕСМ, Вол. 2. П. 78.

[39] Magazin istoric. Bucureşti, 1976. № 12. P. 3.

[40] *Duţu A.* Mişcarea iluministă de la sfirşitul secolului al XVIII-lea // Studii-revista de istorie. 1966. № 5. P. 926—928.

М. П. Лепехин

ФРАНЦУЗСКАЯ КНИГА В БИБЛИОТЕКЕ А. В. КАЗАДАЕВА

Влияние французской книги на жизнь русского общества второй половины XVIII — первой четверти XIX века уже рассмотрено достаточно полно и всесторонне.[1] Не ставя перед собой задачи исследования и объяснения сложного феномена отечественной культуры — ее русско-французского двуязычия данного периода, оказавшего значительное (если не сказать, исключительное) влияние на последующую историческую судьбу России, — в настоящем сообщении мы намереваемся всего лишь рассмотреть иноязычную часть библиотеки одного из наиболее образованных русских людей первой половины XIX века — Александра Васильевича Казадаева. Ввиду того, что в отечественной историографии он в настоящее время полностью забыт, а его неизданные труды вообще никогда не являлись объектами исследования, нам представляется необходимым кратко охарактеризовать жизнь и труды Казадаева, тем более, что в советской справочной литературе сведения о нем отсутствуют, а три краткие заметки о нем в справочниках дореволюционных[2] не содержат ничего нового сверх его некролога, написанного П. А. Плетневым,[3] и

---

[1] Французская книга в России в XVIII веке: Очерки истории. Л., 1986.

[2] Энциклопедический словарь, изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг) и И. А. Эфрон (С.-Петербург). СПб., 1894. Т. 8. С. 882 (В. Е. Рудаков); Русский биографический словарь. СПб., 1897. Т. Ибак — Ключарев. С. 378; *Венгеров С. А.* Источники словаря русских писателей. СПб., 1910. Т. 2. С. 549.

[3] Отчеты имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1852—1865 годы, составленные по определению Академии академиками П. А. Плетневым, И. И. Давыдовым, А. В. Никитенко и К. А. Гротом. СПб., 1866. С. 116—117.

собранных М. И. Сухомлиновым скупых сведений о его деятельности в Российской академии.[4]

Несмотря на значимость положения Казадаева в иерархии петербургской бюрократии, а также на достаточно широкий и разнообразный круг его знакомств и родственных связей, ни жизнь, ни труды Казадаева не привлекали к себе пристального внимания — об этом можно судить по тому, что имя его почти не встречается в мемуарах и переписке современников. Основными источниками для его биографии являются послужные списки 1803, 1806 и 1825 гг.,[5] а также составленный П. И. Барановым биографический очерк о нем[6] для неоконченного словаря сенаторов, основанный на письмах к нему В. А. Казадаева, содержащих исключительно ценные биографические подробности о жизни отца.[7] Настоящее сообщение является первой попыткой сбора сведений о трудах и днях Казадаева; ввиду того, что и объем, и тематика данной статьи ограничены, мы вынуждены сообщить о его жизненном пути лишь самые краткие сведения.

А. В. Казадаев родился 28 сентября 1781 г. в семье отставного полковника;[8] за отцом его, происходившим из потомственного смоленского дворянства, было всего лишь 50 душ в Исасинской округе Смоленской губернии. С ранних лет жизнь Казадаева была связана с Петербургом: 16 марта 1788 г. он был зачислен кадетом в Артиллерийский инженерный кадетский корпус, бывший в то время одним из лучших учебных заведений России. 17 декабря 1795 г. Казадаев был выпущен в 1-ю роту конной артиллерии, учрежденную П. А. Зубовым; Казадаев был первым кадетом, одетым в новую форму, и в ней он был представлен Зубовым Екатерине II, вызвав ее живейший интерес. 17 июня

---

[4] *Сухомлинов М. И.* История Российской академии. СПб., 1881. Т. 5. С. 325—329. — (Сб. ОРЯС; Т. 22).

[5] Посл. сп. 1803 г. — РО ИРЛИ, ф. 320, № 797, л. 7—8; посл. сп. 1825 г. — там же, л. 1—6; посл. сп. 1806 (копия) — картотека Б. Л. Модзалевского.

[6] РО ИРЛИ, ф. 320, № 797, л. 9—16.

[7] ОР ГПБ, ф. 124, № 1885.

[8] Дата рождения указана по надписи на надгробном памятнике: *Николай Михаилович,* вел. кн. Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 2. С. 296—297. Посл. сп. 1803 г. указывает годом рождения 1777, а посл. сп. 1825 г. — 1774 год. Несомненно искажение формуляра для ускорения прохождения службы. В. А. Казадаев относит рождение отца к октябрю 1777 г. — последнее едва ли достоверно, ибо в том же письме он отнес свадьбу родителей к 1800 г. (вместе 1798) и свое рождение к 1805 г. (вместо 1806). Истинные же даты проверяются копиями из метрических книг, находящимися в деле о дворянстве Казадаевых: ЦГИА, ф. 1343, оп. 28, № 140, л. 4.

1796 г. Казадаев был назначен флигель-адъютантом в чине поручика при генерал-фельдцейхмейстере князе П. А. Зубове; спустя два месяца последовало производство в адъютанты с чином артиллерии квартирмейстера (IX класс). Ни смерть Екатерины II, ни опала Зубова не приостановили взлет карьеры Казадаева: после переименования 5 декабря 1796 г. в квартирмейстеры 21 декабря того же года Казадаев был произведен в капитаны, 11 декабря 1798 г. — в майоры, а 18 января 1800 г. был переведен инспекторским адъютантом в 5-й артиллерийский полевой батальон. В 1798 г. Казадаев женился на дочери именитого гражданина купца П. Балкашина, которому императрица Елизавета Петровна пожаловала дворянское достоинство и дала имя Резвого за то, что он отлично плясал трепака.[9] Жена Казадаева, Надежда Петровна Резвая (1775—1828), приходилась младшей сестрой графине А. П. Кутайсовой (176?—1848), бывшей в замужестве за всесильным любимцем императора Павла I графом И. П. Кутайсовым (1780—1840). Значительное приданое принесло Казадаеву материальную независимость. Женитьба способствовала так же и его дальнейшей карьере: 5 февраля 1800 г. он был произведен в полковники, а 3 августа того же года был пожалован почетным кавалером ордена Св. Иоанна Иерусалимского.

Вслед за своим начальником и многолетним покровителем А. И. Корсаковым Казадаев перешел из артиллерийской службы в горную. 20 мая 1803 г. он был назначен членом Берг-коллегии с переименованием из полковников в коллежские советники, но уже 10 декабря 1803 г. согласно прошению был уволен от службы «для определения к другим делам». По высочайшему утверждению нового устава Горного кадетского корпуса (преобразованного из Горного училища) 19 января 1804 г. Казадаев был назначен его командиром и непременным членом Совета Горного департамента. «Начиная с 1804 года во внутренней жизни Корпуса, в характере образования, даваемого воспитанникам, начинает проявляться новое направление: с этого времени обращено большое внимание не только на специальное, но и на общее гимназическое образование. Последнее постоянно более и более улучшалось, и Горный корпус приобрел громкую известность; в то время в столичном обществе существовало убеждение, что Горный корпус относительно научности и хорошего образования может считаться лучшим помещением для молодых людей. Вследствие подобного мнения, число

[9] Указание П. И. Бартенева. См.: Рус. архив. 1904. № 12. С. 554.

воспитанников Корпуса с каждым годом увеличивалось; в 1810 году в Горном корпусе училось до 300 человек».[10] За свои труды по руководству Горным корпусом (именно по представлению Казадаева по проекту А. Н. Воронихина было построено здание совр. Горного института) Казадаев был удостоен ряда наград: 31 декабря 1804 г. он был пожалован орденом Св. Анны 2-й степени, 1 января 1806 г. произведен в статские советники, 24 февраля 1809 г. награжден алмазными знаками ордена Св. Анны и 18 сентября 1811 г. произведен в действительные статские советники. Педагогическая деятельность Казадаева ценилась настолько высоко, что, уже не будучи корпусным командиром, он был назначен 12 декабря 1824 г. членом Главного правления училищ, а 5 января 1825 г. — членом Комитета для подробного обозрения положения учебных заведений и составления общего устава. Последний комитет был призван перестроить на разумных началах всю систему просвещения в России; кроме Казадаева в него входили И. М. Муравьев-Апостол (председатель) и М. Л. Магницкий при секретаре П. И. Кёппене; до мая 1826 г. состоялось 16 заседаний, которые Магницкий безуспешно пытался повернуть в русло пропаганды своих обскурантских воззрений.[11]

26 июля 1821 г. Казадаев был назначен обер-прокурором II отделения 5-го департамента Сената. В конце царствования Александра I служебная фортуна вновь улыбнулась Казадаеву: 30 декабря 1823 г. он был назначен обер-прокурором 1-го департамента Сената, 12 декабря 1824 г. был награжден орденом Св. Анны I степени, а 29 марта 1825 г. был пожалован в тайные советники, и ему было повелено присутствовать в Сенате и быть членом комиссии прошений. Кроме того, ему было повелено исполнять должность статс-секретаря у принятия прошений, что позволяло ему каждое воскресение бывать у императора для личного доклада. Александр I оказывал Казадаеву особенное благоволение и перед поездкой в Новороссию, столь несчастливо окончившуюся для него в Таганроге, имел с ним длительную беседу, в которой обнадежил Казадаева относительно его службы...

Несмотря на затаенную личную неприязнь, Николай I весьма дорожил Казадаевым как человеком честным, сведущим в законах и неподкупным. Так, после событий 14

[10] Научно-исторический сборник, изданный Горным институтом ко дню его столетнего юбилея 21 октября 1873 года. СПб., 1873. С. 45.

[11] *Рождественский С. В.* Историческое обозрение деятельности Министерства народного просвещения, 1802—1902. СПб., 1902. С. 176—177.

декабря 1825 г., будучи членом Верховного уголовного суда, по указанию императора Казадаев был назначен от Сената в Комитет для составления всеподданнейшего доклада; кроме него в этот важнейший орган суда вошли М. М. Сперанский (от Государственного совета) и А. М. Бороздин. Несмотря на обилие исследований, посвященных суду над декабристами, участие Казадаева в нем до сих пор внимания не привлекало, несмотря на наличие крайне любопытных о том материалов. В том же 1826 г. Казадаев также входил в высочайше утвержденный Комитет для исследования злоупотреблений в поставке лесов для кораблестроения, а затем получил секретное высочайшее повеление присутствовать вместо министра финансов при торгах на питейные откупа. По донесению начальника Главного штаба, на которого был возложен негласный надзор за торгами, благодаря личному участию Казадаева казна приобрела 1 589 960 рублей серебром. За ревностное несение службы Казадаев неизменно удостаивался высочайшей благодарности. 30 мая 1826 г. ему было повелено быть управляющим Департамента разных податей и сборов с оставлением его при прочих занимаемых им местах. В день коронации Николая I 22 августа 1826 г. Казадаев был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени.

Кончина горячо любимой жены 28 августа 1828 г. явилась глубочайшим потрясением для Казадаева и совершенно изменила его образ жизни. Согласно прошению «по расстроенному здоровью» 21 декабря 1828 г. он был уволен вовсе от службы с пенсионом по 1333 рубля серебром в год; крайняя незначительность пенсиона компенсировалась ежегодной арендой в 2500 рублей серебром. Выйдя в отставку, Казадаев полностью утратил интерес к служебной жизни петербургской бюрократии и практически перестал выходить из дома (что продолжалось два с половиной десятилетия), всецело посвятив себя историческим трудам. К сожалению, ввиду ограниченности объема данной статьи мы лишены возможности рассказать о них, упомянем лишь, что главным трудом его жизни явился сводный биографический словарь русских деятелей XVIII — начала XIX в., до сих пор не изданный. Находившийся в постоянном общении с Евгением (Болховитиновым), А. С. Шишковым, В. Г. Анастасевичем, Д. И. Хвостовым и другими знатоками отечественной истории, с которыми Казадаева роднила общность воззрений, Казадаев отдал этому труду более двух десятилетий, и содержащиеся в нем сведения, зачастую построенные на личных воспоминаниях, иногда имеют характер первоисточника.

Тем не менее, образ жизни Казадаева замкнутым было назвать нельзя — как о том свидетельствует А. Н. Мокрицкий,[12] в доме радушного и хлебосольного хозяина гости не переводились. Несмотря на обширный круг знакомств, тесную дружбу Казадаев поддерживал лишь с узким кругом лиц, известных ему с молодости. Это становилось делать все труднее: к началу 1830-х гг. многих либо уже не было в живых (Д. В. Ефимьев, В. И. и С. И. Висковатовы, Н. И. Ахвердов), либо они были далеко от Петербурга (А. П. Ермолов, И. П. Кутайсов, А. П. Брежинский, В. А. Глинка). Дом был постоянно наполнен гостями детей — Петра (1801—1885), Владимира (1805—?) и Софьи (1804—1864). Судьба каждого из них заслуживает самостоятельного повествования. Характеризуя же гостей, отметим, что сыновья были дружны со многими декабристами, а у Софьи (бывшей с 1824 г. в замужестве за П. Г. Галаганом) постоянно собирались во время ее приездов в Петербург жившие в Петербурге украинцы, в том числе Н. В. Гоголь, братья Кукольники, Н. А. Маркевич, К. М. Базили и др. Еще о двух молодых людях — постоянных гостях Казадаева мы скажем ниже при характеристике читателей его библиотеки.

Скончался Казадаев 15 мая 1854 г., был похоронен в родовой усыпальнице на кладбище имп. Фарфорового завода; до настоящего времени его могила не сохранилась.

Сообщив необходимые сведения о Казадаеве как о человеке и чиновнике, постараемся охарактеризовать его как читателя. Ввиду того, что до настоящего времени библиотека Казадаева не сохранилась, архив его дошел до нас далеко не полностью, а сохранившиеся материалы не существуют как единое целое, а также из-за ограниченного объема данной статьи мы постараемся дать в ней ответ лишь на самые основные вопросы о книжном собрании Казадаева, в частности о французских книгах в его библиотеке.

Когда возник у юного Казадаева интерес к книгам? Если учесть, что с раннего детства Казадаев почти не жил вне корпуса, а к выходу из него был уже заядлым книгочеем, то с уверенностью можно сказать, что любовь к книгам была привита юному Казадаеву в корпусе. Выше уже говорилось о том, что в директорство Мелиссино наряду с подготовкой кадет к артиллерийской службе значительное внимание уде-

[12] Дневник художника А. Н. Мокрицкого. М., 1975.

лялось их общекультурной подготовке; это выразилось, в частности, в комплектовании корпусной библиотеки помимо специальной также классической русской и европейской художественной литературой. Конкретным же лицом, приобщившим юного Казадаева к книге, явился А. А. Аракчеев. Несмотря на то, что к моменту поступления в корпус Казадаева, Аракчеев был уже произведен в поручики армии, он был оставлен при корпусе репетитором и учителем геометрии; спустя некоторое время ему было доверено преподавание артиллерии. Даже несмотря на откомандирование от корпуса в 1792 г., Аракчеев постоянно в нем бывал, сохранив за собой ряд должностей. Так, в списке учителей он числился даже по производстве в генерал-майоры в 1796 г. С 1785 по 1792 г. Аракчееву было поручено заведовать корпусной библиотекой, которая по подбору книг (прежде всего по математике и артиллерии) считалась одною из лучших в то время. «Библиотекарская деятельность, можно думать, развила в Аракчееве весьма и определенно выразившуюся впоследствии любовь к книгам и зародила в нем мысль создать свою библиотеку».[13]

На чем основаны наши знания о библиотеке Казадаева? В собрании исторических документов, принадлежавших редактору «Русской старины» М. И. Семевскому, хранится рукопись в лист, в сафьяновом переплете, на 86 листах (4 листа чистых).[14] На л. 1 рукой Семевского написано: «Опись библиотеки Александра Васильевича Казадаева»; в редакционной описи собрания «Русской старины» она ранее значилась под № 1144а. Бумага фабрики А. Ольхина с водяным знаком — стилизованным изображением голландского герба (лев со скипетром и пучком молний в овале под короной) относится к 1818—1819 гг.[15] Судя по почерку, каталог был составлен в два приема: после того, как по тематике (а внутри тематических разделов — по алфавиту) был составлен основной корпус, на свободные места вписывались дополнения.

Когда и кем был составлен данный каталог? Датой окончания работы над каталогом следует считать либо конец 1825 г. (которым датированы последние по срокам выхода из включенных в каталог книги — в частности, иными чернилами позднее вписаны «Кеппена надв. сов., Петра, Биб-

[13] *Жерве Н. П., Строев В. Н.* Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. СПб., 1912. Т. 1. С. 90.

[14] РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1155.

[15] *Кукушкина М. В.* Филиграни на бумаге русских фабрик XVIII — начала XIX в. // Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 333 (№ 406).

лиографические листы. С. П. Бург, 1825, в 4 д.»), либо самое начало 1826 г. Почерк, а также достаточно высокий уровень библиографического описания (далее в кавычках мы цитируем опись без исправлений и уточнений) заставляют предположить авторство В. Г. Анастасевича. Окончательное подтверждение нашему предположению мы находим при сличении данного каталога с подписанным Анастасевичем каталогом библиотеки митрополита Евгения (Болховитинова), составленным им в 1825 г.[16] Напомним, что в начале 1826 г. в связи с расформированием Комиссии по составлению законов Анастасевич остался без места и без регулярного заработка; ему был сохранен лишь годовой оклад по Министерству юстиции. Именно материальная неустроенность побуждала его в это время браться за самую разнообразную оплачиваемую работу (напомним, что именно с конца 1824 по 1826 г. в переписке с митрополитом Евгением, — кстати, хорошим знакомым Казадаева, — обсуждался вопрос о переезде Анастасевича в Киев на покой).[17] Однако едва ли будет правомерным сводить работу Анастасевича над каталогом библиотеки Казадаева к чисто материальным побуждениям или желанию угодить очередному покровителю — скорее всего, немаловажную роль здесь играла и радость страстного библиофила при встрече с уникальным собранием; опись изобилует ремарками Анастасевича типа: «Чрезвычайно редка», «Экземпляр отличной сохранности», «Крайне редка», «Роскошное издание» и т. п.

Что же представляла из себя библиотека Казадаева к концу 1825 г.? Вся библиотека была разделена Анастасевичем на пять «Отделений». I-е Отделение (лл. 2—9 об.) составили «Азбуки, грамматики, словари и прочия сочинения, споспешествующия к изучению языка и словесности; так же периодическия издания, заключающия в себе сочинения разнаго рода» (103 наименования в 244 томах); II-е Отделение (лл. 10—26 об.) — «Полныя сочинения Российских стихотворцев и прозаиков, Оды, послания, и прочия стихотворения, и сочинения отдельно напечатанныя; Театральные пиэсы, романы; различныя переводы с иностранных языков и всякия сочинения, к словесности относящиеся» (481 наименование в 584 томах); III-е Отделение (лл. 27—38) — «География всеобщая и частная государств; Статистика; Описание земель; Путешествия; Географическия словари; Атласы; Ландкарты и вообще все к Географии и Статистике относя-

[16] ЦГИА УССР, ф. 184, оп. 1, № 7.

[17] *Бриксман М. А.* В. Г. Анастасевич (1775—1845). М., 1958. С. 237.

щееся» (201 наименование в 262 томах); IV-е Отделение (лл. 38 об. — 53) карандашом было озаглавлено «Рос. кн.»; сюда вошли преимущественно сочинения, относящиеся к русской истории (328 наименований в 552 томах); V-е Отделение (лл. 53 об. — 61 об.) было карандашом обозначено «Учен.» — сюда вошли труды по точным и естественным наукам, руководства по военному делу, лечебники и поваренные книги (221 наименование в 288 томах). Особый раздел описи составил «Catalogue de Livres Français, Allemands, etc.» (453 наименования в 929 томах). Завершали опись «Гравированные изображения Российских государей, полководцев, министров, генералов, государственных чиновников, ученых и пр.» (126 портретов). Следовательно, к концу 1825 г. библиотека Казадаева состояла из 1787 наименований книг в 2859 томах, из которых 453 наименования в 929 томах были книгами иностранными.

Какие принципы были положены в основу комплектования библиотеки и как она пополнялась? Из описи явствует, что более 80% книг относятся к 1780—1810 гг., т. е. современны самому Казадаеву. Очевидно, что эти книги просто приобретались им по выходе в книжных лавках или дарились авторами. Для некоторых разделов библиотеки (в частности, для периодических изданий, французской беллетристики) доля современных Казадаеву книг в соотношении с общим числом книг данного раздела еще выше. Напротив, по разделам географии, истории, словарей все издания, заключающие в себе хоть какой-либо намек на «Россику», подбирались с первой половины XVIII в., нередки были книги начала XVIII в. и единичны — книги XVII в. Это может служить убедительным доказательством целенаправленных поисков «Россики» Казадаевым.

Насколько естественным явилось иноязычное вкрапление по отношению к общему массиву библиотеки Казадаева и какими языками он владел? Из корпуса Казадаев вынес знание двух языков — немецкого и французского; несмотря на то, что до 1795 г. в здании Корпуса находились также Греческая гимназия и Корпус чужестранных единоверцев, сведений о знакомстве Казадаева с какими-либо иными языками у нас нет. Немецкому языку в корпусе отводилась явно утилитарная роль по сравнению с французским. Про последний же Мелиссино писал: «Хотя и правда, что, судя по обороту, который уже около 20 лет приняли науки на Севере, благородное Российское юношество не имеет уже столь необходимой нужды во французском языке, какую оно в нем до сих пор имело, однакож правда и то, что сей язык всегда

будет нужен для того, кто недоволен будет тем, чтоб только прикоснуться к наукам, приличным его званию, и захочет далее в них проникнуть, а особливо человеку военного звания, в рассуждении фортификации, артиллерии, тактики, необходимо должно разуметь сей язык, для чтения авторов, которых Франция в разных сих частях на свет произвела. Итак, невозможно лишить питомцев корпуса столь нужной для них выгоды, которая открывает им путь к полезному чтению <...> Офицеры и надзиратели должны приучать молодых людей к чтению чужестранных авторов, смотря по классам, в которых они учатся, и стараться оное сделать для них приятным и полезным; чрез таковое соединение языков будущий воин в состоянии будет в самом источнике почерпнуть знания, нужные для услуг своему отечеству».[18]

Из 453 наименований иноязычных книг 435 были на французском языке, 13 — на немецком, 3 — на английском и одна — в двух экз. — на латинском («Reitss Bernardo. Specimen Historiae Rossorum. Pars prior. Charcoviae, 1811»). Причина появления одной из английских книг («Songs comic and satyrycal by George Alexander Stevens. Oxford, 1772») непонятна, так как этим языком Казадаев не владел; две же других, очевидно, были подарены ему авторами («A grammar of the pure and mixed east Indian dialectes, with dialogues affixed. By Herasim Lebedeff. London, 1801», «Svenin P. Sketches of Moskow and Petersbourg. Philadelphia, 1813»). Немецкие книги относятся либо к разделу «Rossica» (труды Г.-Ф. Миллера, И.-Г. Георги, П.-С. Палласа, И.-П. Фалька, Г.-Х. Лангсдорфа), либо к наставлениям по военному искусству; приобретались только книги, отсутствующие в переводах на французский или русский языки. Вообще все немецкие труды (в частности, по военной истории, столь им любимой) Казадаев предпочитал иметь во французских переводах. Содержание же французского раздела библиотеки столь обширно и разносторонне, что невольно вспоминается один из главных педагогических принципов Мелиссино: «Должно знать все примечания достойные происшествия, случившиеся в продолжении нескольких веков <...> проходить карты всех европейских государств, с изъяснением земного шара».[19] Как уже отмечалось выше, наиболее значимым разделом франкоязычной части собрания явилась подобранная почти с исчерпывающей полнотой современная Казадаеву «Rossica». С от-

---

[18] *Жерве Н. П., Строев В. Н.* Указ. соч. С. 77—78.
[19] *Жерве Н. П., Строев В. Н.* Указ. соч. С. 131.

носительной полнотой была представлена и географическая литература вообще, для систематизации которой Анастасевич ввел подразделы, указывающие на части света, к которым относятся описания путешествий. Историческая литература была посвящена в основном истории XVIII в., причем в центре внимания Казадаева была Семилетняя война; в частной переписке Казадаев, следуя Вольтеру, именовал середину XVIII в. «эпохой Фридриха Великого». Что же касается Великой французской революции и наполеоновских войн, то, судя по менее тщательному подбору литературы, эта эпоха занимала Казадаева несравненно. меньше. Литература по военной истории значительно превалировала над руководствами по военному искусству; чисто специальные книги по артиллерийской тактике или математике были единичны (очевидно, Казадаев предпочитал пользоваться корпусной библиотекой). То же относится и к конкретным руководствам по горному делу, а также к изданиям по российскому законодательству, которых в библиотеке Казадаева почти не имелось.

Каталог библиотеки Казадаева позволяет высказать некоторые предположения о мировоззрении ее владельца. Как это ни покажется странным, книг духовного содержания на русском языке вообще нет (если не считать таковыми «Слова и речи» Феофана Прокоповича). Вся духовная литература представлена в библиотеке Казадаева исключительно Священным Писанием — «Bible, la Sainte, qui contient le Vieux et Nouveau Testament. London, 1814» и «Evangile du jour, sec. éd. Londres, 1772, 7 vol.». Традиционный репертуар масонской книги также отсутствует; из новиковских изданий духовного содержания имеются «Засецкого Александра: Книга премудрости Иисуса сына Сирахова. М., 1777» и «[Феофан Прокопович]. Рассуждение о книге Соломоновой Песни песней. 2-е изд. М., 1784». Сочинения И. В. Лопухина представлены «Изображением мечты равенства и буйной свободы. М., 1794» и «Мнением о единоначалии, в стихах» (ср.: СК 3790, 3793) без каких-либо дополнительных сведений.

Каталог позволяет определить и симпатии Казадаева в отношении выдающихся мыслителей эпохи Просвещения. Произведения Кондильяка, Гельвеция, Робинэ, Мелье, Дешана, Кондорсе, де Бросса, Марешаля, Гассенди, д'Аламбера отсутствуют полностью, зато произведения Монтескье, Вольтера, Руссо и Фридриха Великого подобраны с достаточной полнотой: «Montesquieu. 1) Considerations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence. P., 1802; 2) De l'ésprit des loix. P., 1803, 5 vol.; 3) Lettres Per-

sanes. P., 1803, 2 vol.; 4) Lettres familieres. Rome, 1767; Voltaire. Oeuvres completes. Aux Deux-Ponts chez Sauson, 100 volumes; Rousseau Jean Jacques. 1) Les confessions, suivies du promeneaux solitaire. Geneve, 1782; 2) Nouvelle Heloise. Neuchatel, 4 volumes, 1766; 3) Emile ou de l'éducation. Londres, 4 vol., 1771; 4) Discouns sur le retablissements des sciences et d'autres pièces. Amsterdam, 1776; 5) Correspondanse originale et inédite avec M-me Latour et M. de Peiron. 3 vol. P., 1803; Frederic, Roi de Prusse. 1) Oeuvres publiées du vivants de l'auteur. 1790, 4 vol.; 2) Oeuvres posthumes. 1789, 13 vol.; 3) Oeuvres publiés du vivans de l'auteur, suivant la copie imprimée à Berlin chèz Vas et Decher. 1791, 4 vol.». Если причина полного отсутствия произведений первых и почти исчерпывающего подбора вторых может быть объяснена читательскими интересами Казадаева, не интересовавшегося сочинениями на чересчур отвлеченные темы, то причина отсутствия произведений Дидро, а также «Энциклопедии», непонятна.

Если художественная литература на французском языке подбиралась с гораздо меньшей тщательностью, чем беллетристика на русском, где Казадаев стремился с исчрепывающей полнотой подобрать все произведения в лучших изданиях всех более или менее выдающихся русских писателей XVIII — начала XIX в., то подобная тщательность в отношении французских авторов соблюдалась не всегда. Отдельные произведения редки, французская беллетристика закупалась преимущественно собраниями сочинений или, в худшем случае, les oeuvres choisies. Строгого порядка в расположении французской беллетристики в библиотеке Казадаева, по-видимому, не было: так, в основном иноязычном корпусе каталога, где книги, как правило, располагались в алфавите авторов (лл. 67—73, 74 об.—75), перечислено 377 наименований книг в 818 томах. Дополнения к ним на буквы А-К вписаны непосредственно в текст; они оказались переплетенными вместе с дополнениями на буквы L-Z (лл. 73 об.—74, 75 об.—77). После каталога гравированных портретов оказался еще один черновой список из 16 наименований французских книг в 29 томах (в отличие от всех остальных книг они не были оценены; об оценке мы скажем ниже); там же далее был приведен и список не упомянутых в каталоге французских авторов (33) без указанйя каких-либо сведений о них и о их книгах (лл. 83—85).

Кто, помимо самого Казадаева, пользовался его библиотекой? Сохранившаяся часть переписки Казадаева свидетель-

ствует о том, что ряд петербургских знакомых постоянно брали у него книги для чтения, в том числе французские. Так В. И. Висковатов брал у него математические труды Лапласа, Монжа, Лагранжа, Гарнье.[20] Не меньший интерес вызывала и «Rossica» — усердным читателем этого раздела был, в частности, П. П. Свиньин.[21] Помимо сторонних читателей были и домашние — дети, а также родственники жены — Кутайсовы и Резвые, в частности, ее племянник М. Д. Резвый (1807—1853) — известный живописец, музыкант, а также художественный и музыкальный критик, избранный в 1843 г. членом-корреспондентом имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности. Особо следует упомянуть еще одного читателя библиотеки Казадаева — его дальнего родственника, великого русского композитора М. И. Глинку, по приезде в Петербург некоторое время у него жившего, а в дальнейшем постоянно у него бывавшего.[22] Круг чтения М. И. Глинки до сих пор не привлекал к себе особого внимания, и, очевидно, богатейшая библиотека Казадаева по русской истории сыграла немаловажную роль в становлении интересов композитора.

Как оценивалась библиотека Казадаева? В краткой статье мы лишены возможности проводить какие-либо сопоставления между книжным собранием Казадаева и современными ему однотипными книжными собраниями. Укажем лишь, что сравнение описи его библиотеки с книгами 1750—1810-х гг. на французском языке по разделу «Rossica» имп. Публичной библиотеки[23] показывает ту тщательность, с которой Казадаев комплектовал этот раздел. Анастасевичем произведена оценка библиотеки Казадаева и в плане материальном: после описания каждой книги стоит указание на формат, количество томов и цену. Сравнение оценок Анастасевича с оценками современных ему каталогов Плавильщикова, Сопикова или Смирдина было бы делом крайне интересным для истории отечественной книжной торговли, но в задачу нашей статьи оно также не входит.[24] Укажем лишь на то, что вся

---

[20] ОР ГПБ, ф. 325, № 14, л. 13.

[21] Там же, № 78, л. 1.

[22] Взаимоотношениям Глинки и Казадаева мы намериваемся посвятить особую работу.

[23] Bibliothèque Impériale publique de St.-Pétersbourg. Catalogue de la Section des Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères. T. 1—2. St.-Pétersbourg, 1873.

[24] Представляется целесообразным издать текст составленных Анастасевичем каталогов библиотек митрополита Евгения (Болховитинова) и Казадаева как ценнейший источник по истории отечественной культуры.

библиотека Казадаева была оценена Анастасевичем в 19 571 руб. 95 коп., из них стоимость русских книг (1334 наименования в 1930 томах) составила 11 489 руб. 95 коп., иноязычных (453 наименования в 929 томах) — 7454 руб. и гравированных портретов (126) — 628 руб.

Как сложилась дальнейшая судьба книжного собрания Казадаева? По его кончине в 1854 г. библиотека осталась в доме, по наследству перешедшем к старшему сыну Петру. По выходе в свет первых номеров «Русской старины» он, по-видимому, познакомился с Семевским и предоставил в его распоряжение часть семейного архива, в том числе и составленную Анастасевичем опись, которая тут же была испещрена карандашными пометами, а на л. 1 появилась запись: «Собственный дом. Шпалерная. Ген-лейт. Казадаев». Характер помет и почерк указывают на то, что опись побывала в руках у Н. П. Дурова — профессора начертательной геометрии Института путей сообщения, владельца собиравшейся им более 30 лет уникальной библиотеки книг на всех языках о России; содержавшаяся им в строжайшем порядке библиотека была сделана по особым дням общедоступной.[25] Дуров был дружен с Семевским, постоянно ему помогая в поисках материалов для «Русской старины». В архиве «Русской старины» сохранилось письмо Дурова к Семевскому, предположительно датированное 1874 г., где речь идет о покупке библиотеки; из приложенного к тексту письма списка книг можно догадаться, что речь идет о библиотеке Казадаева (в тексте письма он не назван). Вот текст письма:

Многоуважаемый Михаил Иванович!

Я выписал из каталога все интересное, дорогое и редкое; крестом отметил те книги, которых у меня нет. Если некоторые из них попадут мне и пополнят мое собрание, я, кроме удовольствия душевного, буду чувствовать к Вам нескончаемую благодарность; каждый раз, когда мне попадется одна из подобных книг, благодарность эта будет возрастать и т. д. до бесконечности.

Преданный Вам Н. Дуров.

P. S. Если не удастся добыть от Его Превосх<одительства> книги честью, можно некоторые купить. Стоит».[26]

К письму был приложен обширный список наиболее примечательных книг (более 400 наименований), из которого,

[25] *Овсянников А. Н.* Профессор Николай Павлович Дуров. (Из моих воспоминаний) // Русская старина. 1880. № 6. С. 643—650.
[26] РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 967.

ввиду ограниченности объема статьи, мы публикуем лишь иноязычную часть (буквой Д и курсивом обозначены карандашные пометы Дурова на тексте Анастасевича):

1. * Amusemens philologiques. S. Petersbourg. 1794, 4 vol. in 8 — 4 — 10-

2. Catherine, Imperatrice de Russie: Correspondance avec le Chevalier de Zimmermann. Breme. 1808, in 8 — 1 — 5-
Russica C-1165

3. Cantemir, Prince de, Conceiller-privé Russe: Satyres, trad. de Russe, avec l'histoire de sa vie. Londres. 1749, in 16 — 1 — 10-
NB. Ouvrage assez rare.
Russica C-80

4. Duval, oeuvres de, 2 vol., doré sur. trav. [СПб., 1784] — 2 — 15-
Д.: *(большая часть книги занята перепиской с девицей Соколовой о русском дворе, Бецком и т. п.)*
Russica D-1060; СК т. 3, прил. IV, № 11.

5. * Entretien d'un vieu habitant de Moscou avec un soldat Français. Petersbourg. 1812, in 8 — 1 — 1-
Russica E-347

6. * Marc, Antoine: trad. de l'Allemand. Zoographie de Livonie, de Courlande et d'Estonie. Riga. 1807, in folio, avec de belles gravures — 1 — 10-

7. Pallas: Tableau phisique et topographique de la Tauride. S.-Petersbourg. 1795, in 4 — 1 — 4-
Russica P-49; СК 2128

8. Tableau des provinces situées sur la coté occidentale de la mer Caspienne, entre les fleuves Terek et Kour, par Biberstoin. St-Petersbourg. 1798, in 4 — 1 — 6-
Russica M-475; СК 431

9. Burja: Observations d'un voyageur sur la Russie et la Prusse. Maestricht. 1787, in 8

10. Coxe: Voyage en Pologne, Russie, Suede, Danemark, trad. de l'Anglois par Mallets, orné de cartes, portraits, plans et figures. Geneve. 1786, 2 vol., in 4 — 2 — 36-
Russica C-1326

11. Craven, milady: Voyage à Constantinople, par la Crimée en 1786, trad. de l'Anglois. Paris. 1789, in 8, avec des planches et cartes — 1 — 9-
Russica C-1352

12. * L'été du Nord, ou Voyage autour de la Baltique, par le Danemark, la Suede, la Russie et partie de l'Allemagne, en 1804, par John C., trad. de l'Anglois, par Bertin. Paris. 1808, 2 vol., in 8, orné de gravures — 2 — 18-

13. Falks: Beyträge zur topographischen Kenntniss der Russischen Reichs. 3 Theile. S. Petersbourg. 1785, in 4, mit Karten und Kupfern **Russica F-31**	3	40-
14. Georgi, Iochan Gottlieb: Bemerkungen einer Reise im Russischen Reiche, im Jahre 1772—774. — 2 Theile. St. Petersbourg, in 4, mit Kupfern **Russica G-335**	2	30-
15. Güldenstädt, Johan Anton: Reisen durch Russland und im Kaukasischen Gebürge. 2 Theile, in 4, mit Kupfern [S. Petersburg, 1787—1791] **Russica G-1328; CK 1201**	2	30-
16. Memoires historiques et géographiques sur les pays situés entre la mer Noire et la mer Caspienne, avec deux belles cartes géographiques et un voyage en Crimée et dans les parties meridionales de la Russie. Paris. 1797, in folio NB. Une tres bonne édition et de très belles cartes. **Russica M-758**	1	25-
17. Olearius, Adam: Voyages très curieux et très renommés, faits en Moscovie, Tartarie et Perse en 1633—39, traduit par Wicqueforth. Leyde. 1718, 2 vol. Grand in folio, avec des cartes, des vues et plusieurs gravures **Russica O-310**	1	100-
18. Pallas: Sammlung historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. [S. Petersburg, 1776—1801], 2 Theile, in 4, mit Kupfern Д: *(Книга редкая, породила массу книг и брошюр, авторы которых несомненно обкрадывали Палласа, не упоминая о нем)* **Russica P-38; CK 2157**	2	30-
19. * [Struve J. Ch.]. Voyage en Crimée, suivi de la rélation de l'ambassade Russe, envoyée de Petersbourg à Constantinople en 1793, publié par un jeune Russe, trad. de l'Allemand par Delamarre. Paris. 1802, in 8 **Russica S-2908**	1	7-
20. * Voyage historique de l'Europe, tome VII, qui comprend la Moscovie. Amsterdam. 1718, in 16 Д: *(вероятно, Voyages historiques dans le nord de l'Europe. Изд. в 10 том.)*	1	4-
21. Voyage philosophique, politique et literaire, fait en Russie en 1788—89, trad. de Hollandois, par Chantreau. Paris. 1794, 2 vol. in 8, avec cartes et gravures Д: *(Шантро не был в России и его путешествие компиляция из соч. Кокса и др.)* **Russica C-486**	2	18-
22. Wraxoll: Voyage au nord de l'Europe, à Copenhague, Stockholm et Petersbourg, tr. de l'Anglois. Rotterdam. 1778, in 8 **Russica W-903**	1	7-

23. Chappe d'Auteroche, l'abbé: Voyage en Sibérie, fait en 1761. Paris, 3 vol., 1768, in folio, enrichi de cartes et très belles gravures
Un bel atlas pour ce voyage
NB. Très bel éxemplaire d'une magnifique execution, papier velin, doré sur tr., relié en maroquin rouge 3 1 160-
Д: *Роскошное и дорогое издание, вызвавшее соч. Екатерины II «Антидот».*

24. * Rélation des avantures de quatre matelots Russes à Spitzbergen, par Leroi. [S. Petersbourg]. 1766, in 12 1 1-50
Russica L-668; CK-1716

25. * Renovantz: Nachrichten von der Altaischen Gebürgen. Reval. 1788, in 4, mit Kupfern 1 10-
Russica R-957; CK 2345

26. Algarotty, compte: Lettres sur la Russie avec l'histoire de la guerre de 1735, trad. de l'Italien. Londres. 1769, in 12 1 6-
Russica A-450

27. Dorville, contant: Les fastes de la Pologne et de la Russie. Paris. 1770, 2 vol., in 12 2 15-

28. [Lanjuinais, de]. Eloge de Catherine II, Imperatrice de Russie, historique. Londres. 1776, in 8 1 5-
Russica L-281

29. [Marbault]. Essai sur le commerce de Russie avec l'histoire de ses découvertes. Amsterdam. 1777, in 8 1 5-
Russica M-382

30. * [Anthing, Fr.]. Histoire des campagnes du marechal Souvoroff. Paris: 3 vol. 1802, in 8, avec portraits 3 20-
Russica A-814

31. [Mauvillon de, E.]. Histoire de Pierre 1er, surnommé le Grand, Empereur de toutes les Ruses. Amsterdam. 1742, in 4, avec des plans et des gravures 1 25-
Russica M-602

33. Lacombe: Abregé de l'histoire du Nord où des Etats de Danemarch, de Russie, de Suede, de Pologne, de Russie, de Courlande etc. 2 vol. Paris. 1777, in 8 2 18-

34. Lacombe: Histoire des revolutions de l'Empire de Russie, nouv. édit. Amsterdam. 1778, in 8 1 7-
Д: *(оба соч. Лакомба компиляции из иностранных источников)*
Russica L-46

35. Manstein, général: Mémoires historiques, politiques et militaires. sur la Russie, nouvelle édition, augmentée de plans et de cartes, avec la vie de l'auteur. Lyon. 1772, 2 vol., in 8
NB. Ouvrage très interessant et assez rare. 2 30-
Russica M-356

36. * Memoires sur les Samoyedes et les Lapous. Copenhague. 1766, in 8	1	3-
37. * Les deux notes du chargé d'affaire de Russie à la cour de St. Cloud. 1805, in 12	1	1-
38. Pinkerton: Recherches sur l'origine et les divers établissements de Scythes ou Gots, tr. de l'Anglois, avec une carte du monde connu des anciens. Paris. 1804, in 8 **Russica P-666**	1	12-
39. * Retzow: Nouveaux mémoires historiques sur la guerre de sept ans, tr. de l'allemand, 2 vol. Paris. 1803, in 8	2	20-
40. Scherer, Jean-Benoix: Annales de la petite Russie où histoire des Cosaques Saporogues et des Cosaques de l'Ukraine. Paris, 2 vol. 1788, in 8 **Russica S-420**	2	15-
41. * Scherer, Jean-Benoix: Histoire raisonnée de commerce de la Russie, 2 vol. Paris. 1788, in 8 **Russica S-418**	2	15-
42. Stolenverck: Recherches historiques sur les principales nations établies en Sibérie, lors de la conquette des Russes, tr. de Russe. Paris. 1808, in 8	1	8-
43. Tooke: Histoire de l'empire de Russie, tr. de l'Anglois. Paris, 6 vol., 1801, in 8 **Russica T-601**	6	60-
44. Tott, Baron: Mémoires sur les Turcs et les Tartares. Amsterdam. 1784, 4 parties, in 8, avec des plans et des gravures **Russica T-723**	2	30-
45. * Wagner: Mémoires sur la Russie, la Sibérie et le royaume de Casan, tr. de l'Allemand. Berne. 1790, in 8, avec le portrait et des gravures **Russica W-40**	1	7-50
46. Abriss des Lebens und der Regierung der Kaiserin Katharina II. Berlin. 1797, in 8, mis Portreten Д: *(автор Бистр)* **Russica B-1283**	1	6-
47. Annalen der Regierung Katharina der Zweyten. Erster Band. Leipzig. 1798, in 8 Д: *(Шторха)* **Russica S-2808**	1	5-
48. Müller: Sammlung Russischer Geschichte, im 9 Bänden. S. Petersbourg, 1732—64, in 8 **Russica M-1165**	9	50-

49. * Le Clerc: Réflexions philosophiques, sur l'éducation en lettre à Mr. du Pons. Petersbourg, 1772, in 8 1 6-
СК 1690

50. * Levesque: Ode sur la paix conclue entre la Russie et la Porte en 1774 1 -50
СК 1731

51. * Narischkine, senateur Russe: Quelques idees de passetems et ressouvenir sur la Russie. 1792, in 8 1 7-
СК 2040

52. * Reponses à plusieures passages de M. Chateaubriand sur Buonaparte et les Bourbons. S. Petersbourg. 1814, in 8 1 3-

53. * Stroganoff, Conseiller-privé-actuel et Senateur Russe, Alexandre Compte de: Catalogue raisonné de sa collection des tableaux. S. Petersbourg. 1793, in 8 1 2-
Russica S-232; СК 2800

54. Potozky, Jean, Compte de, Conseiller-privé Russe: Histoire ancienne du gouvernements de Cherson. S. Petersbourg. 1804, in 4 1 3-
Russica P-1142

55. * Potozky, Jean, Compte de, Conseiller-privé Russe: Histoire ancienne du gouvernements de Podolie. S. Petersbourg. 1805, in 4 1 3-
Russica P-1145

56. * Considerations politiques et philosophiques sur les affaires presentés du Nord et particulierement sur celles de Pologne. Londres. 1774, in 8 1 6-

Дальнейшая судьба библиотеки Казадаева сложилась, очевидно, следующим образом. Можно предположить, что часть библиотеки, отмеченная карандашом в описи Анастасевича и перечисленная в письме Дурова, перешла к нему и Семевскому от П. А. Казадаева «честью» или за плату. По кончине Дурова 22 января 1879 г. его огромное собрание «Rossic'и» было продано Э. Гартье, который с целью приближения столичной книготорговли к европейскому рынку, основал в 1877 г. в Петербурге книготорговую фирму «Российская библиография». Вероятнее всего, что именно к Гартье и поступили по кончине П. А. Казадаева в 1885 г. остатки библиотеки его отца. Значительная же часть собрания Дурова была сразу же приобретена П. Я. Дашковым и вел. кн. Николаем Михаиловичем; судя по каталогам «Российской библиографии» (а в дальнейшем — по каталогам петербургского товарищества «Посредник»), остатками дуровского собрания фирма торговала до начала 1890-х гг., когда книжные

запасы магазина погибли при пожаре. Более благополучно сложилась судьба архива Казадаева: незадолго до кончины архив был по его распоряжению переплетен, и большая часть его была в 1870-е гг. увезена В. А. Казадаевым в Москву; исторические труды были переданы им П. И. Бартеневу для Чертковской библиотеки, а пять томов переписки были в конце 1880-х гг. приобретены Ф. Ф. Мазуриным (ныне в ЦГАДА); еще два тома переписки (в т. ч. один том — с А. П. Ермоловым) был приобретен имп. Публичной библиотекой. Документы, относящиеся к государственной деятельности Казадаева, были переданы П. А. Казадаевым Семевскому (ныне в РО ИРЛИ). Незначительная часть семейной переписки была увезена С. А. Галаган на Украину.

Подобно тому, как сам Казадаев в последние годы жизни казался молодым современникам неким реликтом екатерининской эпохи и служил для них неисчерпаемым источником сведений о людях «времен Очаковских и покоренья Крыма», так и составленный Анастасевичем каталог его библиотеки позволяет нам еще лучше понять, сколь значимое место занимала французская книга в круге чтения образованных русских людей рубежа XVIII—XIX веков.

М. М. Сафонов

ФРАНЦУЗСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПУБЛИКАЦИИ О СМЕРТИ ПАВЛА I В «ИСТОРИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ» А. И. ГЕРЦЕНА И Н. П. ОГАРЕВА

В 1859 г. А. И. Герцен и Н. П. Огарев выпустили в свет первую книжку «Исторического сборника» Вольной русской типографии в Лондоне. В сборнике были помещены документы, принадлежавшие четырем царствованиям Романовых. К павловскому времени относился всего один документ. Он содержал «Отрывок из дневника современника» и повествовал об убийстве Павла I, по словам Герцена, — «единственном интересном эпизоде его царствования».[1]

Роль герценовской публикации в «рассекречивании прошлого», в разоблачении «тайны» Зимнего дворца давно уже выяснена советскими исследователями.[2] Проделана большая работа и по изучению рукописей этого важного для истории мартовских событий документа: в архивах выявлен целый ряд списков, идентичных герценовской публикации, а также близких, но не совпадающих с ней, возникших до и после выхода в свет «Исторического сборника».[3] Однако главный вопрос, что же представлял собой этот не вполне понятный

---

[1] Смерть императора Павла I (Отрывок из дневника современника) 11 марта 1801 г. // Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Книжка первая. 1859. М., 1971. С. 46—61. (Далее — ИС).

[2] *Желвакова И. А.* Рассекречивание прошлого в годы первой революционной ситуации. (На примере публикаций «Исторических сборников Вольной русской типографии в Лондоне» о дворцовом перевороте 1801 г.) // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1974. С. 207—223.

[3] И. А. Желвакова выявила три списка: в архиве «Русской старины» (ОР ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 93), в бумагах М. И. Семевского (там же.

во многих отношениях документ, до настоящего времени оставался неразрешенным.

В «Отрывке из дневника современника» бегло излагалась предыстория антипавловского заговора, инициатором его назывался П. А. Пален, военный губернатор столицы, кратко освещались его тайные контакты с наследником вел. кн. Александром, рассказывалось о претензиях императрицы Марии Федоровны на российский престол. Центральное место в этом сочинении занимало описание действий заговорщиков в резиденции царя — Михайловском замке в ночь переворота. Пожалуй, сцена в опочивальне императора, закончившаяся расправой над царем, представляла собой самое подробное изложение обстоятельств убийства Павла I. «...Зубов и Бенигсен проникли в спальню императора. Зубов, не найдя Павла в постеле, закричал: „Великий Боже! Он спасся!“ Бенигсен более храбрый, сделав тщательный обыск, отыскал императора за панелью одной ширмы. Тогда он подходит к нему, салютует своею шпагою и объявляет, что он арестован, по приказанию императора Александра I, — что его жизнь будет сохранена, но чтобы он не делал ни малейшего сопротивления. Павел не отвечал ничего; при свете лампады можно было видеть все замешательство и ужас, которые выражались на его лице. Бенигсен, не теряя времени, сделал верный осмотр в его комнатах... Зубов беспрестанно повторял императору по русски: «Государь! Вы арестант императора Александра». «Как арестант?», — отвечал император; минуту спустя он прибавил: «Что же сделал я вам?» «В продолжение четырех лет вы тиранили нас», — отвечал ему один из заговорщиков.

Император был в спальном колпаке и на своей рубашке имел только фланелевую фуфайку; он стоял перед злодеями с голыми ногами; они же были в надетых на головах

ф. 274, оп. 1, № 438, л. 41—53 об.) в собрании Н. К. Шильдера (ОР ГПБ, ф. 859, к. 22, № 14, л. 262—270). См. подробно: *Желвакова И. А.* Указ. соч. С. 216—217; Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Книжка третья. Комментарии и указатели. М., 1971. С. 63. К этим спискам следует добавить еще один, сохранившийся в бумагах И. А. Шляпкина (Архив ЛОИИ СССР АН СССР, к. 154, № 23, л. 1—9 об.). Три последних списка носят название «Отрывок из дневника современника, одного из действующих лиц сей ужасной драмы». В качестве эпиграфа в этих списках помещено четверостишье: «Павле, Павле, кто тебя давле? Добрый барин, фон-дер Пален». Указанные списки содержать пометку в различных вариантах: «Списано с подлинной рукописи, хранившейся в архиве д. с. с Случевского. Рукопись написана в четверку [25 страниц] так называемым екатерининским почерком на старой грубой бумаге, чернила значительно пожелтели».

шляпах и с обнаженными шпагами в руках...

Между тем Платон Зубов начал читать акт отречения; Павел старался снова его тронуть; он обращается больше всех к Зубову, напоминает ему его неблагодарность и всю его дерзость. «Ты больше не император, — отвечает тот, — Александр наш государь». Оскорбленный этой дерзостью Павел ударил его; эта отважность останавливает их и на минуту уменьшает смелость злодеев. Бенигсен заметил это, говорит и голос его их оживляет: «Дело идет о нас, ежели он спасется, мы пропали».

Тогда Николай Зубов, первый поднял руку на своего государя, переломил ему правую руку и подал своею смелостью злодеям повод в их предприятиях. Если бы Павел сохранил хоть немного присутствия духа, он мог бы спастись или по потаенной лестнице, находившейся за его кроватью, или через покои императрицы; но страх его совершенно уничтожил, и, при первом шуме, он бросился под постель свою, без всякого размышления.

В то мгновение, когда они были заняты Павлом, был слышен некоторый шум; встревоженный Зубов бросился тотчас к в. к. Александру...

Со своей стороны Бенигсен, оставаясь в комнате Павла с малым числом заговорщиков, был в большом затруднении; не так бы было ему выгодно, если бы Павел вооружился шпагой, чтобы защищаться! Но несчастный царь не произнес ни одного слова и оставался постоянно недвижим.

Ему плевали в лицо, таскали по полу и таким образом увеличивали его смертный час; по бесчеловечной жестокости, убийцы били по самым секретным частям тела...

Бенигсен один только избегал участия в их поступках; он повторял только Павлу: «Не защищаться!» Едва Бенигсен вышел на одну минуту, чтобы засветить свечу в ближайшей комнате, как, входя, заметил Павла уже лежащего и задушенного шарфом, который снял с себя его адъютант Аргамаков.

Павел защищался уже весьма слабо; только он успел продернуть руку между шеей и шарфом, и сказал по французски: «Messieurs, au nom du ciel... épargnez moi... laissez moi le temps de... prier... Dieu...». Это были последние слова его. Бенигсен, видя, что Павел не подавал уже никакого признака жизни, положил труп на постель и закрыл голову его одеялом» (ИС. С. 54—57).

Существует несколько версий убийства Павла. Одна из них изложена в послании Л. Л. Бенигсена А. Б. Фоку, полу-

чившем характер открытого письма. Согласно этой очень тенденциозной версии, снимающей всякую ответственность за убийство с вождей заговора, заговорщики явились в спальню, чтобы арестовать императора, в тот момент, когда Бенигсен на минуту вышел в соседнюю комнату, пьяные офицеры расправились с Павлом.[4] Другая, более распространенная версия состоит в том, что заговорщики предложили царю подписать акт об отречении, но Павел отказался, затеял ссору, в ходе которой с ним и покончили.[5] Нетрудно заметить, что в «Отрывке из дневника современника» обе версии соединены вместе. При этом бросается в глаза целый ряд логических несообразностей. Рассказав о том, что заговорщики нашли Павла за ширмами, автор переходит затем к описанию драки, которую затеял царь, отказавшись подписать отречение. Упомянув о том, что Н. Зубов сломал царю правую руку, автор совершенно неожиданно сообщает, что первый шум, который произвели заговорщики, когда шли к спальне, испугал императора и он бросился под свою кровать. И это сообщается в тот момент, когда борьба между царем и заговорщиками уже в полном разгаре.

Вначале упоминается о том, что царь, упрекая Зубова за неблагодарность, первый ударил его, а несколькими абзацами ниже вдруг говорится: «Но несчастный царь не произнес ни одного слова и оставался постоянно недвижим». Через несколько строк встречается новая логическая несообразность. Вышедший из спальни Бенигсен возвращается и видит Павла, «уже лежащего и задушенного шарфом». Хотя царь уже мертв, но в следующем абзаце говорится: «Павел защищался уже весьма слабо», просунул руку между шеей и шарфом, молил о пощаде.

«Отрывок из дневника современника» имел дату 11 марта 1801 г., но в действительности он не являлся дневниковой записью. Описанные в нем события произошли в ночь с 11 на 12 марта, главным образом после полуночи и не могли быть зафиксированы 11-го числа. Да и в конце записи речь шла об отставке П. А. Палена, произошедшей во второй половине июня 1801 г., так что автор «Дневника» не мог знать об этом уже в первой половине марта. Кто же был этим «современником» или даже «действующим лицом», оставившим столь любопытное свидетельство? В поисках от-

---

[4] Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. СПб., 1908. С. 146—148.

[5] Там же. С. 87—89, 210—211, 383—385.

вета мы просмотрели основную массу заграничных публикаций о смерти Павла I и обнаружили, что пресловутый «Дневник», этот «загадочный», по словам Н. Я. Эйдельмана, документ[6] является литературной мистификацией, представляющей собой бесхитростную компиляцию двух анонимных французских публикаций о мартовских событиях 1801 г.: «Notice sur la mort de Paul Ier, Empereur de Russie» и «Mémoires pour servir á l'histoire de la conspiration contre Paul Ier».

Первая из них была издана дважды в 1806 г. без обозначения года и места издания на французском[7] и немецком[8] языках. В каталогах «Россики» Публичной библиотеки, опубликованных в XIX в., французский текст брошюры числится как изданный в Париже в 1820 г.[9] К. Валишевский и И. А. Желвакова упоминают об издании 1810 г., не указывая источника своих сведений.[10] Однако справочники не содержат никаких данных о такой публикации. На французском[11] и немецком[12] экземплярах брошюры, хранящихся в отделе «Россика» Публичной библиотеки, есть чернильные пометки, в которых дата «1820» исправлена карандашом на «1806». Очевидно, что это исправление верно, так как анонимная статья «Paul der Erster gemaltsamer Tod», опубликованная в «Europaische Annalen» за 1807 г.[13] упоминает о «Notice», изданной в 1806 г. (ссылка на «Europaische Annalen» есть на французском экземпляре «Notice» в ГПБ). Согласно справочникам, автором этого сочинения являлся секретарь французского посольства в Петербурге Р. Шатожирон (Réné Charles Hippolite de Châteaugiron).[14] Однако в воспоминаниях барона де Баранта сообщается о том, что эта «Notice» была составлена неким Прево (Prévost), чиновником при

---

[6] *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. М., 1982. С. 179.

[7] Notice sur la mort de Paul Ier, Empereur de Russie. S. l., s. a.

[8] Ueber den Tod Paul I, Kaiser von Rusland. S. l., 1806.

[9] Материалы к проекту Полного каталога сочинений о России, на всех иностранных языках изданных. СПб., 1851. С. 51; Каталог отделения Россики или сочинений о России на иностранных языках. СПб., 1878. Т. 1, ч. 2 (C—E). С. 220—221.

[10] *Waliszewski K.* Le Fils de la Grand Catherine Paul Ier, Empereur de Russie, sa vie, son régne et sa mort. 1754—1801. Paris, 1912; *Желвакова И. А.* Рассекречивание прошлого... С. 21.

[11] ГПБ. 13.4.2.420.

[12] ГПБ. 13.4.2.429.

[13] Paul der Ersten gemaltsamer Tod // Europaische Annalen. 1807. Dritter Band. S. 3.

[14] Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1878. T. 27. P. 480.

французском после в России Гедувиле.[15]

Что же касается второй публикации, то в 1819 г. известный писатель Генрих Цшокке в издаваемых им «Исторических материалах нашего времени» обнародовал на немецком языке анонимную французскую рукопись «К истории заговора против Павла I и воцарения Александра I»,[16] автором которой, по-видимому, был Л. Л. Бенигсен.[17] В следующем году текст публикации в сокращенном виде был напечатан во французской «Bibliothèque Historique».[18]

Именно эта публикация получила широкое распространение в Европе.[19] В 1826 г. Альфонс Рабе воспроизвел эту публикацию в своей «Истории Александра I», вышедшей из печати в Париже[20] и Брюсселе.[21] В том же году Генрих Лойд подготовил сокращенное издание этой книги, увидевшей свет в Лондоне на английском,[22] в Штутгарте на немецком,[23] а три года спустя и в Копенгагене на датском[24] языках. В том же 1826 г. парижский «Revue Britanique» перепечатал в еще более сокращенном виде, нежели «Bibliothèque Historique»,[25] публикацию Цшокке, сославшись на «Literary Gazette»,[26] но не указав точных выходных данных.

И анонимная «Notice» и французская публикация «Mémoires» были хорошо известны русским читателям.[27] Один

[15] *Barante.* Souvenirs du Baron de Barante. Paris, 1890, Vol. 1. P. 79.

[16] Zur Geschichte der Verschworung gegen Paul I und der Thronbesteigung Alexander I // Uerberlieferungen zur Geschichte unserer Zeit Gesammelt von Heinrich Zschokke. Aarau, 1819. Juli-Dezemb. S. 340—352.

[17] *Loewenson L.* The Death of Paul I (1801) and the Memoires of Count Benigsen // The Slavonic and East European Review. 1950. T. 29, № 72. P. 212—232.

[18] Bibliothèque Historique, ou recueil de matériaux pour servir à l'histoire du temps. Paris, 1820. T. 13. P. 257—269.

[19] В библиотеках СССР этой публикации нет. Мы пользовались экземпляром Парижской Национальной библиотеки.

[20] Mémoires pour servir à l'histoire de la conspiration contre Paul Ier // Rabbe A. Histoire d'Alexandre I. Empereur de Tout les Russies et des principaux événements de son règne par Alph. Rabbe. Paris, 1826. Vol. 1. P. 297—313.

[21] Idid. Bruxelles, 1826. Vol. 1. P. 255—268.

[22] *Lloyd H. E.* Alexander I. Empereur of Russia or a sketch of his life and of the most important events of his reign. London, 1826. P. 6—29.

[23] *Lloyd H. E.* Alexander I. Kaiser von Russland. Stuttgart, 1826.

[24] *Lloyd H. E.* Alexander I. Empereur of Russia. London, 1826 / Traduit en Danois par H. E. Hellesen. Kopenhague, 1829.

[25] Récit de la mort de l'empereur Paul Ier // Revue Britannique. 1826. Fevr. 239—249.

[26] С публикацией английской «Литературной газеты» мы не имели возможности ознакомиться „de visu".

[27] *Barante.* Souvenirs du Baron de Barante. Vol. 1. P. 79; *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813—1848). М., 1963. С. 171—173, 428—429. В архивах

из них составил компиляцию этих двух сочинений. Мысль о такой компиляции могли подать известные в России французские книги о перевороте 11 марта, в которых пересказывались оба документа.[28] При этом они аттестовались как наиболее заслуживающие внимания. Русский компилятор взял за основу французский текст «Mémoires»,[29] включил в него несколько фрагментов из «Notice», устранил, правда, не совсем удачно противоречия между ними. Так был создан «Отрывок из дневника современника». Рукопись «Отрывка», как гласят некоторые списки, сохранилась в архиве К. А. Случевского. Вполне возможно, что именно К. А. Случевский (1784—1848), тайный советник, сенатор, проделал эту работу.[30] «Отрывок» в различных вариантах стал распространяться в списках. Один из них попал к А. И. Герцену и был опубликован Вольной русской типографией в Лондоне. Обнародование же «Отрывка» в России стало возможным только после первой русской революции. 59 лет спустя после лондонской публикации и независимо от нее П. И. Бартенев опубликовал по другому списку «Отрывок» на страницах «Русского архива».[31] Так причудливо переплелась судьба французских публикаций о смерти Павла I с историей

М. А. Погодина и И. В. Помяловского сохранились французские копии публикации «Mémoires» в полном (ОР ГПБ, ф. 231, оп. 3, к. 15, № 28, л. 1—7 об.) и сокращенном виде (ОР ГПБ, ф. 608, № 136. Т. 11, л. 124—125). Отдельные фрагменты этой публикации вошли в целый ряд сочинений о смерти Павла I. Одно из них сохранилось среди материалов А. И. Герцена (ЦГАЛИ, ф. 129, оп. 1, № 55), два других в архиве «Русской старины» (ОР ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 2378), еще одно в фонде III-го отделения собственной е. и. в. канцелярии (ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 214, № 144, л. 28—47 об.). См. подробно: *Желвакова И. А.* Рассекречивание прошлого... С. 217. Аналогичный список сохранился и в архиве Н. К. Шильдера (ОР ГПБ, ф. 859, к. 22, № 14, л. 140—150).

[28] *Chopin J. M.* Russie. Par M. Chopin. Vol. 2. Paris, 1838. P. 398—407; *Rabbe A.* Histoire d'Alexandre Ier ... T. 1. P. 22—23; 297—313; *Esneaux J., Chennechot.* Histoire philosophique et politique de Russie depuis les temps les plus reculés, jusqu'à nos jours. Par J. Esneaux et Chennechot. Paris, 1830. T. 5. P. 272—381.

[29] О том, что компилятор воспользовался именно французским текстом „Bibliothèque Historique", свидетельствует следующее обстоятельство. При переводе на французский язык публикации Цшокке для „Bibliothèque Historique" ряд фамилий был искажен. Так, например, капитан Семеновского полка Волков („Zur Geschichte...". S. 349) во французской транскрипции стал Малковым („Mémoires...". P. 265), а лейб-медик Виллие из „Belle" („Zur Geschichte...". S. 351) превратился в „Vettee" („Mémoires...". P. 268). Эти ошибки были повторены в «Отрывке», но только Волков стал теперь Майковым (ИС. 37).

[30] О нем см.: *Греков В.* Случевский К. А. // Русский биограф. словарь. СПб., 1904. Сабанеев—Смыслов. С. 638—639.

[31] Русский архив. 1914. Кн. 3. вып. 12. С. 443—453.

Вольной русской печати в Лондоне. Несомненно, французские издания внесли определенную лепту в разоблачение придворных тайн династии Романовых, что в конечном итоге способствовало дискредитации российского самодержавия.

М. И. Фундаминский

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ КНИГИ В КНИГОТОРГОВЫХ ОБЪЯВЛЕНИЯХ ГАЗЕТЫ «САНКТПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ» XVIII В.

На страницах газеты «Санктпетербургские ведомости» (далее — СпбВ) книготорговая реклама стала появляться с первых лет издания. Вначале это были отдельные редкие объявления. Позже, по мере расширения в России издательской и книготорговой деятельности, такие объявления стали непременной частью каждого номера.

Книготорговая реклама в газетах уже попадала в поле зрения исследователей. Ее обзор сделан в книге В. О. Осипова «Русская книготорговая библиография» (М., 1983). Весьма плодотворно газетные объявления применяла в своих работах по истории книжной торговли в конце XVIII — начале XIX в. А. А. Зайцева.[1] Однако возможности газетной книготорговой рекламы как источника еще отнюдь не исчерпаны.

В настоящее время книготорговые объявления расписываются в связи с проводимой в Библиотеке Академии наук СССР работой по подготовке указателей к газете СпбВ XVIII в. Ниже мы будем говорить о потенциале книжной рекламы как источника по истории книги на примере материалов газеты за 1774 г.[2] Этот год выбран нами потому, что

---

[1] *Зайцева А. А.* «Кабинеты для чтения» в С.-Петербурге к. XVIII— нач. XIX в. // Русские библиотеки и частные книжные собрания. Л., 1979. С. 29—46; *Зайцева А. А.* Новые материалы о русских книжных лавках в С.-Петербурге в к. XVIII — нач. XIX в. // Книжное дело в России в XVI—XIX вв. Л., 1980. С. 116—143; *Зайцева А. А.* Иностранные книготорговцы в С.-Петербурге в к. XVIII—нач. XIX в. // Книготорговое и библиотечное дело в России в XVII—перв. пол. XIX в. Л., 1981. С. 29—51.

будучи достаточно репрезентативным, он был использован для отработки методики составления указателей.

Однако прежде несколько слов о самих объявлениях. В каждом из них сообщалось о наличии в той или иной книжной лавке или у отдельного торговца одной или — чаще — нескольких книг для продажи с указанием их цены. Обычно рекламодатель заказывал повторения своего объявления в двух-трех номерах газеты. Поэтому в каждом номере помещалось одно-два первичных объявления и несколько повторных. Изредка газета печатала целые каталоги («росписи») изданий, выпущенных, например, Академией наук или «Собранием, старающимся о переводе чужестранных книг».

Говорить о сколько-нибудь правильном библиографическом описании упомянутых в объявлениях книг, разумеется, не приходится — названия чаще всего искажались, фамилия автора нередко отсутствует, о выходных данных и речи нет. Поэтому, работая с объявлениями, приходится заниматься весьма кропотливой идентификацией рекламируемых изданий. Ниже в качестве иллюстрации приведены слева образцы описаний из объявлений, а справа установленные библиографические описания.

Добродетельная Сицилианка или приключения Маркизы Албелини 90 к.	*Ламбер К. Ф.* Жизнь добродетельной сицилианки, или Приключения маркизы Албелины / [Пер. с фр. А. Лятошевич]. Ч. 1—2. [М.], печ. при Имп. Моск. ун-те, 1767. 306 с. 8°.
Правила для офицера в воинской службе находящагося 20 к.	*Дмитриев-Мамонов Ф. И.* Правила, по которым всякой офицер следуя, военную службу с полным удовольствием продолжать может. [М.], печ. при Имп. Моск. ун-те, 1771. 31 с. 8°.
Доброй муж 25 к.	*Мармонтель Ж. Ф.* Способ, изведанный опытом, превратить ветреную и упрямую жену в постоянную и послушную, или Добрый муж, нравоучительная сказка / Пер. с фр. Ал. Пр. Спб., [тип. Акад. наук], 1773. 54 с. 12°.

Выписав из газетных объявлений 1774 г. все названия книг и журналов, мы получили картотеку, учитывающую 236 изданий.[2] Книг на иностранных языках среди них сравни-

[2] В это число не вошли книги, перечисленные в опубликованных газетой каталогах.

тельно мало — всего 26 названий, из которых лишь 12 (4 французских и 8 немецких) были привезены из-за рубежа, а остальные напечатаны в Петербурге и Риге.

Учитывая тематику настоящего сборника, рассмотрим рекламируемые через газету издания на французском языке. Среди них были «Almanac généalogique de Brunsvih Lunebourg pour l'année 1774» (в пергам. переплете с футляром), «Journal de Lecture ou Recueil pour les oisifs» (1775. Partie I), заказанное для России амстердамское издание французского перевода двухтомного сборника И. И. Бецкого «Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения» («Les Plans et les Statuts...») и знаменитое своей острой критикой феодально-абсолютистского строя произведение Г. Т. Рейналя «Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes» (это сочинение было приговорено к сожжению во Франции, а в России не могло быть издано при жизни Екатерины II, однако, как видим, в Петербурге можно было купить его иностранное издание). Следует, кроме того, отметить появление в газете от 27 июля объявления о продаже в «Вольной типографии» французских «ведомостей» (наряду с немецкими и голландскими).

Из франкоязычных изданий, напечатанных внутри страны, в газете за 1774 г. рекламировались напечатанные Гарткнохом в Риге «Mémoires du Madam Muller», ученые труды Л. Эйлера и Н. Фусса, а также несколько словарей и книг, имеющих текст на русском и французском языках (например, «Краткое понятие о всех науках» Ж. А. С. Формея или «Словарь, Французкою академиею сочиненный, с прибавлением российского языка»).

Однако основная часть картотеки (202 карточки) приходится на названия русских книг гражданской печати.[3] Правда, и здесь значительная доля (48 названий) принадлежит переводам с французского языка, среди которых следует назвать в первую очередь произведения Ф. А. М. Вольтера и Г. Б. Мабли (пер. А. Н. Радищева). Говоря о переводах, уместно упомянуть о возникшей во 2-й половине XVIII в. практике подачи в газету объявлений о готовящемся переводе той или иной иностранной книги. Переводчики стремились таким образом избежать дублирования и ненужной конкуренции. В 1774 г. было дано 5 таких объявлений (из них 2 о переводах с французского).

[3] В основном это издания 1773 и 1774 гг. Среди них встретилось лишь 19 книг, вышедших между 1764 и 1772 гг.

Большинство книг на русском языке удалось идентифицировать по «Сводному каталогу русской книги гражданской печати XVIII века» (М., 1962—1975. Далее — СКРК). При этом даже на таком ограниченном материале, какой может дать один годовой комплект газеты, объявления позволяют дополнить и уточнить репертуар отечественной книги.

Любопытные дополнения удалось, в частности, сделать к библиографии изданий А. П. Сумарокова. Так, в номере от 5 августа 1774 г. было опубликовано объявление книготорговца К. Миллера, среди других книг упоминающее «Дополнение к духовным стихотворениям г. Сумарокова». СКРК не учитывает это издание как самостоятельную публикацию. Объявление же свидетельствует о том, что оно продавалось отдельно от сборника «Духовные стихотворения».

В другом объявлении (31 окт.) среди произведений Сумарокова упоминаются «Надписи воспитанным девам». Такого названия в СКРК нет, однако в прижизненном «Полном собрании всех сочинений в стихах и прозе» (ч. 1, 1781, с. 269—270) в разделе «Надписи» опубликовано 5 надписей (XVII—XXI), посвященных Воспитательному дому благородных девиц. Первая из надписей начинается словами: «Сие жилище посвятила Вторая Екатерина **девам**, дабы **воспитанные** в нем...» и т. д. (выделено мною. — М. Ф.). Кроме того, в ЛО Архива Академии наук СССР, в делах за тот же 1774 г. удалось обнаружить резолюцию академического начальства от 24 октября, то есть за неделю до объявления в газете, о напечатании сочинения Сумарокова «Надпись на Воспитательный девичий дом».[4] Очевидно, речь идет о листовом издании, которое, скорее всего, не дошло до наших дней.

Книгопродавческие объявления в СпбВ помогают также уточнить некоторые датировки изданий. В частности, «Ода ея имп. величеству государыне Екатерине II, имп. всероссийской на замирение России с Портою Отоманскою» М. Н. Муравьева приведена в СКРК вообще без года издания (т. 2, № 4374). Объявление в номере газеты от 12 августа 1774 г. позволяет датировать ее не позднее этой даты. Если же учесть, что в том же объявлении указаны еще две «оды на заключение мира» — И. Владыкина и М. М. Хераскова, которые точно датируются 1774-м годом и тоже посвящены только что заключенному Кючук-Кайнарджийскому миру, то датировку муравьевской оды 1774-м годом можно считать установленной.

---

[4] ЛО ААН, ф. 3. оп. 1, № 545, л. 307 об.

Перевод польской народной книги о Совизжале «Похождении новаго увеселительнаго шута и великаго в делах любовных плута, Совест-Драла, Большаго Носа» СКРК датирует по филиграням не ранее 1775 г. (т. 2, № 5578). Газетное объявление в номере от 26 августа дает возможность уточнить датировку как книги, так и филиграни — 1774 г.

Самое раннее из целого ряда русских переводов «Сокращенной псалтири» Псевдо-Августина СКРК описывает так: Сокращенная псалтирь учителя Августина. [М., Унив. тип., не позднее 1779] (т. 1, № 37). В газетном объявлении от 4 ноября эта книжка упомянута в ряду «новонапечатанных» изданий. Большинство из них датированы 1774-м годом.

Еще три издания: перевод сатирической поэмы в прозе «Студент Клаус кандидат, или Первая проповедь» (т. 3, № 6930), «Любопытный месяцеслов на 1775 год» В. Г. Рубана (т. 3, № 6110) и «Республика ученых» Диего де Сааведра Фахардо (т. 3, № 6251) СКРК уверенно или предположительно датирует 1775 г. Теперь, имея доказательства в газетной рекламе (соответственно от 4 июля, 1 августа и 5 декабря 1774 г.), мы можем передвинуть дату их появления на год раньше.

Особую группу в репертуаре отечественной книги XVIII в. составляют цельногравированные издания. Библиография их разработана крайне слабо: СКРК их, как правило, не учитывает, а «Русские народные картинки» Д. А. Ровинского (Спб., 1881), «Каталог летучих изданий» Н. П. Лихачева (Спб., 1895), «Каталог русских иллюстрированных изданий 1725—1860 гг.» Н. А. Обольянинова (Т. 1—2. М., 1914—1915) и «Русские гравированные книги XVII—XVIII веков» С. А. Клепикова (Книга. Исслед. и материалы. Сб. 9. М., 1964. С. 141—177) представляют собой лишь подготовительные материалы для будущего каталога. Газетные же объявления дают интересные дополнительные сведения, в частности о гравированных календарях. Наряду с таким широко известным изданием, как «Брюсов большой календарь» (1 августа) в газете от 10 января рекламировались «Стенный месяцеслов на 1774 г.» на русском и немецком языках (СКРК. Разыск. издания, № 999) и «Гадательный календарь на 1774 г. с вопросами и ответами, в который записывать можно выигрыш и прогрыш». К этой же группе относится гравированная на меди «Гадательная книжка от премудрости царя Соломона» (17 июля). Н. П. Лихачеву она была известна лишь в более позднем издании — 1793 г. Эти гравированные издания заслуживают особого внимания, ибо они

выходили весьма значительными тиражами для массового читателя.

Не менее интересны сведения о гравированных **миниатюрных** книжках, предназначенных, очевидно, для более узкого круга любителей. Это «Гравированный месяцеслов в турецком сафьяне, в томпаковом или медном под лаком футляре которой не более двухкопеешника» (14 января) и «Детской маленькой календарь в медных полированных с резною работою футлярах, переплетенной в Турецком сафьяне под золотым обрезом... величиною в грошевик» (14 февраля). Обе книжицы продавались в Сухопутном кадетском корпусе, и можно предположить, что именно в его типографии они и были изготовлены. Похоже, что эти не дошедшие до нас миниатюрные календари относятся к числу первых отечественных изданий такого рода.

В СпбВ за 1774 г. упоминается также восемь названий кириллических книг. Среди них «Изложение православной веры» Иоанна Дамаскина (5 августа), «Новый катехизис» (10 января) и еще две «Азбуки», «Букварь», «Псалтырь следованная», «Миней четьих год» и «Библия» (все 3 июня). Большинство этих изданий не поддается надежной идентификации по существующим каталогам.

Завершая обзор сведений о русских книгах, рекламируемых в газете 1774 г., добавим, что в их числе были издания, напечатанные за границей. В объявлениях от 18 июля, 16 сентября и 29 декабря голландские купцы Блом и Фан Цантен, проживавшие в Большой Морской улице в доме камергера А. И. Нарышкина, сообщали о продаже книги «Житие государя императора Петра Великого» (варианты заглавия: «История о Петре Великом», «История Петра Первого»), «на русском языке по 5 р. без картин». По-видимому, речь идет о венецианском издании 1772 г. книги З. Орфелина «История о житии и славных делах императора Петра Первого» (в 2-х частях. — СКРК, т. 2, № 5027). Еще раньше, 14 января сообщалось, что книга «Житие Петра Великого, императора всероссийского, 2 тома, печатанныя в Венеции, по 16 р. в переплете» продается «в рынке против Хрустальной линии в шкафу под № 7». 9 мая эту же книгу (но по цене 15 р.) рекламировал петербургский книгопродавец К. В. Миллер. Значительная разница в цене объясняется, очевидно, наличием в двух последних случаях большого количества гравюр, карт и планов, а также переплета.

Газетные объявления позволяют сравнить издательскую и коммерческую активность отдельных учреждений и книготорговцев. Сделать эти материалы наглядными можно с по-

мощью таблицы (см. табл. на с. 142), которая фиксирует продукцию конкретной типографии, реализуемую через конкретного книгопродавца. В местах пересечений указано количество названий рекламируемых книг.

Из таблицы видно, что лидером среди книгопродавцев в 1774 г. был Карл Вильгельм Миллер (его лавка находилась в Луговой Милионной). Он дал наибольшее количество

Типографии	Книгопродавцы														
	Миллер	Торно	Академ. кн. лавка	Тип. морск. кадет. корпуса	Кн. лавка Моск. ун-та	В Сухоп. кадет. корп. Маркелов	В Сухоп. кад. корп. С. Шель	Шубоц	При Синоде	Тип. Воен. коллегии	Пастор Грот	Майер (Меер)	Блом фан Цантен	Петер (Ивер) Гримм	*Всего*
Тип. Академии наук	37	25	36					5							103
Тип. Моск. ун-та	33	12		4	16		1								66
Тип Морск. кадет. корп.	11	3		13			1	1							29
Тип. Сухоп. кадет. корп.	11	3				7	3								24
Тип. Арт. кадет. корп. Шнор	8						1								9
Тип. Воен. коллегии	1					3				2					6
Синодальная тип.									6						6
Сенатская тип.	2														2
Гарткнох (Рига)	2														2
Продукция зарубеж. типографий	4										8	2	1	1	16
Тип. не указана	2	4				2	1								9
Всего	111	47	36	17	16	12	7	6	6	2	8	2	1	1	272*

* Выше указывалось, что в объявлениях 1774 гг. рекламировалось 236 книг. Такое расхождение объясняется тем, что одна и та же книга могла продаваться в разных лавках, а в таблице приводится количество книг, рекламируемых каждым книгопродавцем.

объявлений, в которых рекламируется наибольшее количество книг и периодических изданий. При этом Миллер сотрудничал со всеми типографиями Петербурга и Москвы (кроме Синодальной), с рижским издателем Гарткнохом, а также торговал книгами, привезенными из-за границы. Заметим, что Миллер — единственный из книготорговцев — брался распространять журналы.

Следом за Миллером идет переплетчик и книготорговец Христиан Торно («в Луговой Милионной в новопостроенном от Луга крайнем директора Трифона Познякова доме»), который тоже был связан со многими крупными типографиями, однако брал от них на комиссию меньше книг, чем Миллер.

Академическая книжная лавка, торговавшая тогда исключительно изданиями Академической типографии, была в относительно привилегированном положении. В газете, издаваемой Академией наук, она могла давать свою рекламу бесплатно. И действительно, ее объявления отличаются от других тем, что повторяются не троекратно, а по 4—6 раз. Однако общее число рекламируемых изданий относительно невелико. Между тем частные книгопродавцы весьма активно торговали продукцией Академической типографии. Объяснить это можно тем, что через Академическую лавку продавались только те издания, которые были подготовлены в самой Академии наук ее сотрудниками. В то же время риск распространения книг, напечатанных в Академической типографии по заказам частных лиц (они составляли примерно половину репертуара), Академия на себя, как правило, не брала. Хотя, быть может, тогдашний руководитель книжной лавки И. Я. Вейтбрехт лишался тем самым определенной прибыли, которую, вероятно, получили Миллер и Торно.

Московский университет также имел свою книжную лавку в Петербурге. До ноября 1774 г. она располагалась «против Суровской линии Гостиного двора в доме купца Шарова», а с осени перебралась в дом генерал-полицмейстера Чичерина. Здесь тоже продавались книги и журналы только собственной типографии и объявлений было сравнительно немного. В Синоде и в типографии Военной коллегии также торговали только собственной продукцией. Зато переплетчики, работавшие при типографиях Морского и Сухопутного кадетских корпусов (в последнем их было двое — Маркелов и Шель), брали на комиссию и чужие издания. Небольшую торговлю вел, кроме того, переплетчик Шубоц (в доме «по берегу Мьи реки против главной полиции»).

Мы уже упоминали о том, что зарубежными изданиями в Петербурге торговали К. В. Миллер и голландцы Блом и

Фан Цантен. По одному объявлению о продаже иностранных книг поместили в газете также лютеранский пастор Грот («на Васильевском острову во 2 линии»), переплетчик Меер «в Малой Милионной в доме бригадира Фурсова») и некий Петер (Ивер) Гримм («на Мойке в первом деревянном доме от полиции»). Таким образом, благодаря газетной рекламе уточняется и состав участников петербургского книжного рынка.

Выше отмечалось, что газетная реклама фиксировала сведения о ценах на книги. Благодаря этому выясняется, что у разных книготорговцев одни и те же книги иногда стоили неодинаково (как в случае с книгой З. Орфелина). Имея данные за ряд лет (для этого нужно использовать также книготорговые каталоги), можно будет судить о колебаниях цен на книжном рынке страны.

Разумеется, материалов одного годового комплекта недостаточно для каких-либо серьезных выводов и обобщений. Однако дальнейшее изучение газетной книготорговой рекламы, несомненно, поможет нам расширить источниковую базу книговедения.

И. В. Саверкина, В. А. Сомов

РЕЕСТР КНИГ А. Д. МЕНШИКОВА

Библиотека А. Д. Меншикова (1673—1729) уже давно привлекает внимание историков,[1] однако по сей день состав книжного собрания этого выдающегося государственного деятеля Петровской эпохи остается недостаточно изученным. Продолжая ранее выполненные исследования, мы публикуем «Реэстр посланным в Москву книгам, описным в пожитках Меншикова немецким и францусским, галанским, латинским и полским Санкт-Петербурского гварнизона Невского полку с адъютантом Лодыженским», хранящийся в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР.[2]

Реестр представляет собой рукописную тетрадь на 24 страницах, написанную несколькими почерками 1-й трети XVIII в.

---

[1] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 235; *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1892. Т. 2, кн. 2. С. 1078; *Луппов С. П.* Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 229—231; *Долгова С. Р.* О библиотеке А. Д. Меншикова // Русские библиотеки и их читатель (Из истории русской культуры эпохи феодализма). Л., 1983. С. 87—98; *Она же.* Книголюб или книгочей? Найдена опись библиотеки Александра Меншикова // Неделя. 1983. № 26. С. 14; *Калязина Н. В., Дорофеева Л. П., Михайлов Г. В.* Дворец Меншикова. М., 1986. С. 103, 105; *Лазарева Т.* Что же он читал? // Вечерний Ленинград. 1987. 28 нояб.; *Саверкина И. В., Сомов В. А.* Библиотека государственного деятеля Петровской эпохи. (О книжном собрании А. Д. Меншикова) // Шестая всесоюзная конференция по проблемам книговедения «Книга и культура». Секция библиофильства: Тезисы докладов. М., 1988. С. 15—16; *Саверкина И. В.* К истории библиотеки А. Д. Меншикова // Книга в России. XVI—середина XIX в.: Книгораспространение, библиотеки, читатель: Сб. науч. трудов. Л., 1987. С. 37—45.

[2] Архив ЛОИИ, ф. 226 (БАН), оп. 1, д. 168, 22 л. (лл. 13—22 чистые). Коллекция рукописей БАН, включающая разнообразные материалы, была передана в Архив ЛОИИ в 1931 г. (Путеводитель по Архиву Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. М.; Л., 1958. С. 371). Реестр не относится к комплексу бумаг Меншикова, хранившихся с середины XVIII в. в Библиотеке Петербургской Академии наук (ныне Архив ЛОИИ ф. 83 Походная канцелярия кн. Меншикова).

на голландской бумаге того же времени.[3] Реестр входит составной частью в корпус документов, связанных с одной из крупнейших в XVIII в. конфискаций имущества в пользу казны. После опалы и ссылки Меншикова были конфискованы не только его земельные владения и заводы, но и многочисленные дома, наполненные разнообразным имуществом, включая и книжное собрание. Конфискация имущества одного из богатейших людей России проводилась с большой тщательностью: по каждому из его домов составлялась опись, где учитывалось все — от обоев и мебели до мелких личных вещей.

После составления первичных описей, делались вторичные описи, отражавшие дальнейшую судьбу конфискованного имущества, например предметов, отобранных для дворцов Петра II, поскольку значительная часть вещей Меншикова была перевезена в 1728—1730 гг. в Москву, где в основном находился двор императора.[4] Например, в 1729 г. из Петербурга в Москву были перевезены золотые медали из коллекции князя.[5] Хотя реестр не имеет даты, его можно отнести также к этому времени.

Конфискованному имуществу князя велся строгий учет, что приводило к появлению многочисленных оригинальных и копийных документов. Поэтому не исключена возможность обнаружения списков данного реестра или других материалов, относящихся к этому вопросу (например, документов о получении в Москве книг, отправленных из Петербурга).

Книжное собрание Меншикова было рассредоточено по его многочисленным домам в Петербурге, Москве и других городах. Правомочно предположить, что большая и наиболее ценная его часть находилась в резиденции на Васильевском острове. При конфискации по этому дому было составлено 30 описей;[6] они в настоящее время не обнаружены, но известно, что капитаном Сурминым, адъютантом Стареевым и бывшим служителем Менщикова В. Думашевым была составлена опись книгам, находившимся в этом доме в двух шкафах.[7]

---

[3] Бумага с филигранью: Амстердамский герб, литеры IBRV. Филигрань сходна с указанной Э. Хивудом (№ 405) и датируемой 1729 г.: *Heawood E.* Watermarks mainly of the 17th and 18th centuries. Hilversum (Holland), MCML.

[4] ЦГАДА, ф. 248, оп. 5, кн. 234, л. 337—441.

[5] *Саверкина И. В.* Неизвестная коллекция Петровского времени. Нумизматическое собрание А. Д. Меншикова // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1987 г. М., 1988. С. 343—350.

[6] ЦГАДА, ф. 248, оп. 5, кн. 234, л. 441 об—443.

[7] Там же, л. 442.

Может быть, публикуемый нами документ и является этой описью.

Реестр состоит из двух частей, озаглавленных «в полате 1-го нумера 16 нумеров», «полата 2-го нумера». Он содержит описания примерно 170 изданий (около 300 томов). Реестр указывает сокращенное название книги, как правило в русском переводе, язык, число томов, формат. Изредка указывается автор и никогда не называется место и год издания. В распределении книг в реестре очевидна систематизация по формату, языку и частично по тематике. Правомочно предположить, что описывались книги, находившиеся в одном или нескольких шкафах, так, как они были расставлены ранее. В процессе составления реестра их снимали с полки одну за другой и фиксировали. В этой работе, видимо, принимали участие не менее двух человек. Один, владевший иностранными языками, диктовал названия книг, обычно в русском переводе, а другой записывал их, не всегда правильно расслышав и поняв, что нередко приводило к искажениям. Так, например, под № 132 в реестре значится «одна книга в осмушку на немецком языке юс бубликом». Имелось в виду «юс публикум» (публичное право).

Основываясь на данных реестра, во многих случаях можно говорить только о тематической и языковой характеристике книг. Что может дать исследователю описание типа «одна книга в осмушку на францеском языке о фортификации» (№ 49), «одна книга в осмушку на латинском языке медицынская» (№ 112), «одна книга в четверть на италианском языке матиматическая» (№ 169)? Но все же данные реестра позволили атрибутировать многие книги из собрания Меншикова, хотя часто те или иные издания указываются предположительно.

В настоящее время нельзя определить полный объем библиотеки Меншикова. В 1729 г. «Библиотек жерманик» сообщала, что она насчитывала 12—13 тыс. томов.[8] Эта цифра, известная до сих пор лишь по упоминанию Гадебуша в «Лиф-

[8] «Библиотека князя Меншикова была помещена, по приказу императора, в монастыре Св. Михаила близ Москвы. Она состоит, как говорят, из двенадцати или тринадцати тысяч томо́в, среди которых есть три тысячи весьма редких рукописей, которые прибыли из Константинополя, Исфахана и др.» (Bibliothèque germanique ou histoire littéraire de l'Allemagne, de la Suisse, et des pays du Nord. Amsterdam: Chez Pierre Humbert, MDCCXXIX. T. 17. P. 201). Возможно, имеется в виду Чудов Алексеевский Архангеломихайловский монастырь в Кремле, подле Большого дворца, известный своей библиотекой (*Денисов Л. И.* Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С. 427). Авторы признательны Н. А. Копаневу, указавшему на сообщение «Библиотек жерманик».

ляндском ежегоднике» 1783 г.,[9] не внушала доверия исследователям, которым было известно, что крупные русские библиотеки 1-й четверти XVIII в. содержали от 1 до 2 тыс. изданий (библиотеки Петра I, А. А. Матвеева, Я. В. Брюса).[10] Но сообщение «Лифляндского ежегодника» почти дословно совпадает с публикацией «Библиотек жерманик», относящейся непосредственно к периоду конфискации, что заставляет отнестись к этим сведениям более внимательно.

Могла ли быть у Меншикова такая библиотека? Пока неизвестно. Но Меншиков, первый генерал-губернатор Петербурга, имел лучший в столице дворец, который украшала живопись, скульптура, предметы декоративно-прикладного искусства.[11] Вероятно, у него было и значительное по тем временам книжное собрание. Напомним, что в 1726 г. Меншиков через Б. И. Куракина вел переговоры — окончившиеся неудачей — о приобретении огромной по тем временам библиотеки Кольбера.[12]

В реестре значатся книги по военному и морскому делу, политические трактаты, исторические труды, описания путешествий, сочинения по вопросам права, медицины, архитектуры, садово-парковому искусству. Здесь представлены издания Священного писания, труды по теологии, философии нравоучительная литература, различные грамматики, лексиконы и т. д. Среди книг Меншикова — хорошо известные в России того времени сочинения С. Пуфендорфа и Гуго Гроция (№№ 94, 152, 155). Президенту Военной коллегии, герою Северной войны были необходимы записки об артиллерии П. Сюрире де Сен-Реми (№ 28), труды по фортификации М. Кугорна и М. Дегена (№№ 12, 75). Генерал-губернатору Петербурга, принимавшему в своем дворце иностранных дипломатов, было полезно сочинение о «действах послов и министров» (возможно, А. Викфора — № 91). О важнейших событиях при европейских дворах сообщал политический журнал «Европейская молва», выходивший в Лейпциге, тем более интересовавший русских читателей, что в нем содержались и материалы о России (№ 116). Из «Россики» назовем также «Жизнеописание Петра Великого» на немецком языке (№ 89), книгу К. де Брюина «Путешествие через Московию

---

[9] *Gadebusch F.-C.* Livlandische Jahrbücher. Riga, 1783. Th. 4, Absch. I. S. 349.

[10] *Луппов С. П.* Указ. соч. С. 230.

[11] *Калязина Н. В., Дорофеева Л. П., Михайлов Г. В.* Указ. соч.; *Андросов С. О.* Об одной статуе из собрания А. Д. Меншикова // Сообщения Гос. Эрмитажа. Л., 1984. Вып. 49. С. 13—16.

[12] *Саверкина И. В.* К истории библиотеки А. Д. Меншикова... С. 40.

и Персию в Восточную Индию» на голландском языке (№ 9). К. де Брюин, голландский художник, дважды посетил Россию в 1702 и 1707 гг., был принят при дворе и встречался с Меншиковым, который, по словам путешественника, хорошо говорил по-голландски.[13]

Заголовок реестра неточно отражает состав перечисленных изданий. Помимо упомянутых французских, немецких, голландских и латинских книг в нем описаны издания на итальянском и английском языках. Польские книги лишь упомянуты в конце реестра суммарно.

В реестре преобладают книги на французском языке (примерно третья часть). Среди них: описания Парижа, Версаля и Марли (№№ 23, 41, 45), «Приключения Телемака» Фенелона (№ 65), басни Эзопа во французском переводе (№ 51), издание Ветхого и Нового завета, осуществленное пастором Д. Мартеном (№ 10).

Библиотека Меншикова органично вписывалась в общий контекст культуры Петровской эпохи. Секуляризация культуры, интерес к окружающему миру, науке, характерные для того времени, нашли отражение в подборе книг. Причем в некоторых случаях можно проследить взаимосвязь книжного собрания и произведений живописи, скульптуры, прикладного искусства, украшавших дворцы Меншикова. Это касается и нумизматического собрания, тем более, что коллекции монет и медалей были обязательной принадлежностью европейских кабинетов и библиотек XVII—XVIII вв.[14] В коллекцию входила медаль на смерть французского короля Людовика XIV, а в библиотеку — история Франции в период его царствования (№№ 35, 39), медали саксонских курфюстов, валахского господаря Михаила Абавии — и в библиотеке были книги по истории этих государств, а также политической и династической истории Европы (№№ 145, 147 и др.). Так, сведения, сообщаемые в книгах, дополнялись и иллюстрировались памятными медалями.

Осмысление собрания живописи, наполнявшего дворцы Меншикова, нуждалось в серьезных руководствах по истории искусства. Таковым была книга И. Сандрара «Академия архитектуры, скульптуры и живописи», включавшая жизнеописания художников всех времен и перечень их произведений (№ 6).

[13] *Bruin C. de.* Voyages de Corneille Le Brun par la Moscovie en Perse, et aux Indes Orientales. Amsterdam, 1718. T. 1. P. 30.

[14] *Щукина Е. С.* Медальерное искусство в России XVIII века. Л., 1967. С. 10; *Саверкина И. В.* Неизвестная коллекция Петровского времени.

В процессе петровских преобразований русская культура обогащалась образами античной истории и мифологии. Наполненные новым содержанием, они служили для пропаганды успехов, достигнутых Россией. Поэтому нельзя считать случайностью, что картина «Виктория Александра Македонского» украшала загородную резиденцию Меншикова «Фаворит» около Петергофа,[15] а в его библиотеку входило «Жизнеописание Александра Великого» Квинта Курция во французском переводе (№ 30). Известно, что в панегирической литературе Меншикова нередко сравнивали с Александром Македонским.[16]

Библиотеке в доме Меншикова уделялось большое внимание, она обслуживалась библиотекарем Василием Васильевым,[17] несколькими переплетчиками. Так, в 1716 г. иностранцу Х. Питнеру «за переплет книги архитектурской, которую царское величество изволил прислать его светлости», было уплачено 4 рубля.[18] В 1721 г. Х. Бетисором были переплетены «писаные собственою его царского величества высокою рукою к его светлости указы и писма», причем на переплет было куплено 1 аршин бархата и 2 аршина желтых лент.[19] В реестре упомянуты книги в переплетах с серебряными застежками, зеленого атласа, красного сукна (№№ 2, 18, 19).

Книги приобретались не только для самого Меншикова, но и для членов его семьи, например учебники для детей.[20] Библиотекой могли пользоваться старшие служители дома: секретари, учителя, музыканты и др. Среди служителей Меншикова были такие образованные люди, как его секретарь Ф. Вист, отвечавший за иностранную переписку,[21] Р. Арескин, домашний врач Меншикова, а впоследствии лейб-медик Петра I.[22] Не исключено, что они могли оказывать влияние на подбор книг в библиотеке.

Любопытно сопоставить данные о библиотеках Меншикова и Петра I. С. Р. Долгова уже справедливо отмечала

---

[15] ЦГАДА, ф. 6, д. 160, ч. 3, л. 261 об.

[16] *Демин А. С.* Пьеса о воцарении Кира // Ранняя русская драматургия: XVII—первая половина XVIII века. Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975. С. 656.

[17] Архив ЛОИИ, ф. 84, д. 90, л. 33.

[18] ЦГАДА, ф. 198, д. 1182, л. 207.

[19] Там же, д. 169, л. 5.

[20] Архив ЛОИИ, ф. 84, д. 39, л. 123 об; д. 90, л. 23 об.

[21] *Павленко Н. И.* Александр Данилович Меншиков. М., 1981. С. 19.

[22] *Лебедева И. Н.* Лейб-медик Петра I Роберт Арескин и его библиотека // Русские библиотеки и читатель. Л., 1983. С. 100—101.

совпадение картографического материала в их собраниях,[23] это касается и книг. У царя и его ближайшего сподвижника были одни и те же книги, например знаменитый труд голландского врача и анатома Г. Бидлоо «Анатомия человеческого тела», с прекрасными гравюрами Г. де Ларесса в двух изданиях, на голландском и латинском языках (№№ 4, 5). Возможно, одинаковые книги и приобретались одновременно — известно, что сам царь дарил Меншикову книги.[24] Но книги Петра I могли попасть к Меншикову и после смерти царя. Е. И. Боброва отмечала: «Видимо, за четыре года (1725—1728), пока длился процесс передачи книг и рукописей Петра I из дворцовых помещений в Академию наук, какая-то часть их разошлась по рукам его бывших приближенных».[25]

Нам неизвестна судьба книг, принадлежавших Меншикову. Выборочный просмотр изданий в фондах Библиотеки Академии наук, Библиотеки Эрмитажа и Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (в которой хранится библиотека Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, располагавшегося в здании дворца Меншикова с 1732 г.) пока не дал результатов, т. е. не выявил изданий с какими-либо признаками принадлежности Меншикову. Поиски мог бы облегчить экслибрис князя, но до сих пор неизвестно, был ли он у Меншикова. Хотя можно предположить, что князь, украшавший своим гербом большинство личных вещей, имел гербовый экслибрис, подобно своим современникам Я. В. Брюсу и Р. Арескину. Недавно сектору Гос. Эрмитажа «Дворец Меншикова» было предложено приобрести в качестве экслибриса светлейшего князя гравюру с изображением его герба, происходящую из собрания Н. П. Сырейщикова. Однако В. Я. Адарюков предполагал, основываясь на ряде признаков (ошибках в русских словах, французской пояснительной надписи), что она является гербом Меншикова, помещенном в каком-то сочинении по геральдике на французском языке.[26] Справедливость предположения Адарюкова подтверждается наличием этой гравюры в «Историческом атласе» Шателена и Гедевиля, изданном в начале XVIII в. Одна из карт, помещенных в нем — «Кар-

---

[23] *Долгова С. Р.* О библиотеке А. Д. Меншикова. С. 90—91.

[24] *Калязина Н. В., Дорофеева Л. П., Михайлов Г. В.* Указ. соч. С. 103, 105; *Саверкина И. В.* К истории библиотеки А. Д. Меншикова. С. 42—43.

[25] *Боброва Е. И.* От составителя // Библиотека Петра I: Указатель-справочник. М., 1978. С. 10.

[26] *Адарюков В. Я.* Редкие русские книжные знаки. М., 1923. С. 12.

та церковного и гражданского управления Московии...», — украшена планом Москвы и гербом Меншикова.[27]

Публикуемый реестр представляет собой описание лишь части библиотеки Меншикова — по другим источникам известен ряд книг, не упомянутых в реестре, — но, вероятно, отражает основные тематические разделы этого книжного собрания. Новые материалы о библиотеке Меншикова вполне соответствуют уже сложившимся представлениям о библиотеках государственных деятелей Петровской эпохи и в то же время пополняют сведения об иностранной книге, бытовавшей в России в первой трети XVIII в.

л. 1.

Реэстр посланным в Москву книгам, описным в пожитках Меншикова немецким и француским галанским латинским и полским Санкт-Питербурского гварнизона Невского полку с адъютантом Лодыженским.

№ В полате 1го № 16 нумеров

1. Одна книга на александриской бумаге с переводом росиского языка
2. Одна книга ланкт карт застешки серебреные на александриской бумаге в ней 150 листов сочинения Гегарда Фарка
3. Одна книга ланкт карт на росиском и на латинском языках
4. Три книги на александриской бумаге анатомические на галанском языке сочинения Гепарда Белареся // (Bidloo Godefridi (Govard). Ontleding des menschlyken Lichnaams... Uitgebeeld, naar het leeven, in Hondreed en vyf Aftekeningen, door der Heer Gerard de Lairesse. Amsterdam, 1690. fol. — Петр, № 926)

л. 1 об.

5. Одна книга на александриской бумаге анатомическая на латинском языке того ж сочинения. (Bidloo Godefridi (Govard) Anatomia humani corporis, centum et quinque tabulis per... G. de Lairesse ad vivum delineatis, demonstrata. Amstelodami, 1685. fol. — CBL. T. 32. P. 120)
6. Две книги на листу сочинения Ефима Фонсадатра на немецком языке называемая немецкая академия в архитектуре ремба живописная. (Sandrart von Stockau Joachim. L'Academia Tedesca della architectura, scultura et pittura, oder Teutsche Academie der edeln Bau-Bild- und Malerei Künste. Nurenberg, 1675—1679. Th. 1, 2. — CBL. T. 289. P. 312)
7. Две книги на листе на француском языке сочинения Людвика Маре называемой диксанарь или описание о духовных и мирских действах. (Marais Louis)
8. Одна книга на листу о фортификации на француском языке сочинения Индрика Хонюса
9. Одна книга на листу на галанском языке описание Карнилиюса Дебринса о Российском, Персидском и Индейском государствах. (Bruin Cornelis de. Reizen over Moscovie, door Persie en Indie. Amstelodami, 1714. fol. — CBL. T. 45. P. 139)

[27] *Chatelain H.-A., Gueudeville P.* Atlas historique, ou nouvelle introduction à l'histoire, à la chronologie et à la géographie ancienne et moderne. Amsterdam, 1714. T. 4, № 35.

10. Одна книга на листу на французском языке ветхоновой закон создание Давида Мартиса // (Martin David. Éd. La Sainte Bible, qui contient le Vieux et le Nouveau Testament. Amsterdam, 1707. 2 vol. fol. — CBN. T. 108. P. 153)

л. 2

11. Одна книга на листу на немецком языке называемоя изображения ботов или идолов старюдавних создание Ефима Синдрарта. (Sandrart von Stockau Joachim. Iconologia deorum oder Abbildung der Gotter welche von den alten verehrt worden. Nurenberg, 1680. fol. — CBL. T. 289. P. 312)
12. Одна книга на листу на латинском языке называемоя нынешней архитектура воинская создание Матвея Дегана. (Doegen Matthias. Architectura militaris moderna. Amstelodami, 1647. fol. — CBL. T. 85. P. 108)
13. Одна книга на листу называемая научение о исправителстве государства на талианском языке создание Дара Инго
14. Одна книга на листу архитектурная на французском языке в которой толко чертежи разным полатам
15. Одна книга на листу на латинском языке называемая санбола духовной и мирской папов императоров и королей создание Яко Бади Поне. (Typotius Jacobus. Symbola divina et humana Pontificum, Imperatorum, Regum. Francofurti, 1652. fol. — CBL. T. 331. P. 403)
16. Одна книга на листу учение а рисавании на немецком языке //

л. 2 об.

17. Одна книга на листу на немецком языке предисловие Гибнера
18. Одна книга в зеленом отласе ланкт карта на тафтеных листах
19. Одна книга в белом прогаменте на аглицком языке ланкт карт морская о Черном море обе в красном суконном чехле
20. Одна книга в четверть на немецком языке о ветхом и новом законе
21. Одна книга в четверть на латинском языке учение изданная о сочинения Медицинской колегии
22. Одна книга в четверть на немецком языке учение родителское к детям
23. Одна книга в четверть на французском языке всяким фигурам которые находятца в саду Версалском. (Thomassin Simon. Recueil des figures, groupes, thermes, fontaines, vases, statues et autres ornemens de Versailles. Amsterdam, P. Mortier, 1695. 4°. — CBN. T. 187. P. 933)

л. 3

24. Одна книга в четверть на латинском языке медицинская прошпора алпимии
25. Одна книга в четверть на немецком языке наука матиматическая Николая Биона. (Bion Nicolas. Neu-eröffnete mathematische Werck-Schule. Francfurt-Leipzig; Nürnberg, im Hoffmännischen Buchladen, 1712. 4°. — CBL. T. 32. P. 474; Петр, № 927)
26. Одна книга в лист ланкт карт морская в пестрой бумаге
27. Три книги в лист чертежам всяким городам в пестрой бумаге
28. Две книги в четверть на французском языке в артиллерии сочинение Сурире де Санкт Трейми. (Surirey de Saint-Remy Pierre. Mémoires d'artillerie. Paris, J. Anisson, 1697. 2 vol. 4° — CBN. T. 180. P. 727; Петр, № 1549)
29. Одна книга в четверть на французском языке философическая сочинение Петра Коште. (Coste Pierre)
30. Одна книга в четверть на французском языке описания жизни и действ.

Александра Великого издания Квинта Курсий. (Quint — Curce. De la vie et des actions d'Alexandre le Grand. Paris, Courbé, 1653. 4° — CBN. T. 144. P. 981)

31. Одна книга в четверть дисканариа Венерони италианского и францускаго языков // (Veneroni, Jean Vigneron dit. Dictionnaire italien et français. Paris, M. David, 1710, 2 parties en 1 vol. 4°. — CBN. T. 205. P. 316)

л. 3 об.

32. Шесть книг в осмушку от пяти до двенатцати частей на французском языке о действах бывающих в Европии
33. Пять книг в осмушку на французском языке описание знатных дел некоторой дамы
34. Шесть книг на французском языке история Донивикс Отты
35. Семь книг в осмушку на французском языки история государства французского во время государствования Людовика 14. (Limiers Henri-Philippe de. Histoire du règne de Louis XIV. Amsterdam, aux dépens de la Compagnie, 1717. 7 vol. 12°; Larrey Isaac de. Histoire de France sous le règne de Louis XIV. Rotterdam, M. Bohm, 1721—1722. 9 vol. 12°. — CBN. T. 89. P. 348; T. 98. P. 267)
36. Восемь книг в осмушку на французском языке о действах Европских
37. Четыре книги в осмушку от двух до семи части на французском языке о шпионах придворных. (Marana Giovanni-Paolo. L'Espion dans les cours des princes chrétiens. Cologne, E. Kinkius, 1710. 6 vol. 12°. — CBN. T. 105. P. 711—712)
38. Две книги в осмушку на французском языке забава матиматическая филосовская //

л. 4

39. Семь книг в осмушку на французском языке описание государства Французского во время государствания Людовика 14
40. Три книги в осмушку на французском языке зерцало сокротическое
41. Две книги в осмушку на французском языке описание города Парижа
42. Три книги в осмушку на французском языке пророчества о разности церкве
43. Две книги в осмушку на французском языке пророчества разных церквей
44. Одна книга в осмушку на французском языке первая часть о неискустве придворном
45. Одна книга в осмушку на французском языке описание Версалиса и Марли
46. Одна книга в осмушку на французском языке всяческое обхождение придворное //

л. 4 об.

47. Одна книга в осмушку на французском языке веселие и разговоры
48. Одна книга в осмушку на французском языке Окадемия
49. Одна книга в осмушку на французском языке о фортофикации
50. Одна книга в осмушку на французском языке путь святой
51. Одна книга в осмушку на французском языке фабли изопии. (Esope de Phrygie. Les Fables d'Esope. Paris, A. Courbé, 1649. 2 part. en 1 vol. 8°. — CBN. T. 48. P. 162—163)
52. Одна книга в осмушку на французском языке наука манаршеская в подобие писма святаго
53. Одна книга в осмушку праматика латинская
54. Одна книга в осмушку праматика латинская и аглецкая //

л. 5

55. Одна книга в осмушку на француском языке история о Баштилии француском. (Renneville René-Auguste-Constantin de. L'Inquisition françoise, ou l'Histoire de la Bastille. Amsterdam—Leide, 1724. 4 vol. 8°. — CBN. T. 149. P. 355)
56. Одна книга в осмушку граматика венероны талианского, немецкого и француского языков (Veneroni, Jean Vigneron dit. Des berühmten Herrn von Veneroni viel vermehrt verbessert und volkommener Sprach-Meister, zu... baldiger Erlernung dreyer europäischen Haupt-Sprachen, der italiänisch, teutsch und frantzösischen Francfurt am Main und Leipzig, J. P. Andreae, 1707. 8°. — CBN. T. 205. P. 325)
57. Одна книга в осмушку на француском языке о воспитании малолетных
58. Одна книга в осмушку диксанарь француской и немецкой
59. Одна книга в осмушку на француском языке о сочинении всяких писем Таляндра (Bohse August. Curieuses Hand Buch allerhand auserlesener Send-Schreiben und mündlicher complimenten vom aller neuster Stylo... nebst einem zühanglichen neuvermehrten französischen-italiänischen und teutschen Titular Buch... von Talandern (A. Bohse)... Leipzig, 1700. 8°. — CBN. T. 14. P. 1134).
60. Одна книга в осмушку на француском языке описание Индей Орентарских
61. Одна книга в осмушку на француском языке физическая
62. Одна книга в осмушку на француском языке инженерская
63. Одна книга в осмушку граматика немецкая и француская Пеплигера: (Des Pepliers J-B. La parfaite grammaire royale françoise et allemande. Das ist Vollkomene königliche französische Grammatica mit neun und sehr nützliche Regeln. Ed sexta. Berlin, 1702. 8°. Петр, № 1392)
64. Одна книга в осмушку на француском языке машина воденая о реках слюзах и коналах //

л. 5 об.

65. Одна книга в осмушку на француском языке действа Телемекова (Fénelon, François de Salignac de la Mothe. Avantures de Télémaque fils d'Ulysse. La Haye, 1708. 12°. — CBL. T. 288. P. 168)
66. Одна книга в осмушку о строении
67. Одна книга в осмушку граматика немецкая и француская Камеля
68. Одна книга в осмушку на француском языке архитектура воинская
69. Одна книга в осмушку на француском языке наука арифметическая
70. Одна книга в осмушку на француском языке действо европейское
71. Одна книга в осмушку на француском языке наука родителская сыну
72. Одна книга в осмушку на француском языке разные от креста господня Лока //

л. 6

73. Одна книга в осмушку на француском языке описана граматика француской
74. Одна книга в осмушку на француском языке реляция о походе на море в полдень
75. Две книги в осмушку на француском языке фортификация Кугорнова. (Coehoorn (Koehoorn) Menno van. Nouvelle fortification, tant pour un terrain bas et humide, que sec et élevé. La Haye, 1711. 8°. — CBL. T. 65. P. 151; Петр, № 1228, 1229)
76. Одна книга в осмушку на француском языке о славе мучеников
77. Одна книга в осмушку на француском языке история Мартиса Беклемеса

78. Одна книга в осмушку на французском языке описание двора Гишпанского
79. Одна книга в асмушку календарь немецкой Шивбеке напечатано //

л. 6 об.

80. Одна книга в осмушку на французском языке всякие случаи приключившияся Тулеру
81. Одна книга в осмушку на французском языке описание путь господня Фоляций
82. Одна книга в осмушку на французском языке разговор некоторой женщины
83. Одна книга в осмушку на французском языке о действах некоторой женщины
84. Одна книга в осмушку на французском языке действо Неопетонима сына Ахилова
85. Одна книга на французском языке механическая
86. Одна книга в осмушку на французском языке логическая //

л. 7

87. Четыре книги в осмушку на немецком языке история политическая
88. Одна книга в осмушку на французском языке о иждивении человеческом
89. Одна книга в осмушку на немецком языке жизнь и действа Петра Великаго императора великаго Росиского (Des Grossen Herrns Tzaars und Gross Furstens von Moscau Petri Alexiewiz... Leben und Thaten aus besonderen Nachrichten beschrieben... Von J. H. L. Francfurt und Leipzig: bey Joahann Leonhard Buggeln, 1710. 2 T. 8°; Rabener Justus Gottfried. Leben Petri des Ersten und Grossen, Czaars von Russland. Leipzig, 1725. 8°; Ihro Czarischen Majestät Petri Alexiewiz ersten Käysers der Russen rühmliches Leben und Helden-Thaten. Francfurt am Mayn, zu finden bey Christian Friedrich Waldow, 1725. 8°. — Minzloff, P. 36, 39, 40)
90. Одна книга в осмушку на немецком языке о частях и членах
91. Одна книга в осмушку на французском языке о действах послов к министров. (Van Wicquefort Abraham. L'ambassadeur et ses fonctions. La Haye, 1680—1681. 2 vol. 4°. — CBN. T. 202. P. 1139)
92. Одна книга в осмушку граматика латинская и славенская
93. Одинадцеть книг в осмушку на немецком языке история политическая
94. Три книги в осмушку на немецком языке история политическая Пуфендорфа // (Pufendorff Samuel von. Einleitung zu der Historie der vornehmsten Reiche und Staaten so jetziger Zeit in Europa sich befinden. Francfurt am Mayn, F. Knoch, 1705—1709. 3 vol. 8°. — CBN. T. 143. П. 886; Петр, № 1414)

л. 7 об.

95. Одна книга в осмушку на латинском языке о преимуществе государей и князей европейских
96. Одна книга в осмушку на латинском языке физика Яна Клерика (Sperling Joannes. Antropologia physica. Wittebergae, 1647. 8°; Institutiones physicae. Lubecae, 1647. 8°. — CBL. T. 310. P. 8—9)
97. Одна книга в осмушку на немецком языке вирши Овидисова. (Ovidius Naso Publius)
98. Две книги в осмушку на французском языке описание о порядках воинских
99. Одна книга в осмушку на немецком языке щот и порядок купеческой
100. Одна книга в осмушку на немецком языке арифметическая наука

101. Одна книга в осмушку на немецком языке веселие и разговоры о разных делах
102. Одна книга в осмушку диксенарь на латинском, еврейском и халдейском языках
103. Одна книга в осмушку на латинском языке грамоты Марка Антония Марети // (Muret Marc Antoine. M. A. Mureti... Epistolae, Parisiis, 1580. 8°; Epistolarum M. A. Mureti... liber... Ingolstadii, 1584. 8°. — CBL. T. 230. P. 254—255)

л. 8

104. Одна книга в осмушку на латинском языке описание натуры
105. Одна книга в осмушку на немецком и латинском языках разговоры о разных делах
106. Одна книга в осмушку всяких чертежей инженерских
107. Одна книга в осмушку на немецком языке геометрическая
108. Одна книга в осмушку на немецком и францусском языках о искустве францусского и немецкого языков
109. Одна книга в осмушку на немецком языке о состоянии государств европейских
110. Одна книга в осмушку на латинском языке иярисприденции римские

л. 8 об.

111. Одна книга в осмушку на францусском языке состояние дворов европейских
112. Одна книга в осмушку на латинском языке медицынская
113. Одна книга в осмушку немецкие и францускые разговоры о разных делах
114. Две книги в осмушку на францусском языке физические в белой простой бумаге
115. Одна книга в осмушку на францусском языке в чем состоит интерес прынцов европейских. (Rohan Henri Ier duc de. De l'Interest des princes et estats de la Chrestienté... Dernière édition. Jouxte la copie imprimée à Paris, 1639. 12°. — CBN. T. 154. P. 678—679; Les Interêts des Princes de l'Europe... — Plotho, P. 995, № 6688)
116. В переплете в синей простой бумаге двенатцать книг в осмушку на немецком языке Фама Европейская. (Die Europäische Fama welche den gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Höfe entdecket Leipzig, 1702—1735. 30 vol. CBL. T. 252, P. 386)
117. Дватцать книг в осмушку на немецком языке европейская штатская канцелярия Антоний Фабри. (Faber Anton, pseud (i. e. Christian Leonhard Leucht). Europäische Staats-Cantzley. (Nüremberg), 1697—1760. 115 Thle. 8°. — CBL. T. 104. P. 476)
118. Четыре книги в осмушку на немецком языке описание знатнейших действах в Европии

л. 9

119. Четыре книги в осмушку на немецком языке разговоры знатных министров
120. Одна книга в осмушку на немецком языке предисловные описания всех принцов европейских
121. Одна книга в осмушку на немецком языке церемония политическая
122. Одна книга в осмушку на немецком языке уложения всех римских цесарей
123. Одна книга в осмушку на немецком языке руководение европейских штатов
124. Одна книга в осмушку на немецком языке наука геролческая
125. Одна книга в осмушку на немецком языке наука матиматическая

126. Одна книга в осмушку на немецком языке разные грамоты в которой меж собою списывались императоры, короли и князья

л. 9 об.

127. Одна книга в осмушку на латинском языке истрактурий юриспруденций
128. Одна книга в осмушку на немецком языке о сочинении всяких искусного секретаря. (Der Allzeitfertige Secretarius. Nürnberg, 1693. 8°. — Петр, № 1501)
129. Одна книга в осмушку на немецком языке руководение придворного философии
130. Одна книга книга в осмушку на немецком языке описании дел приключившихся в Европии
131. Одна книга в осмушку на немецком языке описание о теплицах
132. Одна книга в осмушку на немецком языке юс бубликом
133. Одна книга в осмушку на немецком и французском языках разговоры о разных делах
134. Одна книга в осушку на немецком языке наука обхождений в компаниях //

л. 10

135. Одна книга в осмушку на латинском языке описаний теплицах
136. Одна книга в осмушку на немецком языке о правах римского государства
137. Одна книга в осмушку на немецком языке арифметическая
138. Одна книга в осмушку на немецком языке предисловная описания прынцов европейских
139. Одна книга в осмушку на немецком языке руководение права рим ского государства
140. Одна книга в осмушку на латинском языке экстракт права натуралного
141. Одна книга в осмушку на немецком языке знатных и стародавних действ
142. Одна книга в осмушку на немецком языке матиматическая //

л. 10 об.

143. Одна книга в осмушку на немецком языке штат Гишпанских
144. Одна книга в осмушку на немецком языке штат римских пап
145. Одна книга в осмушку на немецком языке штат саксонских князей
146. Одна книга в осмушку на немецком языке штат Курвался
147. Одна книга в осмушку на немецком языке штат Семиградских Балахи [Исмундовы (нрзб)]
148. Одна книга в осмушку на немецком языке штат Турецкой
149. Две книги в четверть на латинском и немецком языках трактаты мирные разных государей и государств
150. Одна книга в четверть на латинском языке папы римского Георгия Девятаго // (Gregorii papae noni Gesta quaedam insignia, nunc primum studio Gerardi Vossii... in lucem edita, ac ejusdem scholiis illustrata... Romae, typis B. Bonfandini, 1586. 4°. — CBN. T. 64. P. 36)

л. 11

151. Одна книга в четверть на латинском языке права духовная
152. Одна книга в четверть на латинском языке права войны и мира (Groot Hugo de. De Jure belli ac pacis libri tres. Parisiis, 1625. 4°. — CBL. T. 133. P. 317)
153. Одна книга в четверть на латинском языке права гражданская

154. Одна книга в четверть на латинском языке права гражданская римскаго государства
155. Две книги в четверть на немецком языке права натуралная и посполитое Пуфендорфа. (Pufendorff, Samuels Freyherrn von. Acht Bucher v. Natur und Völkerrecht. Francfurt: Knoch, 1711. 2 Thle. 4 — GV. Bd. 112. S. 63)
156. Одна книга в четверть на латинском языке права юстинианская
157. Одна книга в четверть на немецком языке артикулы воинские чюжестранных государей
158. Две книги в лист на латинском языке наука гералдическая

л. 11 об.

159. Две книги в лист на немецком языке немецкие адвокат или стряпчей
160. Одна книга в лист на немецком языке регламент о рангах в Европии обычайно
161. Одна книга в лист на латинском языке лексикон юридический
162. Одна книга в лист на немецком языке искуства секретаря иностранного
163. Одна книга в лист на немецком языке родословие государей и принцов европейских
164. Одна книга в лист на немецком языке науки о сочинении всяких солнечных часов
165. Одна книга в лист на немецком языке описание претензий в которых имеют государи промеж собою // (Schweder Christoph Hermann von. Theatrum Historicum praetensionum et controversiarum illustrium in Europa, oder Historisher Schauplatz der Ansprüche und Streitigkeiten hoher Potentaten und anderer regierenden Herrschaften in Europa. Leipzig, 1712. fol. — CBL. T. 295. P. 245; Zwantzig Zacharias. Theatrum Praecedentiae oder eines Theils Illustrer Rang Streit, andern Theils Illustre Rang-Ordnung, wie nemlich die considerablen Potenzen und Grandes in der Welt nach Qualität ihres Standes, Namens, Dignität und Characters samt und sonders in der Praecedenz... streitig seynd und competieren. 2 Th. Francfurt, 1709. fol. — CBL. T. 360. P. 415)

л. 12

166. Одна книга в лист на латинском языке права гражданская римского государства

Полата 2го нумера

167. Одна книга в четверть матиматическаго искуства на немецком языке
168. Одна книга в четверть библея немецкая
169. Одна книга в четверть на италианском языке матиматическая
170. Одна книга в осмушку на немецком языке несчасливое житие аталант
171. Одна книга в осмушку на немецком языке всякие забавы и разговоры

л. 12 об.

172. Одна книга в осмушку на немецком языке разговоры о натуралных вещах
173. Одна книга в четверть на францеском языке архитектурная
174. Одна книжка маленкая фигуры библейные ветхова новова закону на немецком языке
175. Одна книга в четверть на немецком и латинском языках всяких дивизиях
176. Одна книга в четверть на латинском языке дедикация академии Санкт-Питербурские

177. Сверх сего реэстру всяких разных книг немецких и полских 27 в тетратях средних и малых

Всего вышеписанных 311 книг

Список сокращений

Петр — Библиотека Петра I: Указатель-справочник // Сост. *Е. И. Боброва*, Л., 1978.
CBL — The British Library General Catalogue of Printed Books to 1975. London etc., 1979—1987. 360 t.
CBN — Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1924—1981. 231 t.
GV — Gesamtverzeichnis des deutchsprachigen Schrifttums: (GV) 1700—1910. Munchen etc., 1979—1987. 160 Bd.
Minzloff R. — Minzloff R. Pierre le Grand dans la littérature étrangère. St.-Pétersbourg, 1872.
Plotho — Bibliotheca, quam... Ludovico Otto nob. dom. de Plotho... collegit... publica auctionis lege d. 1. Octobr. MDCCXXXII in aedibus Blumenthalianis... dividenda. Vitam illustrissimi collectoris praemisit Christ. godof. Haffman. Berolini, 1732.

Н. С. Трофимова, П. И. Хотеев

КАТАЛОГ БИБЛИОТЕКИ П. П. ШАФИРОВА

В 1724 г. в Библиотеку Петербургской Академии наук по распоряжению Петра I было передано конфискованное книжное собрание известного государственного деятеля и дипломата Петра Павловича Шафирова (1669—1739), обвиненного в злоупотреблениях по службе и отправленного в ссылку в Нижний Новгород. Каталог библиотеки П. П. Шафирова хранится в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР.[1] Этот документ, публикуемый ниже, не только отражает читательские интересы Шафирова — одного из ближайших сподвижников Петра I, но и является также источником по истории первой русской библиотеки общественного пользования — Библиотеки Академии наук: наряду с книжными собраниями Петра I, Андрея Виниуса, Арчибальда Питкерна, Роберта Арескина, Якова Брюса, Андрея Хрущова, Рибейро Саншеса и др. собрание П. П. Шафирова стало неотъемлемой составной частью первоначальных фондов академической Библиотеки.

Catalogus bibliothecae libri Baronis a Schafirow

Каталог книгам барона Шафирова которые приняты в 1724 году

Schaphiroffi Libri in Folio

1. Furtenbachs Büchsenmeysterey.
2. Fabri dictionarium Latin. Lips. 1692.

---

[1] ЛО ААН, ф. 158, оп. 1, № 215, л. 1—8 об. Об этом каталоге см.: Материалы для истории имп. Академии наук СПб., 1885. Т. 1. С. 29—30; История Библиотеки Академии наук СССР: 1714—1964. М.; Л., 1964. С. 22—23.

3. Biblia Polonico idiomate.
4. Biblia Germanico idiomate. Argent. 1625.
5. Nicol. Witsen descript. Tartaria. Amst. 1705.
6. Stampe del Citta di Venetia.
7. Q. Curtius Polonic. idiomate.
8. Zwanz /Zachar./ Theatrum praecedentiae. Francof. 1709.
9. Neuentdeckte Staatsklugheyt durch Pezhoffer. Francof. 1710.
10. Fabri dictionarium Latin. Francof. 1622.
11. Atlas de la navigation et du commerce a Amsterdam 1715.
12. Zweybourgs /Eberhard/ Theatrum praecedentiae. Berolin 1706.
13. Winters Stutterey. Nürnberg 1703.
14. de Witte Atlas tot Amsterdam.
15. Friderich Baron von Borgsdorff ars militaris Ruth. idiomate. Moscovia 1709.
16. Winters /Simon/ Rossartzt. Nürnberg 1678.
17. „ Eques peritus ibidem 1678.
18. 20. Buddei lexicon. Lipsia 1709. et 1714.
21. 24. eiusdem Tomus I. II. III. IV. 1722.
25. 27. Dictionnaire de Bayle. Tom. I. II. III. Roterdam 1715.
28. 29. Zieglers Täglicher Schauplatz der Welt. Tom. I. II. Lips. 1700.
30. Panegyricus in Petrum 1. Russorum Imperatorem, ob devictos suecos habitus Kiovia 10 julij 1709.
31. 44. Postrechnungen von 1701 biss 1713 nebst einem Tomo Briefen von derselben Zeit.
45. 46. Ludolfs Schaubühne der Welt secul. 17. 1 et 3 Theyl. Francof.
47. Plaidoye de Mr. Zorn contra Kempfer et Günzer.
48. Jura et libertatis desiderium in religione Christiana, in regno Polonica. Berolin 1708.
49. Richters carmen auf den Neustadtischen Frieden 1721 geschlossen. Riga.
50. 51. Noch zwey tomi von denen Postrechnungen.
52. Panegyricus in Petrum 1. Russorum Imperatorem.
53. Josephi opera Historia Judaorum. Harl. Holl. 1636.
54. ein carmen in honorem domini Schleiniz.
55. . . . . . in Petrum Russorum Imperatorem.
56. L'Italie par Mons. de l'Isle.
57. carmen in Petrum 1. Russorum Imperatorem.

Schaphiroffi Libri in Quarto

1. Wittenbergische Bibel Hochteutsch. 1660.
2. Pomey dictionnaire Royale.
3. Boethij /Christoph./ Kriegs helm. Nürnberg. 1686.
4. Dictionarium Latin. et Gallicum in usum Delph. Lugd. 1712.
5. Jacobi de Witte selecta numismata antiqua. Amst. 1692.
6. . . . . . gemma selecta antiqua. 1703.
7. . . . . . signa antiqua. 1700.
8. Histoire du cardinal Ximenes. a Paris 1693.
9. 10. Droit de la guerre et de la paix par Mons. Grotius. tom 1 et IX a Paris 1687.
11 et 12. Oeuvres de Boileau tom 1. et II. a Geneve 1716.
13. Pomey dictionnaire Royale.
14. Teutscher Keiserstaat. Leipzig 1709.
15. Die curieuse Köchin. 1706.
16. Thomasij /Christ./ Göttliche Rechtsgelahrtheyt. Halle 1709.
17. Zieglers /Christ./ Wahl-capitulationes. Francof. 1711.
18. Küepis /Georg./ colleg. grotianum. Hall. 1708.

19. Anzeige der Rechtmässigen Ursachen, was den König in Dannemarck bewogen, den Graf Steinbock in arrest zu nehmen. Copenhagen 1716.
20. Der braunschweigische congress 1718.
21. Friedens tractat von Ryschwick 1697.
22. Tractament der frembden in Moscau.
23. Beantwortung Russischer Seiten auf eine sichere pasquile. 1706.
24. Ein Gespräch von dem Spanischen monarchie. 1701.
25. Species facti von dem verbrechen des august Wyands. Hamburg 1693.
26. Relation von den dem Seetreffen zwischen denen Russen und Schweden.
27. Antwort Russischer Seiten auf das hannoverische Memorial in pto Gorz et Guylenb.
28. Entdeckte Grufft natürlicher geheimnisse. Zolle 1704.
29. Deductio innocentia R. de Patkul. 1701.
30. Generale Zeynen by de vloot van Zyne EZaars. Mayt tot Amsterdam. 1698.
31. Gottsched /Joh./ dissertatio chymica de solutione et procipitatione. Recg. 1715.
32. Fragen auss dem cathechismo D. Lutheri.
33. Donquiscotte Divertimento Ital. in musico. Coppenh. 1716.
34. Rinaldo Music-schauspiel.
35. Sanden von Theolog. symb. Francof. 1688.
36. Hoppij Joach. Comment. ad institut. Justin. Francof. 1712.
37. Isbrands reise nacher China. Amsterdam 1704.
38. Hübners Genealog. fragen. Leipzig 1712.
39. Le dictionnaire Imperl. par Veneroni a Francof. 1714.
40. Matthaei Wachselij chronic von Preussen et Curland. 1599.
41. Atlas minor ex officina Jansonij 1648.
42. de la Croix geographie univers. Lips. 1697.
43. Bekkers Bezauberte Welt. Amsterdam 1693.
44. Gottl. Gerh. Titij Jus privatum Romano Germanici. Lips. 1709.
45. Hubners genealogische Fragen. 1708.
46. 48. La Bilancia Politica del Boccalini Castellana. 1678. Tom. I. II. III.
49. 50. Oeuvres de Mariotte tom I. II. a Leyde. 1717.
51. Dictionnaire Mathematique par Mons. Ozanam a Paris 1691.
52. Meigeri studens Historicus.
53. Christoph Hartknochs Alt und neu Preussen. Francof. 1684.
54. Clem. Ammons Laboratorium militare. Heydelb. 1699.
55. Triumphirendes Wundergebau der Churfurstlichen Residenz zu Munchen. Munchen. 1719.
56. Biblia sacra vulg. Ed. Sixti V. Venetijs. 1616.
57. Alexandre Magnus oper. Lips. 1698.
58. Goldmayers Geheimnuss der Heyligen Scghrifft. 1643.
59. dat rechte Judske lowboun. 1593.
60. 62. Schediasma de Philos. Necotoniana. Lips.
63. dito 21 Stück.
64. 4 Stück geschriebene exercitien bücher.
65. information wegen des vor Pomerschen sequestri. 1715.
66. Bericht von Reussischen und Schwedischen See action.

Schaphiroffi Libri in Octavo

1. Arcadia Francofurti 1643.
2. L'esprit du Sicile a Paris 1708.
3. Biblia sacra vulg. ed. Sixti V. Vienna 1705.
4. Hubners Staats undt Zeittungs lexicon. Lipsia 1718.
5. Rhenij Grammatica. Riga. 1651.

6. Pufendorfs Einleitung zur Historie.
7. Martij Europ. Ingenieur. Nürnberg 1696.
8. Lavaterus despectus. eiusdem Homiliae in lingua Ruthena. Heidelb. 1601.
9. Rhenij Grammatica. Lipsia 1642.
10. Arsecle Com.
11. Hubners Staats undt Zeittungs lexicon. Lips. 1708.
12. Titular-buch. Gotha. 1697.
13. Erasmi adag. Antwerp. 1563.
14. Petronij satiricon. Amstelod. 1626.
15. Comedies de Terence a Paris 1710.
16. Von dem Feldtbau.
17. Selectiora Erasmi colloquia. Haga Comit. 1700.
18. Alsestis et Arsaces Roman durch Talander. Lips. 1696.
19. Laur. Valla de elegantijs Lat. linguae. Lugd. 1541.
20. Historische Schaubühne. 1714.
21. Curieuser Curier. 1702.
22. Joh. Ernst Buttners Lat. Gram. 1686.
23. Comenij colloquia. Lips. 1638.
24. Joh. Philip. Seipij gesundtbrunnen.
25. Erasmi Roterdami de civilitate morum. Hamb. 1659.
26. Historia von der Königin Sahhra. Haag 1712.
27. Beschreibung des Hallischen Waysen hausses.
28. Genealogische Fragen. Zerpst 1716.
29. Franc. Ridders noodige tyd Korter in orlogk en ureede. 1642.
30. orbis pictus. Norimb. 1708.
40. Abraham Gölniz compend. geographic. Witteb. 1678.
41. Franreich durch seine eigene Künsten zu überwinden. Augspurg 1704.
42. Cornelius Nepos ed. Zach. Henningij. Hamb. 1697.
43. Sommaire de la descript. de la France Alemagne a Geneve 1653.
44. Sigismundus Freurspeel tot Amst. 1707.
45. Vechter Kluchtspeel. 1684.
46. de Tovereyen van Armida. 1695.
47. de gewaande Advocat. 1684.
48. de Hawedykenstaat. 1684.
49. Marsilius de vita. Basil 1529.
50. Corderij colloquia.
51. het hegente en de laiste deel van de Tragedische historien tot Utrecht 1649.
52. Joh. Hubners neue undt alte geographie. Lips. 1715.
53. Tob. Beutels geometria. Lips. 1713.
54. Boyers compleat french master. Lond. 1710.
55. Joh. Jonstoni Thaumatographia nat. ap. Joh. Jansson. Amst. 1665.
56. 65. Joh. Hubners Polit. Fragen und der Histori. Tom. X. 1713.
66. 75. eiusd. Tom. X. anno 1709.
76. supplementa zu seinem historischen genealog. undt geographischen fragen. 1712.
77. 80. Lettres de Bussy a Paris 1706. 4 Tomes.
81. 83. eiusdem III. Tomes. 1709.
84. 86. Les sciences de la cour. Tom. II. III. IV. Amst. 1717.
87. 94. Le theatre Italien de Cherardi. Tomes VIII a Londres.
95. 97. Les elemens del' histoire par Mr. de Vallemont. Tom I. II. III. a Amsterd. 1714.
98. 103. L'Histoire profane. Tomes VI. a Paris 1714.
104. 109. L'Espion Turc. dans les cours des Princres Chret. Tomes VI. a Cologne 1717.

110. 115. Histoire du don Quichotte. Tomes VI. a Paris 1713.
116. 118. Recueil de Voyages ou Nord. Tomes III. Amsterd. 1705.
119. 121. Idem. autrement. retie.
122. 124. Nouveau voyage d'Italie a la Haye. 1717.
125. 127. Description de Paris. a Paris 1717. Tomes III.
128. Description de Versailles. Tom I ed II. 1717.
130. Instruction sur l'histoire de France et Romaine a Paris 1718.
131. 138. La sainte Bible trad. par Desari a Paris 1708. Tomes VIII.
139. Chr. Cellarij alte und neue geographie. Jena.
140. P.V. Marpergers Moscovittischer Kaufmann. Lübeck anno 1705.
141. Q. Horatij carmina expurgata ed. Jos. Juvencij. Rotomagi 1714.
142. Les oeuvres de theatre de Mr. Destouches. a Amsterd. 1715.
143. Le Philosophe amoureux. 1712.
144. Raisonnement was für Ursachen den Russischen Kayser Petr. primum bewogen, den Krieg wider Schweeden anzufangen. St. Petersburg 1716.
145. La vie Heureuse ou l'homme content a Paris 1702.
146. L'homme d'une livre ou Biblioth. entiere a Leyde 1718.
147. Joh. Behm de aterna filij Dei Divinitate Lips. 1604.
148. Histoire de sept sages par Mons. de Larrey a Rotterdam 1714.
149. Recueil des vertus de Louis de France Duc de Bourg par Mortiriau a Leyd. 1713.
150. Reponse du Baron de la Hontan ala lettre d'un particulier apposee au manifeste du Roy d'Angl. comme Electeur de Bruns. contre la Sued. 1710.
151. Idem.
152. Curieuse speculationes bey schlafflosen Nächten. Lips. 1704.
153. Traite des Horloges elementaires.
154. Le Maitre Italien par Sir de Veneroni a Lyon 1714.
155. de Bedrieglykeet des Menschelike deugden tot Amst. 1716.
156. Pluton Maltotier a Rotterdam 1709.
157. Raisonnement über den Anfang des Krieges St. Petersb. 1716.
158. Rapport von Geheimen Commission geschehen durch Walpote in puncto des utrechtischen friedens 1716.
159. Mahomets Alkoran tot Amsterd. 1696.
160. Abbrige del'Histoire du Czar Peter Alexiewiz a Paris 1714.
161. Reflections morales de Mons. Rochefoucaults a Amsterd. 1705.
162. Oedipe Tragedie par Mons de Voltaire a Paris 1719.
163. Relation de St. Peterbourg Leipzig 1713.
164. Introduction a la geographie par Sanson a Utrecht. 1692.
165. Lucani Pharsalia de bello civili Amst. ap. Iansson 1626.
166. Plinij Sec. Epistolae Amstelodami ex officina Elzeveriana 1659.
167. Les Caracteres de Theophraste a Paris 1685.
168. Le Roman Bourgeois p. an. Furetiere a Amsterd. 1704.
169. Histoire de Theodose le grand par Flechier a Paris 1699.
170. Lettres d'amour d'une Religieuse Portugaise ala Haye 1716.
171. Nachricht von denen Engellischen Crönungen Hamburg 1714.
172. Dictionnaire du voyageur a Geneve 1713.
173. Schraderi /Christ./ tabulae cronolog. Helmstadiae.
174. Memoires delavie de Thou a Amsterd. 1714.
175. Histoire de septs sages par del'arrey. Tom. II. a Amsterd.
176. de la maniere de negocier avec les souverains par de Calliers Brunel 1716.
177. Henr. Coccei J. Publ. prudentia. Francof. 1713.
178. Les Caracteres de Theophraste a Paris 1699.
179. L'ecole du monde nouvelle par Mons. le Noble a Amsterd. 1709.

180. Johann Hubners' fragen aus der Genealogie. 1712.
181. Etat du Royaume de Dannemark a Amsterdam 1695.
182. den vermakelyken avanturier dor mirandor tot Amsterdam 1715.
183. Der Englische Wahrsager. 1721.
184. Les caprices du Destin a Paris 1718.
185. Lokes Gedancken von Erziehung junger Edelleuthen Greiffswald 1708.
186. Aufgefangene Briefe vier paquet.
187. Catalogue de la Musique a Amsterdam.
188. Medee tragedie a Paris.
189. Reflexions morales par Amelot de la Houssaye a Paris 1714.
190. Historie von dem König in Franckreich. 1703.
191. Justiniani institutiones ed. S. Strykii. Hal. 1703.
192. Les offices de Ciceron par Du Bois a Paris 1704.
193. Dictionnaire Comique par le Roux a Amsterdam. 1718.
194. Die souvrainen in Europa in dem Jahr 1704.
195. Grammaire Francoise par le P. Buffier a Paris 1714.
196. Jets voor allen door Abrah. van St. Clara tot Amsterd. 1717.
197. Lettres diverses de Mons. le Cheval. de' Her a Paris 1694.
198. Polyeucte Mortir tragedie.
199. Agamemnon a Paris 1706.
200. Nitetis . . . . . par Mad. des jardins.
201. Beklaeglyke dwang trag.
202. Ware Nar met de lad tot Amsterdam.
203. 204. Les illustres Francoises tom I et II. ala Haye 1715.
205. 206. Essais de Theodicee par Mr. Leibniz tom I et II. Amsterd. 1714.
207. Lettres historiques et galantes tom VII ^{me} Cologne 1718.
208. 210. Historischer Bildersaal I. II et Vte Theyl. Nurnberg 1712.
211. Favole Heroiche par Mr. Audin, trosport. da Nu Salen-Gio p. I et II Venet. 1690.
212. Opere Scelte di Ferrante Pallavicino in Villafr. 1671.
213. Il decameron di Giov. Boccacci in Amsterd. 1679.
214. Theatro morale de moderne ingegni per Fr. Cherubino in Vinegia 1586.
215. 216. Viagi per l'Italia, Francia e Germania di Nicolo Madrisio tom I et II in Venet. 1718.
217. Le aventure de Telemaco in Venet. 1717.
218. Rifflesioni morali in Venez. 1717.
219. La liberta dell'Italia dall'abbate Tosini a Amsterdam 1718.
220. Il ritrato overo le cosa piu notabili di Venezia 1703.
221. 223. Tutte le opere di Machiavelli voll. III. 1680.
224. Il perfetto dittionario da Pietro Galesini in Bassano 1692.
225. L'uomo di corte di Baltas. Graziano p. I et II. Venez. 1718.
226. Lettere de Sig^{re} Gio. Francesco Loredano in Genev. 1669.
227. Gierusaleme liberata du Sig^{re} Tasso in Amsterd. 1678.
228. Memoire di Monticuculi. Tom I in Cologne 1704.
229. L'ambasicata di Romolo a Romano Brusselles 1671.
230. Opere Scelte di Ferrar Pallavicino in Villafranc. 1673.
231. li segreti di stato del Principe. Colog. 1673.
232. . . . . pars 3^{ia}
233. il Decameron di Boccacci pars 2da in Amsterd. 1679.
234. la lira rime del Cavl. Marino.
235. Pietra del Paragone Politico di Traj. Boccalini 1653.
236. Rime del Sig Guarini in Milano 1618.
237. L'olinda in Hall. 1695.
238. Guida de Forestier del P. Coronelli in Venez. 1706.
239. Il Pentimento Generoso di D. Lalli ibid. 1714.

240. Itigenia in Tauri in Torino 1719.
241. La tartana de gl'influssi ibid. 1719.
242. Arsace del D. Ant. Salvi ibi 1718.
243. Tratenimenti Comici Pasquino et Marsorir en Franc. et Ital. Mois de Mars 1717.
244. Griselda in Milano.
245. Sanson, tragi Comedie Italiane per Lucci Riccobonj a Paris 1718.
246. La preziosa ridicola in Venez. 1719.
247. Itigenia in Tauri in Venez. 1719.
248. La vie est un songe. Comed. Ital. a Paris 1718.
249. Les avantures de Telemaque a Rotterdam 1718.
250. Theatre de Mons. Crebillon a Paris 1718.
251. Les malade de Belle humeur a Paris 1697.
252. Lettres des Mons Flechier 1711.
253. Le paix d'Utrecht Tom II. Utrecht 1713.
254. . . . . Tom III.
255. L'Heptameron ou Histoires des amans fortunez tom II. 1698.
255. 258. Lettres historiques et galantes par Mad. C** tom I. II. III. IV. a Cologne 1711.
256. La science de la cour a Amsterd. 1707.
257. Principes de Philosoph par l'Abbe generl. a Amsterd. 1716.
258. Le Plutes et les nuées d'Aristophane par Mad. le feure a Paris 1684.
259. Les regles de la vie civile par Bellegarde a Amsterd. 1706.
260. del'excellence des hommes a Paris 1675.
261. Ceremonies et Coutiemes qui s'observent aujourhuj parmy les suits trad. del'Ital. de Leon de Modene a Paris 1681.
262. Histoire de Gil. Blas. de santillane par le sage. Tom. II. a Paris 1715.
263.4. oeuvres de scudery tom. I. et II. a Amsterd. 1682.
265.66. Les funestes effets del'amour Bruxell. 1718.
267. Reflexions sur ce qui plut plaire au deplaire dans le Commerce du monde a Paris 1690.
268. L'art deplaire dans la conversation a Amsterd. 1711.
269.71. Les oeuvres de Moliere tom IV. VI. VII. a Paris 1710.
272. opere scelte di Ferrante Pallavicino tom II. in Villafr. 1673.
273. Les fables de Phedre a Rouen 1700.
274.75. La vie de Cromwel par Greg. Leti a Amsterd. 1708.
276. Lespectateur a Amsterdam 1717. Tom. II.
277. Le Courtisan de sabuse a Paris 1713.
278.79. Memoires de Comte de Brasey. Tom. II et III. 1716.
280.82. Nouvelles Parodies Bachiques tom. I. II et III. a Paris 1700.
283.84. La Satyre de Petrone tom I et II. a Cologne 1694.
285. La Pharsale de Lucain en vers Franc. par Mons. de Brebeuf. a Paris 1682.
286.87. La vie de Cardinal Commendon trad. par Mons. Flechier tom I. II. a Paris 1702.
288.94. Les oeuvres de S . Euremond tomes VII. a Londres 1711.
295. Dissert. sur les ouvres de Mons. de st. Euremond. a Paris 1718.
296. fables de la fontaine ala Haye 1700.
297. Contes et nouvelles par Cemense a Amsterd. 1709.
298.300. Histoire de Louis XIV pars Mons. de Limiers. Tom. V, VI. VII a Amsterd. 1717.
301. Petit dictionnaire par Claud. Mauger a Rouen 1692.
302. Schauplatz der betrüger. Hamburg 1687.
303. Eutropij Breviarium Romanae historiae. Hallae 1715.
304. Il marito Giogatore in Venez 1719.

305. Calvisij dictionarium Francof. 1702.
306. Bessels politischer glücksschmidt.
307. Happelij teutsche Carl oder geschichte Roman in 1689 Jahr Ulm 1690.
308. Sylva quind. linguis vocabulorum Argentorat.
309. Le noveau Testament par. Le R: P. D. Amelote a Paris 1683.
310. Colloquia Latina, Gallica et Germanica.
311. Did. Saavedra abriss eines Christl. Politischen Printzen Jena 1700.
312. Rhenij Joh. donatus Lat. Germ. Lips. 1703.
313. Nachrichten von denen begebenheiten Ludovici XIV. Leipzig 1716.
314. Terentij Comoediae Wittebergae 1623.
315. Celkarij vocabularium. Merseb. 1714.
316. Annaei Seneca flores. Colon. 1597.
317. Joh. Hubners sechsstes supplement zu seinen historischen undt genealogischen fragen. Leipzig 1713.
318. Seyboldi grammatica Latina. Norinb. 1698.
319. Grunebergs Donatus Francof. 1694.
320. Le Tresor de Sr Denijs a Paris 1715.
321. Samuel Pufendorfs continuirte Einleitung zur Historie. Francof. 1699.
322. Acerra Philologica. 1650.
323. Waagschale derer Frantzosen. Retenburg 1694.
324. Leben des Oliv. Cromwels par M. Vischer. Hamb. 1710.
325. Lettre del Cardinal Bentivogler in Pologne 1665.
326. Catalogus librorum aus Dantzig 1701.
327. gedancken bey betrachtung der himmlischen undt irdischen Schatzbarkeiten.
328. Geometria Ruthenice.
329. de Haagsche Lichtmes in s'Graven Haagen 1696.
330. Jetztlebendtes Europa. Franckfort 1680.
331. Renar. des Cartes observationes de passionibus animae Honov. 1707.
332. Biblia sacra. Lugd. 1540.
333. dictionnaire des passagers. Lips. 1712.
334. Der Lustigen schaubühn 2ter Theyl.
335. Gurtleri Lexicon. Basil. 1702.
336. Von der Nachfolge Christi.
337.38. Historischer bildersaal. I. et IV^{te} Theyl.
339.41. Recueil de Voyages au Nord tomes I. II. et III. a Amsterdam 1715.
342.343. dito tom. II et III.
344.46. Histoire des ouvrages de scavans IV. Tomes.
347. Von der Europaeischen Fama XIII. Stück ungebunden.
348. geheime brieffe sechss posten.
349. Der fliegende passagier 2te promenade.
350. Anhang zum Bildersaal sub. no. 337.
351. Alceste opera London 1716.
352. L'ouvrage des scavans l'an 1689.
353. Der adeliche Hofmeyster.
354. lustige gesellschafft.
355. AEsopi Fabula.
356. Crisp. Salustius.
357. Histoire de Gilblas a Paris 1715.
358. Don Quechotte tom. I. a Paris 1717.
359. Voyage ou Nord tom. I.
360.61. Aventures de Telemaque a Paris.

Н. А. Копанев

«ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» И РОССИЯ
(Новые материалы)

В научной литературе неоднократно высказывалась мысль, что издание знаменитой просветительской «Энциклопедии»[1] в 60—70-х гг. XVIII в. поддерживалось русским правительством. Хорошо известно, что через девять дней после восшествия на престол Екатерина II предложила завершить печатание «Энциклопедии» в Риге или каком-либо другом городе Российской империи. Д. Дидро, редактор запрещенного тогда во Франции издания, отказался от предложения русской царицы, но справедливо расценил его как «здоровую пощечину» врагам «Энциклопедии».[2] Большое значение для успешного завершения основного труда западноевропейских просветителей имела философская переписка Екатерины II, а также приобретение царицей в 1765 г. библиотеки Д. Дидро. Необычные условия этой покупки сразу же попали на страницы зарубежной периодики. «Через 5 месяцев все сомнения, которые так или иначе тормозили распространение последних 10 томов „Энциклопедии", были сняты, и сам Сартин[3] следил за успешным ходом торговли. Позволительно предположить, что между этими событиями было более чем простое совпадение», — отметил французский исследователь Ж. Пруст.[4] Более того, после завершения основных работ над «Энциклопедией» во Франции Дидро заго-

[1] Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une Société de gens de lettres. Mis en ordre et publié par M. Diderot... Paris: chez Briasson et autres, 1751—1780. 35 vol. fol.

[2] См.: *Молок А. И.* Дидро о России // Дидро Д. Собрание сочинений в 10 т. М., 1947. Т. 10. С. 10—11; *Коробочко А. И.* «Энциклопедия» Дидро и Россия // Труды Гос. Эрмитажа. Л., 1975. [Вып.] 16. С. 73—75.

[3] Один из высших сановников французского правительства второй половины XVIII в., покровитель «Энциклопедии».

[4] *Proust J.* Diderot et l'Encyclopédie. Paris, 1962. P. 76.

релся мыслью переиздать все произведение в России, существенно дополнив его. Во время своего приезда в Петербург в 1774 г. в беседах с Екатериной II и И. И. Бецким он доказывал прибыльность такого предприятия, пытался внушить, что оно принесет всеевропейскую славу русской императрице. Дидро изложил свои предложения в виде проекта, который был даже утвержден Екатериной II в 1774 г. Однако в конце концов издание не состоялось.[5]

Итак, совершенно очевидно, что екатерининское время ознаменовалось значительным сближением «Энциклопедии» и энциклопедистов с Россией, что моральная, а зачастую и материальная поддержка русской царицы способствовала успеху издания, которое Вольтер назвал «самым великим и самым прекрасным памятником французской нации и фран-

[5] О причинах неудачи Д. Дидро существуют различные мнения. Д. Ланг утверждал, что издание «Энциклопедии» в России «не состоялось из-за восстания Пугачева, войны с Турцией и из-за финансовых затруднений» (*Lang D. M.* „Encyclopédie“ en Russie et au Caucase // Cahiers de l'Association internationale des études français. Paris, 1952. Mai, № 2. P. 64). А. И. Молок был склонен обвинять в неудаче издания И. И. Бецкого, «нерешительного генерала», который, по мнению исследователя, только и делал, что «колебался и медлил» (*Молок А. И.* Дидро о России // Дидро Д. Собр. соч. в 10 т. М., 1947. Т. 10. С. 17—18). П. И. Люблинский, а за ним и А. И. Коробочко посчитали, что Екатерина II уже в 1770-х гг. поняла, какую опасность представляла «Энциклопедия» для абсолютистского государства (*Дидро Д.* Собр. соч. Т. 10. С. 534; *Коробочко А. И.* «Энциклопедия» Дидро и Россия // Труды Гос. Эрмитажа. Л., 1975. XVI. С. 75). Как видим, никто из исследователей не предположил, что причиной неудачи проекта могло быть его несовершенство. Между тем давно установлено, что редактор «Энциклопедии» ничуть не походил на Вольтера, который не только создавал замечательные работы, но и успешно занимался торгово-промышленными и финансовыми делами. Проект переиздания «Энциклопедии» в России, предложенный Дидро, имел, на наш взгляд, несколько существенных недостатков, которые могли бы заставить «колебаться и медлить» не только И. И. Бецкого. Так, Дидро не принял во внимание, что многотомная, дорогостоящая «Энциклопедия» на французском языке собрала бы в России лишь несколько десятков, от силы две-три сотни подписчиков. Крайне смело было рассчитывать, что русское издание «Энциклопедии» смогло бы выдержать конкуренцию на западноевропейском рынке. Очевидно, что никакая французская, немецкая или голландская фирма не стала бы делиться прибылью, которую сулило подобное предприятие. В данном случае не помогли бы никакие привилегии русской императрицы. Не учел Дидро и ограниченности полиграфических возможностей русских типографий того времени. К примеру, издание «Энциклопедии» на французском языке могло бы на много лет, если не на десятилетие полностью загрузить Академическую типографию, то есть занять более половины всех мощностей гражданского книгопечатания в России. Можно предположить, что, будь проект Дидро принят и исполнен, он не только обернулся бы финансовым крахом, но и неотвратимо привел бы к снижению объемов светского книгопечатания на русском языке.

цузской литературы».[6] Из этого не следует однако, что именно со временем воцарения Екатерины II связаны первые шаги взаимоотношений России с западноевропейским просветительским движением. Разнообразные, порой очень сложные дипломатические и культурные русско-французские связи возникли гораздо раньше, они уходят корнями в конец XVII—начало XVIII в. Энциклопедизм как культурное движение возник в России уже в Петровскую эпоху, и подтверждением этому может послужить история в России самой «Энциклопедии». Начнем с утверждения, что именно Петр I первым из русских обратил внимание на... будущую «Энциклопедию или толковый словарь наук, искусств и ремесел». Как это могло произойти? Общеизвестно, что по первоначальному замыслу компании «Объединенных издателей» «Энциклопедия» должна была представлять нечто иное, как перевод двух капитальных, многотомных английских универсальных словарей Э. Чемберса и И. Харриса,[7] пользовавшихся большим успехом у публики в первом сорокалетии XVIII в. Договор, заключенный издателями в октябре 1745 г., был именно договором «об издании Словаря искусств и наук Чемберса и Харриса во французском переводе».[8] В 1747 г. Дидро был привлечен к работе над «Энциклопедией» не в последнюю очередь потому, что он отлично переводил с английского языка. Лишь в дальнейшем благодаря неуемной работоспособности и таланту великого просветителя и коммерческим интересам издателей проект «Энциклопедии» был расширен и вместо предполагавшегося сначала перевода в 5 томах возник замысел дополненного десятитомного, а потом и 36-томного издания. Итак, дедушкой «Энциклопедии», если можно так выразиться, был «Технологический лексикон, или Всеобщий английский словарь искусств и наук» Иогана Харриса, напечатанный в Лондоне еще в 1704 г. (второе дополненное издание — в 1708—1710 гг.) Труд Харриса был первым универсальным естественнонаучным и техническим словарем. Он содержал в частности значительный свод знаний по математике и кораблевождению.[9] Столь ценное издание,

---

[6] Вольтер — Д'Аламберу. 9 дек. 1755. // Voltaire's Correspondence, ed. by Th. Besterman. Vol. XXVIII. Genève, 1957. № 5954.

[7] *Harris Iohn.* Lexicon Technicum; or an Universal English dictionary of arts and sciences... London, 1704. fol.; Second edition. London, 1708—1710. 2 vol. fol.; *Chambers Ephraim.* Cyclopaedia: or, an Universal dictionary of arts and sciences... London, 1728. 2 vol. fol.

[8] *May L. Ph.* Histoire et sources de l'Encyclopédie // Revue de Synthèse. T. XV. Synthèse historique, VIII, fevr. 1938. P. 15.

[9] Интересно, что издание «Лексикона», так же, как и в дальнейшем

отвечавшее основным целям русской экономики и культуры, вызвало живой интерес царя-преобразователя. 16 декабря 1715 г. Петр I именным указом поручил своему заграничному резиденту А. П. Веселовскому «сыскать... Лексикон универсалис, в котором есть все художества, который выдан в Англии на их языке». Царь обязал Веселовского не только найти и купить эту и еще две книги, но и съездить в Прагу «и там в Езуитских школах учителям говорить, чтоб они помянутыя книги перевели на Славянской язык... В сем гораздо постарайся, — прибавил Петр I, — понеже нам сие гораздо нужно».[10] Русский царь был уверен, что «Лексикон» Харриса к 1715 г. уже был переведен на латинский или немецкий языки, более распространенные в Европе того времени, чем английский. Поэтому для облегчения дальнейшего перевода на русский он попросил Веселовского «сыскать» Лексикон именно на этих языках. Но таких переводов не было, что значительно затруднило задачу. В 1716 г. Петр I настойчиво возвратился к той же теме: «Старайтесь, — написал он Веселовскому, — достать книгу Лексикон Телников[11] (artium et scientiarum), которая выдана в Англии, и чтоб оная была на латинском или немецком языке, и отдайте переводить в помянутый же кляштор к иезуитам, и о цене с ними за перевод оной договорись. Ежели ж (паче чаяния) что на латинском или немецком языке такой книги не сыщите, а может быть что сыщут те иезуиты и английскаго языку переводчика, то купите и на английском языке и пошлите туда, чтоб переводили с английскаго на словенский язык».[12] Судя по всему, Веселовскому не удалось выполнить поручение царя и в первую очередь из-за того, что в начале XVIII в. было крайне мало людей, достаточно хорошо знавших одновременно и английский и русский язык. Но это ни в коей мере не умаляет того факта, что первый универ-

«Энциклопедии», было начато по инициативе группы издателей-промышленников из коммерческих соображений.

[10] То, что «Лексикон универсалис», о котором идет речь в именном указе Петра I, был «Технологическим лексиконом» Харриса, отметили исследователи-слависты А. В. Фроловский и А. С. Мыльников (*Фроловский А. В.* Чехи и восточные славяне. Очерк истории чешско-русских отношений. X—XVIII вв. Прага, 1947. Т. 2. С. 444; *Мыльников А. С.* Русские переводчики в Праге. 1716—1721 // XVIII век: Сб. 6. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. Л., 1974. С. 282). Однако ученые не связали это издание с просветительской «Энциклопедией» Д. Дидро.

[11] Неправильная транслитерация названия Lexicon Technicum, допущенная, по-видимому, писцом.

[12] *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 232.

сальный технологический словарь, «который лег в основу всех позднейших „Энциклопедий“», [13] в том числе и «Энциклопедии» Д. Дидро, был замечен Петром I еще в начале XVIII в., что его перевод на русский язык мог появиться значительно раньше, чем переводы на другие европейские языки, и уж во всяком случае, что замысел этой работы возник в России почти за полвека до начала «просвещенного» правления Екатерины II.

Просветительская, равно энциклопедическая, политика Петра I нашла свое наивысшее выражение в акте учреждения русской Академии наук. С самого своего основания Академия стала способствовать не только развитию производительных сил страны, русского языка, литературы и истории, но и упрочила в целом «литературную республику» — общеевропейский союз просветителей, ученых и литераторов. Именно с деятельностью Петербургской Академии, а так же русских дипломатических представительств в европейских странах во многом связаны основные страницы истории «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств, и ремесел». Характерной в этом отношении является история взаимоотношений русской Академии и Коллегии иностранных дел с одним из основных организаторов «Энциклопедии» — парижским издателем-книготорговцем Антуаном Клодом Бриассоном (Antoine Claude Briasson). А. К. Бриассон с 1745 г. был финансовым директором, казначеем «Энциклопедии», составлял приходо-расходные книги, хранил выручку предприятия и документы, связанные с его деятельностью, вел переговоры и заключал договоры с авторами, переводчиками, рисовальщиками, граверами, лично выплачивал гонорары. В его обязанности входил также созыв «Объединенных издателей» для решения неотложных дел. Позднее Бриассон стал основным распространителем подписок и их хранителем. Через него шла переписка «Энциклопедии». Кроме того, Бриассон был в какой-то мере и идеологическим руководителем издания. Так, именно он привлек Д. Дидро к сотрудничеству в «Энциклопедии». Бриассон явился инициатором выпуска 11 томов гравюр, причем получил в 1762 г. право единолично заключать договоры, подписываясь «Бриассон и Компания» (Briasson et Compagnie). С 1769 г. на титульных листах «Энциклопедии» значились только две фамилии издателей: Бриассон и Лебретон, а с 1771 г. фамилия одного Бриассона.

---

[13] Dictionary of national biography. Oxford; London. T. 9. P. 15.

Развернутый очерк взаимоотношений парижского издателя с русскими учреждениями дан в нашей работе «Французская книга и русская культура в середине XVIII в. (из истории международной книготорговли)» (Л., 1988). В настоящей статье мы опубликуем ряд документов, дополняющих уже известные сведения по данному вопросу. Первый из них — самое раннее письмо к Бриассону, сохранившееся в фонде ученой переписки Петербургской Академии наук. Оно было послано в Париж в августе 1737 г., то есть за 15 лет до выхода в свет первого тома «Энциклопедии». Из письма следует, что уже тогда Бриассон был комиссионером Петербургской Академии по продаже русских изданий на иностранных языках, а так же высылал в Россию для продажи партии французских книг. Книги из Парижа пересылались через Голландию, где русская Академия имела хорошую сеть торговых посредников. Следующее публикуемое письмо датировано ноябрем 1739 г. Оно подписано президентом русской Академии И.-А. Корфом, что еще раз подтверждает наличие тесных деловых связей с парижским издателем-книготорговцем в 1730-х годах. Выясняется, что именно через Бриассона шли книжные дары из России во Францию и обратно.

Сохранилось несколько документов, свидетельствующих о взаимоотношениях Петербургской Академии с парижским издателем в 1747—1750 гг., то есть в то время, когда к печати готовились первые тома «Энциклопедии». Это были тяжелые годы для будущего издания. Дело в том, что до ноября 1750 г. издатели-энциклопедисты не получили еще ни одного ливра прибыли от задуманного предприятия, хотя и вложили в него уже около 70 000 ливров.[14] Лишь 2 декабря 1750 г. в кассу «Энциклопедии» поступили первые деньги, полученные от подписчиков.[15]

В свете этого совершенно незаурядными представляются сведения, содержащиеся в письмах Бриассона к И. И. Тауберту — асессору Петербургской Академии и Г. Гроссу — русскому послу в Париже, а потом в Берлине, написанных в 1749 и 1750 гг. Оказалось, что буквально на следующий день после начала основных работ над «Энциклопедией» (16—17 октября 1747 г.) Бриассон заключил выгодный договор с Петербургской Академией на поставки в Россию значительных партий французских книг. Договор был подписан 18 октября 1747 г. (утвержден К. Г. Разумовским в

[14] *May L.-Ph.* Histoire et sources de l'Encyclopédie. P. 101.
[15] Ibid. P. 102.

начале 1748 г.). В соответствии с ним Бриассон до конца 1750 г. отправил в Петербург для продажи книги стоимостью 3732 флорина (или 8270 ливров). За это же время в «Энциклопедию» он вложил 8166 ливров. Не вызывает сомнения, что поставки книг в Россию, по расчетам Бриассона, должны были восполнить его вклад в «Энциклопедию». Однако действительность внесла поправки в замыслы парижского издателя-книготорговца. Книжная лавка Петербургской Академии, находившаяся тогда на грани банкротства, не смогла выполнить взятые на себя по договору обязательства ни в 1748, ни в 1749 гг. и лишь в конце 1750 г. Бриассон получил причитавшиеся ему деньги.

Публикуемые письма, а также другие документы, выявленные нами в ЛОААН СССР и в архиве ЛОИИ СССР, показывают, что казначей «Энциклопедии» уже в 30—40-х гг. XVIII в. имел в России обширные деловые связи. Достаточно сказать, что корреспондентами Бриассона были и асессор Петербургской Академии И. И. Тауберт, и советники той же Академии Хр. Гольбах и И. Д. Шумахер, и Генрих Гросс, и академический книгопродавец С. Прейсер. С Бриассоном переписывался инспектор академической книжной лавки Фр. Гирст и президент Академии наук, будущий посол России в Дании и Швеции И.-А. Корф, и Рибейро Саншес — почетный член русской Академии, лейб-медик императрицы Елизаветы Петровны. Уже в 1740-х гг. Бриассон являлся поставщиком книг для библиотек крупных русских вельмож — вице-канцлера М. И. Воронцова и президента Академии наук, гетмана Украины К. Г. Разумовского. Более того, Г. Гросс, И. И. Тауберт, Р. Саншес, а возможно М. И. Воронцов и К. Г. Разумовский были лично знакомы с Бриассоном, неоднократно встречались с ним в Париже еще до выхода в свет первого тома знаменитой просветительской «Энциклопедии».

Письмо И. Д. Шумахера к А. К. Бриассону
(ЛОААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 82, л. 73.)

Monsieur,

Lus la lettre du 30 maye que vous m'avez fait l'honneur de m'ecrire. j'ay ordonné de vous envoyer les livres que vous avez demandé à savoir:

	fl.	sold
6. Bayeri historia edessena à 7 fl. H.	20.	2.
1. Comment. tom. III et IV pap. royale	14.	
1. Buxbaumii Cent. IV à part	4.	
6. Projets de M de l'Isle pour mesurer la terre à 4 sol	1.	4.
1. Carte d'opérations illuminé		15.
6. Dictionnaires à 10 sol	3.	
1. Comment. tom. III et IV pap. ord.	10.	
5. La carte générale de Russie par Kyrillof illuminé	5.	
7. ———— dito ordinnaire	3.	10.
en tout monnoye d. H.	61.	11.

lesqueles sont actuellement chargés sur la Renommée commandé par le capitaine Brandavis adressé à M Onderkerk marchand à Amsterdam.

Au plutôt que les livres dont vous faites mention dans la même lettre seront arrivés je vous en avertiray. Faites avec les estampes comme vous jugerez à propos.

à M Briasson 14 d'août [1737]

Перевод

Господин,

Прочитав Ваше любезное письмо от 30 мая, я приказал послать заказанные Вами книги, а именно:

[далее нами приводятся уточненные названия книг. — *Н. К.*]

6. Bayer G. S. Historia osrhoena et edessena... Petropoli, 1734 [Lib. 1—5].

1. Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Tom. III et IV. Petropoli 1732, 1735. На королевской бумаге.

1. Buxbaum J. Chr. Plantarum minus cognitarum centuriae quinque, complectentes plantas circa Byzantium et in Oriente observatas. Centuria IV. Petropoli, 1733. Отдельно.

6. Delisle J. N. Projet de la mesure de la terre en Russie. St. Petersbourg, 1737.

1. Theatrum Belli, a milite Augustae Ruthenorum Imperatricis, adversus Turcas et Tartaros, Anno 1736 et 1737. gesbi. [Petropoli, 1737.]

6. Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731.

1. Commentarii... Tom. III et IV. На обычной бумаге.

5. Кирилов И. К. Атлас Всероссийской империи. [СПб.; М., 1730-е гг.]. Раскрашенный.

7. ———— то же Нераскрашенный.

общей стоимостью в голландской валюте — 61 флорин 11 сольдов

Они уже погружены на корабль „Реноме" под командованием капитана Брандави и будут доставлены вам через амстердамского купца г-на Ондекерка.

Как только книги, о которых вы упоминаете в том же письме, прибудут в Петербург, я дам вам знать. С гравюрами поступайте так, как найдете нужным.

Бриассону 14 августа [1737 г.]

Письмо И.-А. Корфа к А. К. Бриассону
(ЛОААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 27, л. 182, 200)

Monsieur

Vous aurez deja reçu un paquet des livres que j'avois envoyés à quelques Membres de L'Academie Royale des Sciences auxquels les lettres cijointes s'adressent. Je Vous prie, Monsieur, de les leur remettre et d'être persuadé, que si je Vous puis être utile en ce païs, je profiterai avec plaisir des occasions que j'aurai de Vous temoigner avec combien d'estime je suis

Monsieur Votre très humble serviteur de Korff

à St. Petersbourg
ce 17. Novbr. v.st. 1739.
à Mr. Briasson Libraire à Paris.

Перевод

Господин [Бриассон]

Вы, конечно, уже получили книги, посланные мной некоторым членам Королевской Академии наук, которым адресованы и приложенные письма.* Прошу передать их по назначению с уверенностью, что, если я смогу быть чем-либо полезен Вам в этой стране [в России], я использую любую возможность для того, чтобы доказать Вам мое глубокое почтение.

Ваш покорный слуга Корф

Петербург 17. ноября старого стиля 1739 г.
к г-ну Бриассону — книгоиздателю в Париж

Письмо А. К. Бриассона к И. И. Тауберту
(ЛОААН СССР, ф. 3, оп. 1, №. 147, л. 630—631 об.)

Monsieur

Je compte que vous etes de retour de votre voyage depuis longtems et je prie Dieu que ce soit en aussy bonne santé que vous m'aves paru icy. Les lettres que vous m'aves dit avoir écrit d'icy a Monsieur Summacker a mon sujet, celles que j'ay écrit moy même depuis, n'ont encore rien produit pour la satisfaction; je n'ay pas même de nouvelles de l'academie et je ne puis me dispenser de vous en marquer mon étonnement. Vous seaves que je vous ay representé que j'avais compté que l'on acquiteroit le premier envoy que j'ay fait en may 1748, ou plutot qu'on le solderoit des la fin de l'année suivant les conventions que j'ay fait avec Monsieur Gross de l'ordre de S. Ex . Monsieur Le Comte Rosamouseky. Vous aves été touché de mes raison et vous en aves ecrit a l'academie, je l'ay repeté dans mes lettres; le tout inutilement. Je n'ay de meme aucune nouvelle des Atlas de Russie que j'ay demandé et pour lesquels vous avies aussy écrit. La balle que j'ay envoyé de votre ordre en juillet dernier, ou sont les estampes de M. Audran et les modeles de papier de M. Boullanger doit être arrivée depuis long-

* К данному письму были приложены письма, адресованные русскому послу в Париже Антиоху Кантемиру и знаменитым французским ученым Дорту де Мерану (Dortou de Mairan, Jean-Jacque), Реомюру (Réaumur, René-Antoine), Мопертюи (Maupertuis, Pierre-Louis Moreau de) и Фонтенелю (Fontenelle B. Le Bovier de).

tems a Petersbourg et on n'en a pas accusé la reception; tout cela me laisse fort dans l'embarras et ne me fournit rien a repondre a ces amis qui me demandent si j'ay quelques nouvelles de l'arrivée de leur marchandises. Trouves bon, Monsieur, que je vous prie de me tirer de peine, vous me feres plaisir, car je suis dans l'incertitude de la façon dont vous aves soutenu un si long voyage et je serai bien aise d'apprendre qu'il a ete heureux autant que le desire celuy qui est de tous son coeur

Monsieur
Votre tres humble et tres obeissant serviteur
Briasson

Paris 21. 8bre 1749.

Перевод

Господин,

Думаю, что вы уже давно вернулись из путешествия и молю бога, чтоб вы были в таком же добром здравии, в каком, на мой взгляд, пребывали здесь [в Париже — *Н. К.*]. Письма обо мне, которые, как вы сказали, были посланы отсюда к г-ну Шумахеру, и те, что я написал с тех пор сам, никак не повлияли на наши расчеты: у меня нет даже никаких новостей от Академии, и я не могу не выразить вам по этому поводу мое удивление. Вы знаете, что я расчитывал получить плату за первую посылку (май 1748) до конца этого года в соответствии с условиями договора, подписанного г-ном Гроссом по указу Его Светлости г-на графа Разумовского. Вы были тронуты моими доводами и сообщили о них Академии, я сам в письмах повторил свои условия: все впустую. Я не имею даже никаких сведений о заказанных мной „атласах России“. Ящик с гравюрами г-на Одрана и образцами бумаги г-на Буланже, отосланный по вашему приказу в июле, уже давно должен был прибыть в Петербург, но его получение не было подтверждено. Все это создает большие трудности: на вопросы этих друзей, имею ли я какие-либо новости о прибытии товаров, я не могу ничего ответить.

Не гневайтесь, господин, что я прошу вашего содействия, вы доставите мне большое удовольствие, если сообщите, хорошо ли вы перенесли столь долгое путешествие, и буду очень рад узнать, что вы доехали успешно, чего и желает ваш преданный слуга.

Бриассон

Париж 21. октября 1749.

Письмо А. К. Бриассона к Г. Гроссу
(ЛОААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 39, л. 104—107)

Monsieur

Trouveres vous bon que je prenne la liberté d'interrompre vos occupations pour vous rappeller les Conventions dont vous m'aves fait la grace d'etre le redacteur icy entre l'academie des sciences de Petersbourg et moy le 18. 8bre 1747. Vous eutes, Monsieur, la complaisance de les envoyer Vous même a S. Ex^{ce} Monsieur le compte Rosamoscki aujoudhuy atteman de la Tartarie. Et c'est de vous que je heus la confirmation de ces conventions dans la lettre que le S^{r}. Hirst inspecteur de la libraire de l'academie me fit passer par vos mains en datte du 14 fev. 1748 en reponse de celle que je vous remis chez vous le dit jour 18. 8bre 1747. p. luy.

Ces conditions sont: de regler compte tous les ans et que celuy a qui

il sera dù sera payé lors du restant, scavoir; si c'est moy a qui il est dû en bonner lettres de change sur Paris, si au contraire c'es ta l'academie a recevoir, je payeray icy au residens ou deputé etc.

En consequence le 1^{r} may 1748 j'envoyay un bel assortiment de livres a l'academie et je lui en donnay avis et facture le 18 juin 1748. Cet assortiment étoit de florins 2221 d'Hollande. Je devois en etre payé en 1749; mais je ne pus obtenir aucunes reponses. Au lieu de payement Mr Taubert deputé de l'academie se presenta chez moy au mois de may de cette année 1749 et il me promit les plus belles choses du monde, en m'assurant que l'academie rempliroit exactement ses engagemens des son arrivée a Petersbourg ou il devoit se rendre a la fin d'aoust. Sur ses promesses je me laissai encore aller a fournir pour l'academie
Le 23 may 1749 3 fl. 17.
le 2 juillet un envoy de 1503-3.
Le 16 mars de cette année 1750 4-
Qui joint au qui m'en dù de 1748 2221-

monte a florins 3732

font un capitale de 3732 florins d'Hollande.
Je laissai écouler la plus grande partie de 1749. pour voir arriver Mr Taubert a Petersbourg et je luy ecrivis enfin sur la fin de cette année — J'en eus reponse en fevriers et des protestations nouvelles que je serois incessament satisfait et que cela seroit deja fait sans une maladie qui l'avoit accueilli a son arrivée et dont il étoit encore incomodé. Il finissoit par me prier de luy envoyer un livre de 4 fl. sous votre adresse que je luy envoyay le 16 mars derniers. Outre cela j'engageai en juin 1749 un marchand d'estampes mon voisin a joindre a mon ballot pour 750 florins d'Hollande en estampes dont il attend le payement aussy inheureusement que moi.

Mon livre est pourtant chargé de quelque chose que j'ai recù; par exemple pour arreté de compte avec vous en 1747 je suis resté debiteur de fl. 116.9.

J'ay recù en cartes et livres le 1er 8bre 1748 522-
Et par lettre du 12. 7bre 1750 ils m'envoyent en cartes et livres pour 322.16

fl. 961.5

En sorte que malgré mes lettres a Mr Taubert et a M^{r}. Sumacker depuis 15 mois je ne puis obtenir aucun payement de ce qui m'est dù pour le restant de mes envoyes passés et qui monte comme vous le verres au pied de ma lettre a 2770 florins 15. d'Hollande.

L'academie en use même a cet égard de la facon la plus cruelle pour moi car la lettre du S . Preiser commis de l'academie du 1er ?12 7bre dernier ne me dit pas un mot sur l'argent que je demande depuis si longtems en conformité des conventions que vous aves reglé, Monsieur. Suivant lesquelles j'aurois du toucher en may 1749 — flor. 1582. 11 et du moi de juillet de cette année — 1188.4. Mon dit Sieur Taubert m'a fait dire 20 fois depuis six mois que de 15 en 15 jours le 1er ordinaire de la poste m'apporteroit la satisfaction que je demande depuis si longtems et a M. Audran, mon voisin les 750 fl. qui luy sont dù aussi mais je vois que toutes ces promesses ne doivent plus avoir d'effet puisque en m'expediant quelques livres que j'aurois du recevoir il y a deja 8 mois, on ne me parle pas d'argent.

pour acquiter ny la somme duë en reste de 1748. ny mes derniers envoys de 1749.

Tout mon recours ne peut donc plus être qu'en vos bontés, Monsieur. J'en ay recû tant de marques dans votre sejour a Paris que je ne puis me refuser a l'esperance que vous voudres bien ecrire pour moya a S. Allesse Le Prince Rosamousky si il le faut, pour qu'il aye la bonté d'ordonner de mon payement. Vous même vous aves reglé les conventions que le Prince a approuvé; vous m'aves invité a les accepter et je compte sur votre parole qu'elles seront exécutées.

Pardonnez moy s'il vous plait la liberté que j'ay pris de vous importuner et daignes agréer le profond respect avec le quel je serai eternellement.

Paris 8e. 8 bre 1750

Monsieur Votre tres humble et tres obissant serviteur Briasson.

L'academie doit		J'ai recu	
du 1 may 1748	fl. 2221.	pour solde au compte precedent	116.9
du 23 may 1749	3.17	le 1 2 1748	522.
du 2 juillet 1749	1503.3	la facture du 127 1750	322.16
du 16 mars 1750	4.		
	3732.		961.5

	3732 florins
paye	961.5
Reste dù net.	2770.15.

Перевод

Господин,

Не гневайтесь, что беру на себя смелость прервать ваши занятия, чтобы напомнить Вам условия договора, заключенного при Вашем милостливом посредничестве между мною и Петербургской Академией наук 18 октября 1747 г. Вы соблаговолили отправить эти условия к его сиятельству г-ну князю Разумовскому, нынешнему атаману Татарии,* и именно от Вас получил я подтверждение этим условиям в письме г-на Гирста, инспектора книжной лавки, переданном вами мне 14 февраля 1748 г. Это письмо явилось ответом на мое упоминавшееся письмо от 18 октября 1747 г. Условия договора были такими: платить по счетам ежегодно таким образом, чтобы должник к концу года полностью выплачивал свой долг; а именно, если деньги должен получить я, они должны быть высланы векселем в Париж, если же наоборот — Академия должна будет получить что-либо от меня, я произведу оплату здесь резиденту или представителю и т. д.** Вследствие чего 1 мая 1748 г. я послал Академии хорошо подобранную партию книг, а 18 июня 1748 г. отослал извещение и счет. Книги стоили 2221 голландских флоринов, которые должны были быть мне заплачены в 1749 году; но я не получил никакого ответа. Вместо оплаты ко мне в мае 1749 г. приехал представитель Академии г-н Тауберт. Он посулил золотые горы, уверяя меня, что Академия точно расплатится, как только он вернется в Петербург, то есть в конце августа. Положившись на его обещания, я поставил Академии 23 мая 1749 г. кни-

* Так Бриассон «величал» К. Г. Разумовского, являвшегося гетманом Украины.

** Текст подчеркнут в оригинале.

ги на 3 флорина 17 штиверов. 2 июля 1749 г. еще одну партию книг стоимостью 1503.3 флорина и 16 марта 1750 г. еще книги на 4 флорина. Если прибавить эти деньги к 2221 флоринам, которые мне были должны еще с 1748 г., то общий счет поднимется до 3732 голландских флоринов.***

*** Полный перевод этого документа уже опубликован (см.: *Копанев Н. А.* Французская книга и русская культура в середине XVIII в. Л., 1988. С. 79—82). В настоящей работе мы привели перевод лишь начала письма, где говорится об обстоятельствах и условиях договорах между Бриассоном и русской Академией и о его книжных поставках в Петербург.

В. А. Сомов

ПРОСПЕКТ «РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ» П.-Ш. ЛЕВЕКА

«Российская история» П.-Ш. Левека, вышедшая в конце XVIII — начале XIX в. в нескольких изданиях, долгое время оставалась самым значительным французским трудом по русской истории.[1] Автор книги — Пьер-Шарль Левек (1736—1812) провел в России семь лет (1773—1780) в качестве гувернера и учителя Сухопутного шляхетного кадетского корпуса. Все эти годы он трудился над «Российской историей», работа над которой, видимо, близилась к завершению, когда он покидал Петербург.

В России были хорошо известны все издания книги Левека. Первое — парижское (Histoire de Russie, tirée des chroniques originales, de pieces authentiques, et des meilleurs historiens de la nation, par M. Levesque. Paris, chez Debure l'aîné, libraire, MDCCLXXXII. 5 T.) распространялось среди русских читателей по подписке, для чего автором был издан проспект «Российской истории». Впервые на этот проспект обратил внимание известный советский историк С. Н. Валк (1887—1975) в статье «Мемуар Пьера-Шарля Левека о Русской правде (1804 г.)», опубликованной во Франции в 1962 г.[2]

---

[1] *Mazon A.* Pierre-Charles Levesque humaniste, historien et moraliste // Revue des études slaves. 1963. T. 42. P. 7—66; *Сомов В. А.* Книга П.-Ш. Левека «Российская история» (1782 г.) и ее русский читатель // Книга и библиотеки в России в XIV — первой половине XIX в. Л., 1982. С. 82—99.

[2] *Valk S. N.* Un Mémoire de Pierre-Charles Levesque sur la Russkaja Pravda // Revue des études slaves. 1962. T. 41. P. 7—25. К сожалению, эта статья, оригинал которой хранится в личном фонде С. Н. Валка в архиве ЛОИИ СССР (ф. 297, оп. 1, д. 179), до сих пор не издана на русском языке. С. Н. Валк написал ее специально для „Revue des études slaves" по заказу выдающегося французского слависта Андре Мазона (см.: Архив ЛОИИ СССР, ф. 297, оп. 3, д. 150). Статья сопровождала

Наши попытки обнаружить проспект в библиотеках Москвы и Ленинграда, а также в каталогах крупнейших зарубежных библиотек были безрезультатны.[3] Эта брошюра не учтена и в «Сводном каталоге книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке: 1701—1800». (Л.: Наука, 1984—1986. Т. 1—3), составленном на основе фондов 14 библиотек СССР. Поэтому нам представляется полезным опубликовать этот документ по экземпляру, хранящемуся в ЦГАДА в фонде Воронцовых (ф. 1261, оп. 1, д. 3232, л. 3—4 об.).

Судя по содержанию и внешним признакам,[4] проспект был издан в Петербурге в 1780 г. не позднее апреля; вероятно, он был напечатан в типографии Кадетского корпуса, в котором служил Левек.

В проспекте Левек кратко изложил свои взгляды на русскую историю, сожалея, что она совершенно не известна французам, перечислил основные источники — 27 изданий — публикации летописей, труды русских историков и т. п., а также указал условия подписки.

До конца апреля 1780 г., когда Левек уезжал во Францию,[5] желающие получить книгу должны были уплатить 4 рубля. Автор брал на себя обязательство «доставить экземпляры во время навигации 1781 года». Однако это условие было нарушено, так как выход книги задержался; она появилась лишь в конце 1781 г., а на титульном листе был указан даже 1782 г.[6] В Россию книга была отправлена в мае 1782 г., о чем Левек сообщал (7 мая) из Парижа И.-А. Эйлеру — непременному секретарю Петербургской Академии наук: «На-

публикацию, подготовленную А. Мазоном и М. Лараном: Levesque Pierre-Charles. Mémoire sur la Pravda Russkaja, publ. par André Mazon et Michel Laran // Revue des études slaves. 1962. T. 41. P. 27—60.

[3] В личной библиотеке С. Н. Валка, хранящейся ныне в ЛОИИ СССР, «Проспекта Российской истории» нет; сведений о проспекте мы не обнаружили и в подготовительных материалах к статье С. Н. Валка о Левеке (Архив ЛОИИ СССР, ф. 297, оп. 1, д. 179).

[4] Русская бумага с литерами КФ17... См.: *Uchastkina Z. V.* A history of Russian hand paper-mills and their watermarks. Hilversum, 1962. P. 252—253.

[5] 28 апреля 1780 г. Кадетский корпус просил Государственную коллегию иностранных дел о паспорте для Левека, возвращающегося во Францию вместе с семьей (ЦГВИА СССР, ф. 314, оп. 1, д. 3662, л. 50). «Санктпетербургские ведомости» в разделе «Отъезжающие» извещали: «Пиер Шарле Левек, сухопутнаго кадетскаго корпуса профессор, с женою и дочерью, живет в оном же корпусе». — Санктпетербургские ведомости. Прибавления. 1780. 24 апреля, № 33; 28 апреля, № 34; 1 мая, № 35.

[6] *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. Paris-Hambourg et Brunswick, An VIII [1800]. T. 1. P. 1.

конец я посылаю экземпляры, которые я должен господам подписчикам, и надеюсь, что они простят мне промедление, чему я не в силах был воспрепятствовать». Самому Эйлеру, своему хорошему знакомому, Левек послал дарственный экземпляр «Российской истории».[7]

Русские подписчики получили книгу в конце 1782 г. В ноябре «Санктпетербургские ведомости» трижды извещали: «Г(осподам) подписавшимся на издание книги под титулом Histoire de Russie par Mr: Levesque объявляется, чтобы они благоволили прислать за книгами к мадаме Розет живущей в доме г(осподина) тайнаго советника Александра Федоровича Талызина».[8]

О том, кто были «господа подписавшиеся», мы знаем из списка, помещенного в первом томе книги. Список очень представителен, его открывают великий князь Павел Петрович и великая княгиня Мария Федоровна, заказавшие каждый по 25 экземпляров. За исключением небольшого числа иностранцев (в основном дипломатов, преподавателей Кадетского корпуса и Смольного института), подписчики — представители высшего русского общества: государственные и военные деятели, придворные, в том числе лица из ближайшего окружения Екатерины II и Павла Петровича (И. И. Бецкой, А. С. Строганов, Н. И. Панин и др.). Всего в списке более 100 подписчиков, их имена свидетельствуют о значении, которое придавали книге Левека в Петербурге.[9]

«Воронцовский» экземпляр проспекта позволяет проследить, как проходила подписка, он содержит подписи (вероятно, автографы) семи заказчиков:

1. Aepinus — Франц-Ульрих-Теодор Эпинус (1724—1802), ученый-физик, член Петербургской Академии наук, в прошлом воспитатель Великого Князя Павла Петровича. В списке подписчиков значится: M. AEpinus, conseiller d'Etat actuel.[10]

2. Г. А. Воронцов — граф Александр Романович Воронцов (1741—1805). В списке: M. le comte Alexandre Vorontsof, conseiller privé, sénateur, chambellan actuel, président du collège de commerce.

[7] ОРРК Научной библиотеки Тартуского государственного университета. Schardius, 1708. Л. 1.

[8] Санктпетербургские ведомости. Прибавления. 1782. 1 ноября, № 87; 4 ноября, № 88; 8 ноября, № 89.

[9] *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. Paris, 1782. T. 1. P. I—X. Подробнее о списке см.: *Сомов В. А.* Указ. соч. С. 90—92.

[10] Список, как правило, дает точные сведения о подписчиках. Ср.: Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества Христова 1780. СПб.: Имп. Академия наук, [1780].

3. Г. С. Воронцов — граф Семен Романович Воронцов (1744—1832). В списке: M. le comte Sémen Voronisof, général-major, chevalier de la troisième classe de l'ordre militaire de Saint-Georges.

4. A. Безбородко — Безбородко Александр Андреевич (1747—1799). В списке: M. Bezborodka, secrétaire du cabinet de S. M. I.

5. Г. Артемий Воронцов — граф Артемий Иванович Воронцов (1748—1813). В списке нет.

6. Bacounin — Петр Васильевич Бакунин (меньшой) (1734—1786). В списке: M. Bacounin, conseiller d'Etat actuel, chevalier de l'ordre de Sainte-Anne, membre du collége des affaires étrangères.[11]

7. Le Prince Alexandre Kourakin, trois exemplaires — Князь Александр Борисович Куракин (1752—1818). В списке: M. le prince Kourakin, chambellan actuel, premier procureur du Sénat Dirigeant, chevalier de l'ordre de Dannenbrogh, etc. pour 3.

Все лица, поставившие свои подписи на проспекте, кроме А. И. Воронцова, есть в списке подписчиков; следовательно, хотя этот экземпляр и остался в воронцовском семейном архиве (не случайно на нем подписи братьев Александра и Семёна Воронцовых, а также их двоюродного брата Артемия), Левеку стало известно их намерение приобрести «Российскую историю».

[c. 1]
PROSPECTUS.
HISTOIRE DE RUSSIE,
jusqu'au regne de Pierre I
inclusivement,
Par P. Ch. Levesque.
Proposée par souscription.

Les auteurs francais n'ont presque rien écrit d'exact sur l'ancienne histoire de Russie. On peut même dire qu'ils l'ont absolument ignorée, et ils n'ont pas eu la prudence de se taire. S'ils ont appris des étrangers ou des voyageurs quelques faits conformes à la vérité, ils n'en ont fait usage que pour défigurer les noms des hommes et des lieux, au point qu'il est impossible de les reconnaitre. Le premier Législateur des Russes, et l'un de leurs plus célébres Souverains, Jaroslaf, fils de Vladimir, est appellé par Voltaire, Duc inconnu d'une Russie ignorée. Ainsi les Français ne connaissent pas même un Prince qui a donné une Reine à la France et qui doit être compté au nombre des aïeux maternels de leurs Rois.

L'histoire de Pierre I est mieux connue. Mais il semble que les auteurs qui on parlé de ce grand homme, n'aient pu le louer qu'en abbaissant sa

[11] Месяцослов... на лето... 1780. СПб., [1780]. С. 67: «В Государственной коллегии иностранных дел... В секретной экспедиции: члены коллегии: действительные статские советники: Петр Васильевич Бакунин. Петр Васильевич Бакунин Меньшой, ордена Св. Анны кавалер».

nation. A les en croire, les Russes étaient avant lui des animaux sauvages, épars dans les forêts, et ce héros, plus puissant que le fabuleux Orphée, a su les rassembler à sa voix et en faire des hommes. Cependant, dès le tems d'Oleg, les Russes après avoir fait trembler les Grecs, lièrent avec eux un grand commerce, ils fournirent longtems des troupes aux Césars de Bysance, ils eurent de grandes richesses dans

[c. 2]
dans des tems où toute l'Europe était pauvre, leurs artistes étaient employés par des souverains de l'Asie: s'ils connurent peu la lumière des sciences, c'est que la Grece elle-même était devenue barbare et que toutes les nations voisines étaient plongées comme eux dans les ténebres; mais dès le regne du Tsar Ivan Vasiliévitch, ils commencerent à faire de puissans efforts pour en sortir. Il est vrai qu'après la mort de Boris Godounof, qui fut un prince habile, la Russie, déchirée par les désordres intérieurs et en même-tems attaquée par deux voisins jaloux, perdit plus qu'elle n'avait pu acquérir sous les trois derniers regnes, et vit rompre les liaisons qu'elle commençait à contracter avec les principales Puissances de l'Europe. Le grand homme parut; les maux furent réparés, et la Russie, éclairée et triomphante, fit sentir, par ses secours ou par ses conquêtes, sa puissance aux nations qui avaient médité sa ruïne.

Dès que je suis arrivé en Russie, j'ai formé le projet d'en faire connaitre l'histoire à mes compatriotes. J'y ai consacré un travail opiniâtre de plus de six années. J'ai suivi partout les guides les plus sûrs et j'ai toûjours cité en marge mes autorités.

Je me suis arrêté après le regne de Pierre I, parce qu'un particulier obscur ne peut traiter l'histoire des derniers tems que sur des rapports souvent infideles et sur des bruits publics incertains.

Voici les principaux livres dont je me suis servi et dont j'ai fait avec soin les extraits qui m'étaient nécessaires, avant de commencer mon travail.

Летопись Несторова.
Летопись Никонова.
Книга степенная.
Царственной летописец.
Древней летописец.
Царственная книга.
Лето —

[c. 3]
Летопись о Мятежах.
Синопсис.
Ядро Российской Истории.
Казанская история Рычковым.
Астраханская Топография Рычковым.
Описание всех случаев касающихся до Азова.
Известия Византийских историков.
История Скифская.
Краткой летописец Ломоносова.
Повесть о Самозванцах.
История Российская К. Щербатова.
История Российская Татищева.
Житие Петра Великаго на Славенском языке изданное в Венеции.
История Петра Великаго Феофана Прокоповича.
Журнал Петра Великаго.
Описание Сибирскаго Царства Миллером.
Сибирская история Фишера.

Древняя Российская история Ломоносовым.
Ежемесячныя сочинения и переводы.
Древняя Российская Вивлиофика.
Рассуждение о войне с Шведциею, Барона Шафирова.

Conditions de la souscription

L'Histoire de Russie formera cinq volumes in 12, qui seront imprimés à Paris en beau papier et beaux caractères. On payera.

[c. 4]
payera en souscrivant guatre Roubles, dont l'auteur donnera un reçu et il s'engage à faire parvenir aux Souscripteurs leurs exemplaires pendant le cours de la navigation de l'année 1781. Il les prie de permettre que leurs noms soient imprimés à la tête de l'ouvrage.

Comme l'auteur doit partir bientôt pour la France, la souscription ne pourra rester ouverte que jusqu'à la fin du mois d'Avril.

Aepinus
Г А Воронцов
Г С Воронцов
А. Безбородко
Г. Артемий Воронцов

Bacounin
Le prince Alexandre Kourakin, trois exemplaires.

Перевод:
Проспект. Российская история по царствование Петра I включительно. Сочинение П.-Ш. Левека.
Предлагается по подписке.

Французские авторы не написали почти ничего достоверного о древней истории России. Можно даже сказать, что они ее вовсе не знали, и не были столь благоразумны, чтобы хранить молчание. Если же они узнавали от иностранцев или путешественников какие-либо факты, соответствующие истине, то они их использовали лишь для того, чтобы исказить имена людей и названия местностей до такой степени, что распознать их невозможно.

Первого законодателя и одного из наиболее знаменитых русских монархов, Ярослава, сына Владимира, Вольтер называет безвестным князем неведомой России. Таким образом, французы не знают даже государя, который дал Франции королеву и должен быть учтен в ряду предков их королей по материнской линии.

История Петра I известна лучше. Но кажется, что авторы, говорившие об этом великом человеке, могли восхвалять его, только унижая его народ. Если верить им, русские до Петра были дикими животными, рассеянными в лесах, а этот герой, более могущественный, чем легендарный Орфей, сумел собрать их по звуку своего голоса и превратить в людей. Между тем, со времен Олега русские, устрашив греков, завязали с ними оживленную торговлю, долгое время они поставляли войска византийским цесарям, они были очень богаты, в то время как вся Европа оставалась в бедности, их мастеров привлекали к себе азиатские монархи, и если они недостаточно познали свет наук, то потому, что сама Греция впала в состояние варварства, а все соседние народы, равно как и русские, были погружены во мрак, но начиная с правления царя Ивана Васильевича они предприняли значительные усилия, чтобы выйти к свету.

Правда, после смерти Бориса Годунова, который был искусным государем, Россия, раздираемая внутренними распрями и в то же время атакованная двумя завистливыми соседями, потеряла больше, чем она смогла приобрести за три прошедших царствования, и увидела, что прерываются связи, которые она начала устанавливать с основными европейскими державами. Но вот явился великий человек, с бедствиями было покончено, и Россия, просвещенная и торжествующая, заставила почувствовать свою силу, поддерживая или завоевывая народы, которые прежде помышляли о ее падении.

Как только я приехал в Россию, я задумал познакомить своих соотечественников с ее историей. Этому я посвятил более шести лет упорных трудов. Я во всем следовал за самыми верными руководствами и всегда на полях ссылался на авторитеты.

Я остановился на правлении Петра I, потому что человек непосвященный может рассуждать об истории недавних времен только на основании известий, зачастую ненадежных, и сомнительных слухов, распространенных в обществе.

Вот основные книги, которыми я воспользовался, тщательно сделав из них необходимые выписки, прежде чем начать работу <...>

Условия подписки

Российская история составит пять томов in-12°, которые будут напечатаны в Париже на прекрасной бумаге, прекрасным шрифтом. При подписке платят четыре рубля, за которые автор выдает расписку; он обязуется доставить подписчикам экземпляры во время навигации 1781 года. Он просит позволения напечатать их имена в самом начале книги.

Так как автор вскоре должен отбыть во Францию, подписка будет открыта только до конца апреля.

С. Н. Искюль

КАТАЛОГ БАСТИЛЬСКОГО АРХИВА В ЛЕНИНГРАДЕ[1]

Ценнейшие бумаги из архива Бастилии, собранные актуариусом и секретарем русского посольства в Париже П. П. Дубровским во дворе павшей 14 июля 1789 г. знаменитой королевской тюрьмы и в окружавших ее рвах, составили внушительную часть собрания этого неутомимого и вместе с тем компетентного коллекционера.

Разрыв отношений с Францией и дипломатические коллизии конца XVIII — начала XIX в. явились причиной того, что это собрание, но отнюдь не в первоначальном своем составе, было получено П. Дубровским в Петербурге только в конце 1804 г. Уже в феврале 1805 г. коллекция бывшего дипломатического секретаря была приобретена правительством для Императорской Публичной библиотеки, а сам П. Дубровский тогда же был назначен хранителем так называемого Депо манускриптов, начало которому в значительной степени положили принадлежавшие Дубровскому рукописи.

Отчетливо представляя себе значение Бастильского архива в научном плане, П. Дубровский осуществил его систематизацию в том виде, как ему это казалось целесообразным, сопровождая документы краткой аннотацией с указанием их особенностей. С тех пор, однако, обстоятельного описания рукописей Бастильского архива предпринято не было. Вероятно, этим обстоятельством объясняется отчасти то, что Бастильский фонд Публичной библиотеки французским исследователям был известен не полностью и использован был ими в незначительной степени. Что же касается русских историков, то бастильскими документами никто из них не занимался.

---

[1] *Люблинская А. Д.* Бастильский архив в Ленинграде: Аннотир. каталог. Л., 1988. 186 с.

Описание рукописей архива Бастилии было предпринято только в 1934 г., когда Бастильским фондом занялась А. Д. Люблинская (1902—1980 гг.). Уже в 1937 г. ею была завершена работа над систематическим каталогом Бастильского архива, который получил высокую оценку таких выдающихся ученых, как О. А. Добиаш-Рождественская и Е. В. Тарле. Каталог А. Д. Люблинской «Документы из Бастильского архива» был рекомендован к печати и мог быть издан к 150-летнему юбилею революции, однако издание осуществлено не было. Только в 1960 г. каталог бастильских рукописей Публичной библиотеки увидел свет, но строго говоря, это не было изданием в полном смысле этого слова, ибо каталог был напечатан на ротаторе и весьма ограниченным тиражом.

В конце 1960-х годов А. Д. Люблинская вернулась к работе над «Каталогом», просмотрев его заново и снабдив свое описание рядом важных дополнений. Основательное знакомство с архивной коллекцией Н. П. Лихачева позволило А. Д. Люблинской — сотруднику Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР — дополнить свой каталог данными о бастильских рукописях, приобретенных в свое время им для своей коллекции, хранящейся в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР.

Работа над подобного рода каталогом требует достаточно высокого образовательного уровня и уверенного владения приемами и навыками архивной работы. А. Д. Люблинская была наделена этими достоинствами вполне. Обладавшей большой работоспособностью в сочетании с воспринятым ею пристально внимательным, тонким отношением к документу, А. Д. Люблинской удалось внести ясность во многие вопросы, связанные с палеографическими особенностями текстов, с их датировкой, придать законченную стройность систематизации Бастильского архива. Насколько серьезными и сложными оказались задачи, с которыми блестяще справилась А. Д. Люблинская в процессе работы над «Каталогом», об этом можно судить и по тем подготовительным материалам к нему, которые отложились в ее архивном фонде, хранящемся в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР.

Итак, перед нами первое издание каталога «Бастильский архив в Ленинграде», приуроченное к 175-летию ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и к 200-летию Великой французской революции, первым аккордом которой было падение Бастилии. В каталоге, снабженном кратким вступительным словом от редактора (к. и. н. Т. П. Воронова) и содержательным введением «От составителя», представлено анно-

тированное описание всех материалов Бастильского архива, сгруппированных под рубриками «Дела политического характера» (в том числе, дела лиц, заключенных за участие в восстаниях, за печатание и распространение запрещенных изданий, за антиправительственные разговоры и эпиграммы), «Уголовные дела», «Церковные дела», где имеются материалы надзора за различными еретическими, с точки зрения официальной церкви, сектами. Особо выделены в «Каталоге» материалы, отражающие деятельность полицейских органов, рукописные «газетки» 1725—1747 гг., широко распространенные в парижском обществе, документы, относящиеся к истории России и международных отношений XVIII в., а также один из важнейших разделов — «рукописные произведения, отобранные при арестах или написанные лицами, заключенными в Бастилии» (отметим произведение аббата Лангле-Дюфрене в защиту прав Стюартов, «Жизнеописание Руссо», приписываемое Вольтеру, сочинение Н.-А. Буланже о происхождении восточного деспотизма и др.). В качестве приложения приводятся переводы писем русского тайного агента при французском дворе Бона (узника Бастилии в 1734—1735 гг.) русскому послу в Голландии графу А. Г. Головкину.

Таким образом, благодаря изданию «Каталога», вводится в научный оборот целый пласт документальных источников, охватывающий все стороны жизни французского общества эпохи Просвещения, а также сложнейший клубок международных отношений 1730—1740-х гг. Нет сомнений в том, что «Каталог» привлечет к себе внимание историков, филологов, литературоведов, занимающихся различными проблемами собственно истории, истории общественного сознания и литературных «борений» XVIII в., явится важным подспорьем в изучении эпохи Просвещения во Франции.

Памяти С. П. Луппова

7 июня 1988 г. после тяжелой продолжительной болезни скончался выдающийся советский ученый Сергей Павлович Луппов — старейший сотрудник Библиотеки Академии наук СССР, основатель и первый руководитель созданного в ней научно-исследовательского отдела истории книги, добрый, отзывчивый человек, требовательный учитель, на трудах которого выросло молодое поколение историков русской книги.

С. П. Луппов родился 12 мая 1910 г. в семье известного краеведа, знатока истории Вятского края, одного из крупнейших специалистов по истории и этнографии удмуртов доктора исторических наук П. Н. Луппова (о нем см.: Павел Николаевич Луппов. Биобиблиографический указатель. Устинов, 1985). Духовное становление С. П. Луппова проходило в сложных условиях «усиления классовой борьбы на историческом фронте», когда на рубеже 1920—1930-х гг. было фактически уничтожено имевшее замечательные традиции русское краеведение. Вот почему, вопреки семейной традиции по окончании в Вятке средней школы С. П. Луппов в 1928 г. поступил в Ленинградский институт инженеров коммунального хозяйства, по окончании которого в 1932 г. работал на строительстве железных дорог в Ленинградской области. Тем не менее, увлечение историей взяло верх и уже в достаточно зрелом возрасте С. П. Луппов окончил исторический факультет Ленинградского университета (в 1947 г.). В период войны с Финляндией (1939—1940 гг.) С. П. Луппов был призван в армию и участвовал в боях. С первых же дней Великой Отечественной войны С. П. Луппов сражался на Ленинградском фронте, его боевой путь отмечен правительственными наградами.

После демобилизации в 1946 г. С. П. Луппов поступил в Музей истории Ленинграда, где работал вначале научным сотрудником, а затем заведующим Отделом периода феода-

лизма. Углубленное изучение истории основания и строительства Петербурга в эпоху Петра I нашло свое отражение в ряде глав для 1-го тома «Очерков истории Ленинграда» (1955) и в монографии «История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века» (1957); последняя представляла собой защищенную в 1956 г. кандидатскую диссертацию. В дальнейшем Петербург первой половины XVIII века находился в центре и книговедческих интересов С. П. Луппова.

С 1953 г. С. П. Луппов работал в Библиотеке Академии наук СССР, где в полной мере проявились все грани его научного дарования и организаторских способностей. С 1953 по 1974 г. С. П. Луппов возглавлял научно-библиографический отдел. Под его руководством и по его инициативе отдел значительно расширил тематику исследований и превратился в центр разработки теоретических и методологических проблем библиографии, чему немало способствовали как труды самого С. П. Луппова (перечень их см. в кн.: Сергей Павлович Луппов: Биобиблиографический указатель. К 75-летию со дня рождения. (Л., 1985), так и две конференции, посвященные отраслевой (1960) и ретроспективной (1973) библиографии, проведенные Библиотекой Академии наук СССР.

В ходе работы над коллективной монографией «История Библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964» (1964) внимание С. П. Луппова привлекла история русской книги в эпоху Петра I. Несмотря на относительную разработанность этого вопроса, С. П. Луппову удалось выявить значительное количество новых фактических данных по этой проблеме, результатом чего явились докторская диссертация «Книга в России в XVII и в первой четверти XVIII века» (1972) и три его монографии: «Книга в России в XVII веке» (1970), «Книга в России в первой четверти XVIII века» (1973) и «Книга в России в послепетровское время. 1725—1740» (1976). Книговедческая трилогия С. П. Луппова явилась первым в отечественной историографии исследованием, в котором книга изучалась комплексно от ее производства до поступления к читателю, в котором эволюция читательских интересов под влиянием реформ Петра I рассматривалась в связи с историей книгоиздательства и книготорговли.

Работы С. П. Луппова по истории книги в России, в короткий срок получившие широкое признание в СССР и за рубежом, послужили базой для организации в 1974 г. в Библиотеке Академии наук СССР специального научно-исследовательского отдела истории книги, которым он руководил с 1974 по 1982 г. Отдел сразу же стал координирующим цен-

тром по истории книги в России периода феодализма. Совместно с Научным советом по комплексной проблеме «История мировой культуры» были проведены три всесоюзных научных конференции «Книга в России до середины XIX века» (1976, 1981, 1985).

В 1971—1985 гг. С. П. Луппов неизменно участвовал почти во всех советских научных форумах, посвященных истории книги — всесоюзных научных конференциях по проблеме книговедения, Федоровских чтениях, «Смирдинских чтениях», конференциях на тему «Рукописная и печатная книга. Проблемы взаимодействия». С. П. Луппов вел большую научно-общественную работу — он был членом Бюро Комиссии по комплексному изучению книги, организованной при Научном совете по комплексной проблеме «История мировой культуры» АН СССР, членом Библиотечного совета при Президиуме АН СССР, членом ученого совета Библиотеки Академии наук СССР, членом специализированного ученого совета Института культуры имени Н. К. Крупской, членом редколлегий ряда изданий. С. П. Луппов пользовался большим авторитетом в коллективе. В 1964 г. С. П. Луппову было присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

Книги С. П. Луппова еще при его жизни стали классикой отечественного книговедения, а светлая память о нем навсегда сохранится в сердцах его учеников.

СОДЕРЖАНИЕ

«LE LIVRE EN RUSSIE AU SIÈCLE DES LUMIÈRES»

CONTENU

INÉDITS

КНИГА В РОССИИ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ
Сборник научных трудов

Редактор *Э. И. Кутасова* Художник *В. П. Сысалов*

Сдано в набор 25.11.88. Подписано в печать 30.12.88. М-38462.
Формат 60×84/16. Бум. офсет. Гарнитура лит. Высокая печать.
Усл. печ. л. 11,39. Уч.-изд. л. 12,89. Тираж 1300 экз.
Зак. № 290. Цена 1 р. 60 к.

Издательский отдел Библиотеки АН СССР
(199034, Ленинград, Биржевая л., 1)

Типография РПМ Библиотеки АН СССР
(199034, Ленинград, Биржевая л., 1)

ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
32	2 снизу	Майна	Майнца
37	7 снизу	Вапуро	Вацуро
73	18 сверху	к Помтекину.	к Потемкину.
75	11 сверху	М.-Ф. Вольтера	Ф.-М. Вольтера
80	4 снизу	1977 ?	1977 /
136	9 снизу	за **1774** г.[2]	за **1774** г.
160	1 снизу	godof. Haffman.	Godof. Hoffman
177	11 снизу	**S.** Ex.	S. Ex^{ce}.
179	2 сверху	en bonner	en bonnes
„	„ „	c'es ta l'academie	c'est a l'academie
„	10 снизу	1er ?	1er /
187	9 сверху	guatre	quatre

1 р. 60 к.